Vol. 6, No 1
2023

ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2022-5-5

Information about the journal

The journal *Orientalistica* is an print peer-reviewed academic journal, covering a wide range of areas of Oriental studies.
The Journal is being published since 2018.

Form of distribution - print media, journal. Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-72763 dated May 4, 2018.

Registerd in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Tel.: +7(495)621-18-84
www.orientalistica.su
www.orientalistica.com

Compliance with the requirements of the Higher Attestation Commission

By order of December 25, 2020, No. 469-r of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ministry of Education and Science of Russia) and based on the corresponding decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia the Journal *Orientalistica* included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences (Ph. D., russ.: Kandidat nauk), for the degree of Doctor of Sciences (Dr. Sci., russ.: Doctor nauk), formed based on the recommendations of the expert councils of the Higher Attestation Commission, in scientific specialities and corresponding to them should be published branches of science*:

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES

HISTORICAL SCIENCES
5.6.1. History of Russia (History).
5.6.2. General history (History).
5.6.3. Archaeology (History).
5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography (History).
5.6.5. Historiography, Sources Studies and Methods of Historical Research (History).

PHILOSOPHICAL SCIENCES
5.7.2. History of Philosophy (Philosophy).
5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (Philosophy).
5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture (History).
5. 7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (Philosophy).
5. 7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies (History).

PHILOLOGICAL SCIENCES
5.9.3. Theory of literature (Philology).
5.9.4. Folklore Studies (Philology).

Note: *In accordance with the nomenclature of scientific specialties and their corresponding branches of science approved by order of February 24, 2021 No. 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

© *Orientalistica*, 2023
© IOS RAS, 2023

Т. 6, № 1
2023

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2022-5-5

Информация об издании

«Ориенталистика» (*Orientalistica*) – печатное средство массовой информации (СМИ), журнал.

Издается с 2018 г. – ежеквартально.
Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС77-72763 от 4 мая 2018 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Тел.: +7 (495) 621-18-84
www.orientalistica.su
www.orientalistica.com

Соответствие требованиям Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России

Распоряжением от 25 декабря 2020 г. № 469-р Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России) журнал «Ориенталистика» (*Orientalistica*) включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки*:

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
5.6.1. Отечественная история (исторические).
5.6.2. Всеобщая история (исторические).
5.6.3. Археология (исторические).
5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические)
5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические).

ФИЛОСОФИЯ
5.7.2. История философии (философские).
5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские).
5.7.8. Философская антропология, философия культуры (исторические).
5. 7.9. Философия религии и религиоведение (философские).
5. 7.9. Философия религии и религиоведение (исторические).

ФИЛОЛОГИЯ
5.9.3. Теория литературы (филологические).
5.9.4. Фольклористика (филологические).

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Минобрнауки России № 118 от 24 февраля 2021 г.

© «Ориенталистика», 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

CONTENTS

HISTORY OF THE EAST

National History

Manyshev S. B. From a “false prophet” to an Italian monk: Sheikh Mansur in Russian historiography of the 19th — early 20th century 9

Shikhaliev Sh. Sh., Takhnaeva P. I., Chmilevskaya I. A. Necropolis of the Mehtulla Khans in the village of Nizhnii Dzhengutai (Delet-Qaburlar cemetery) 24

Universal history

Miloserdov D. Y. Protective weapons in the khanates of Central Asia in the late 18th — early 20th centuries 55

Historiography, source critical studies, historical research methods

Syrtypova S.-Kh. D. Bodhisattva Manjushri and Zanabazar (1635–1723) 73

Kurukin I. V. “Oriental affairs secretary” Semyon Avramov 87

Kerimova-Kodjayeva T. S. The Formation of Oriental Studies in Azerbaijan: History, Traditions, Schools (19th — First Half of the 20th Century) 97

PHILOSOPHY OF THE EAST

Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

Solovyov. A. V. Russian orientalism vs. Korean positivism: reflections on the translation of biographies (Yŏlchŏn) from the historical records of the Three Kingdoms (Samguk Sagi) into English 118

LITERATURE OF THE EAST

Folklore

Starostina A. B. Chinese Legends about the Construction Sacrifice in the 8th — 9th Centuries and Worship of the Smithing Goddesses 144

CHRONICLE

Events in world science

Tyulina E. V. LXII George Roerich Annual International Meeting. Text and Cultural Dynamics: Ancient and Medieval India and Central Asia 159

Review

Yastrebov G. G. [Book Review:] Andreev Alexey. Quest for the Historical Jesus: from Reimarus to our Time. Moscow: NLO, 2022. 368 p. 173

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Отечественная история

Манышев С. Б. От «лжепророка» до итальянского монаха: шейх Мансур в русской историографии XIX — начала XX века 9

Шихалиев Ш. Ш., Тахнаева П. И., Чмилевская И. А. Некрополь рода Мехтулинских ханов в с. Нижний Дженгутай (кладбище «Делет-къабурлар») 24

Всеобщая история

Милосердов Д. Ю. Защитное вооружение в ханствах Средней Азии конца XVIII — начала XX в. 55

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Сыртыпова С.-Х. Д. Бодхисаттва Манджушри и Дзанабазар (1635–1723) 73

Курукин И. В. «Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов. Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе 87

Керимова-Коджаева Т. С. Становление востоковедных исследований в Азербайджане: история, традиции, школы (XIX–XX вв.) 97

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Философская антропология, философия культуры

Соловьёв А. В. Российский «ориентализм» против корейского «позитивизма»: к переводу биографий (Ёльчон) из «Исторических записей Трёх государств (Самгук саги)» на английский язык 118

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Фольклористика

Старостина А. Б. Китайские предания о строительной жертве в VIII–IX вв. и поклонение богиням кузнечного горна 144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Обзор конференции

Тюлина Е. В. LXII Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения». «Текст и пространство культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия» 159

Рецензии

Ястребов Г. Г. [Рец. на кн.:] Андреев А. А. «Поиск исторического Иисуса»: от Реймаруса до наших дней. Серия: Studia religiosa. Москва: НЛО, 2022. 368 с. 173

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
ИСТОРИЯ ВОСТОКА

- National History
  Отечественная история
- Historiography, source critical studies, historical research methods
  Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- Universal history
  Всеобщая история

Научная статья Исторические науки
УДК 93/94(470.6)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-009-023

От «лжепророка» до итальянского монаха: шейх Мансур в русской историографии XIX — начала XX века

Сергей Борисович Манышев[1, 2]
[1] *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;*
[2] *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия,*
msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0002-5276-7743

Аннотация. В статье рассматривается историография имперского периода антироссийского движения, возникшего на Северном Кавказе в последней четверти XVIII в. Автор анализирует основные концепции и источниковую базу, на которой строились основные выводы историков. Выделяется несколько периодов в развитии изучения движения шейха Мансура, для каждого из которых рассмотрены основные научные труды. В первую очередь рассматриваются свидетельства современников, в которых нашел отражение образ шейха Мансура. Следующий этап развития историографии связан с изучением региона российскими военными, чьи научные изыскания были связаны с осуществлением практических задач. В имперский период основное внимание ученых было сосредоточено в основном на фактической стороне восстания. Отдельное место в статье занимает характеристика введенных в научный оборот архивных материалов.

Ключевые слова: шейх Мансур, историография, история Чечни, Северный Кавказ

Для цитирования: Манышев С. Б. От «лжепророка» до итальянского монаха: шейх Мансур в русской историографии XIX — начала XX века. *Ориенталистика*. 2023;6(1):9–23. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-009-023.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Манышев С. Б., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-009-023

History studies

From a “false prophet” to an Italian monk: Sheikh Mansur in Russian historiography of the 19th — early 20th century

Sergey B. Manyshev[1, 2]

[1] *Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

[2] *Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*

msergey1990@gmail.com, https://orcid.org/ 0000-0002-5276-7743

Abstract. The article deals with the historiography of the 18th century (the last quarter) anti-Russian movement in the North Caucasus. The author analyzes the research methods and the written sources, historians used to form their conclusions. In the study of the Sheikh Mansour activities, one has four basic chronological periods, which reveal predominant attention to a certain group of historical sources. First, come the contemporary memoirs about Sheikh Mansur. The next group form the results obtained by the Russian military who sought to achieve various practical goals. The historians of the Imperial period were interested in the details and chronology of the uprising. Separately the author of the article treats the hitherto unknown archival records and data.

Keywords: Sheikh Mansour, historiography, history of Chechnya, North Caucasus

For citation: Manyshev S. B. From a “false prophet” to an Italian monk: Sheikh Mansur in Russian historiography of the 19th — early 20th century. *Orientalistica*. 2023;6(1):9–23. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-009-023 (in Russian).

Одним из ключевых событий истории Северного Кавказа и русско-кавказских взаимоотношений последней четверти XVIII в. является движение шейха Мансура, которому на небольшой период времени удалось объединить народы региона в их противостоянии Российский империи. Первое осмысление личности Мансура и его биографии началось почти сразу после пленения: о нем писали современники — участники осады и штурма Анапы в 1791 г., без его образа не обходились авторы работ, посвященных истории Кавказской войны XIX в[1].

Если обратиться к мемуарной литературе конца XVIII в., то окажется, что о шейхе Мансуре было известно крайне мало. Причем в большинстве своем это были небольшие заметки в несколько строк — воспоминания тех людей,

[1] Несмотря на некоторую однобокость, вопросы историографии движения Мансура становились предметом исследования [Гапуров, 1988, с. 88–100].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Manyshev S. B., 2023
© Orientalistica, 2023

которые видели его при пленении, либо составляли свое впечатление на основе относительно достоверной информации, как, например, врач Якоб Рейнеггс или французский дипломат Луи Филипп де Сегюр. При этом российские газеты уже в 1785 г. сообщали о действиях Мансура, который «пленил своим поведением простой народ столько, что он почитается теперь предреченным еще задолго пред сим исправителем мусульманской веры» [*Турция. Из Константинополя от 10 ноября*, 1785, с. 1085].

Первоначально о шейхе Мансуре распространялось множество небылиц, о чем в одном из писем сообщал императрице Екатерине II князь Григорий Потемкин [*Екатерина II и Г. А. Потемкин*, 1997, с. 207]. Для современников он был «фанатиком» [Ségur, 1826, p. 400], «лжепророком» [*Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича…*, 2002, с. 66; *Жизнь А. С. Пишчевича…*, 1885, с. 71] и «мнимым святошей» [*Жизнь А. С. Пишчевича…*, 1885, с. 79], который «начал проказничать» [*Дневник А. В. Храповицкого…*, 1874, с. 366]. Однако указывалось, что, несмотря на свою безграмотность, Мансур знал наизусть Коран и множество стихов религиозного содержания. Проповедуя, он сумел распространить свое влияние даже на самые отдаленные уголки Кавказа, попытавшись объединить народы на основе религиозных догм. Особенно привлекательным для примкнувших к шейху стали аскетичность и неприхотливость, а также то, что после удачных военных мероприятий Мансур разделял добычу между нуждающимися и больными [Reineggs, Bieberstein, 1807, p. 284–285]. Собрав значительное войско, он вооружил горцев, которые «въезжали на русские территории с горячностью, удваивающей их природную доблесть» [Ségur, 1826, p. 400]. Мансуру удалось вселить надежду в местных жителей, говоря о том, что он изгонит с Кавказа русских благодаря «сильной доверенности к нему почти всех народов, на северной стороне Кавказских гор обитавших» [*Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича…*, 2002, с. 66]. Однако его первоначальные военные успехи сменились поражениями, а французский посол де Сегюр высказывал сомнения относительно полководческого таланта Мансура [Ségur, 1826, p. 401], который был покинут почти всеми последователями и бежал в Анапу, где оставался с незначительным числом своих сторонников [*Жизнь А. С. Пишчевича…*, 1885, с. 79; Reineggs, Bieberstein, 1807, p. 284].

Выступление Мансура вписывалось в общий контекст неспокойной обстановки на юге Российской империи, в числе которых были нападение ахалцихского паши на Грузию, набеги дагестанцев и турок на Имеретию [Ségur, 1826, p. 377]. Высшие сановники связывали действия Мансура с приближающейся смертью прусского короля Фридриха II и действиями Франции, по рекомендации которой Турция должна была вступить в войну с Россией, отвлекая ее тем самым от европейских дел [*Екатерина II и Г. А Потемкин…*, 1997, с. 208]. У современников не было сомнений в том, что Мансур действует при финансовой поддержке турок [*Жизнь А. С. Пишчевича…*, 1885, с. 71].

Российское кавказоведение в первой половине XIX в. еще не оформилось в самостоятельную научную дисциплину. Поэтому основные исследования в этой области проводились военными, которые составляли историко-

этнографические и топографические описания региона. Однако эта работа не привела к созданию обобщающего научного труда, так как военные руководствовались в основном чисто практическими задачами: составлением подробных карт для обеспечения военных операций [Ткаченко, Колосовская, 2011, с. 206–229]. Поэтому сведения об истории Кавказа XVIII в. в этих работах отрывочны и, как правило, привязаны к иным сюжетам более позднего времени.

В этот период наметились два основных направления, которые до сих пор господствуют в историографии: одни авторы утверждали, что шейх Мансур связан с Османской империей, называли его «турецким дервишем», у которого была особая секретная миссия, направленная на разжигание мятежа против России [Броневский, 1823, с. 99; Броневский, 1996, с. 127; Бларамберг, 2010, с. 142]. Другие подчеркивали, что подобное было невозможно, так как чисто географически Восточный Кавказ располагался слишком далеко, «чтобы пользоваться какими-либо выгодами от преданности турецкому правительству» [*РГВИА*, ф. 846, оп. 16, д. 18507, л. 65]. С деятельностью шейха Мансура связывали окончательную исламизацию чеченцев, а также черкесов и части осетин [Броневский, 1823, с. 99, 181; Броневский, 1996, с. 127; Бларамберг, 2010, с. 51, 340; Терещенко, 1856, с. 73]. Говоря о нем, как о «ревностном поборнике исламизма», российские военные выстраивали логическую цепочку событий, приведших к Кавказской войне, рассматривая шейха в качестве предшественника имама Гази-Магомеда [*РГВИА*, ф. 846, оп. 16, д. 18507, л. 66]. Сюжет, связанный с появлением Мансура, был одним из многих, на которых не следовало заострять особого внимания. Как отмечал один из русских офицеров в середине 1830-х годов, «незначительность действий большей части его (Мансура. — *С. М.*) последователей не заслуживает никакого внимания» [*Материалы по истории Дагестана и Чечни*, 1940, с. 331].

К первой половине XIX в. относится и чрезвычайно важное для понимания истории Кавказа сочинение академика Петра Буткова, вышедшее из печати спустя 10 лет после смерти автора[2]. Основываясь на большом пласте архивных материалов, опубликованной литературы, а также личных наблюдениях, автор составил последовательное описание истории русско-кавказских взаимоотношений до начала XIX в. Он коснулся в том числе и деятельности шейха Мансура, постаравшись не давать каких бы то ни было оценок, а сконцентрировавшись на описании фактов [Бутков, 1869, с. 199, 201–203].

В 1884 г. в журнале «Русская мысль» появилась анонимная статья под названием «Авантюрист XVIII века». И именно с этого момента в российской науке начинает кочевать совершенно фантастическая идея, согласно которой шейх Мансур — это итальянский проповедник по имени Жан Батиста Боэтти[3]. В соответствии с этой версией оказавшийся в Петербурге авантюрист предлагал Григорию Потемкину завоевать Османскую империю. Пробыв в российской столице несколько месяцев, он отправился в Крым, а оттуда —

[2] Подробнее о П. Г. Буткове и его вкладе в научное изучение Кавказа см. работу М. О. Косвена [Косвен, 1958, с. 90–95].

[3] Описание биографии Ж. Б. Боэтти см.: [Rostagno, 1978, p. 113–116].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

в Константинополь. После этого он появился в Курдистане, где объявил себя мусульманским пророком, завоевал Тифлис и двинулся на Северный Кавказ. А спустя год после начала своей авантюры «беглый итальянский монах был уже мусульманским пророком Мансуром, шейхом Оган-Оглы, безграничным владыкою Курдистана, Армении, Грузии и всего Кавказа» [М., 1884, с. 313].

Материалы автором были заимствованы из итальянской периодической печати, в которой эта концепция оказалась чрезвычайно живучей. Русский анонимный автор всего лишь пересказал статью, появившуюся в европейской печати за несколько лет до этого [Ottino, 1876, p. 329–350].

Сразу же по выходе этой статьи в российской печати возникли обоснованные сомнения относительно ее главного посыла. Корреспондент газеты «Кавказ» называл представленные факты «бесцеремонным искажением истории чеченского шейха Мансура» [А. Е., 1884, с. 2]. Деконструкция этого мифа чрезвычайно интересна. Итальянские газеты конца XVIII в. достаточно подробно освещали деятельность Мансура на Кавказе как один из сюжетов, связанных с событиями, происходившими в бассейне Черного моря. Прежде всего итальянскую публику интересовали вопросы, связанные с религиозной реформой, будто бы предложенной Мансуром. И уже в 1786 г. издатели предлагали своим читателям брошюру, в которой в концентрированном виде были изложены эти идеи. Как предполагает ряд исследователей, автором этого сочинения был французский политический деятель Филиппо Буонарроти. Это сочинение вызвало отклик в итальянском обществе: оно демонстрировало проявление общего религиозного кризиса и поиски выхода из него, которые выражались в равенстве между людьми, а Мансур, точнее его образ, созданный анонимным автором, стал восприниматься как своеобразный революционер [Venturi, 1991, p. 99–100; Martelli, 2001, p. 48]. Очевидно, в это время происходило слияние образов «исламского революционера» и итальянского миссионера Жана Батиста Боэтти, которое на протяжении долгого времени присутствует в историографии. Те идеи, которые проповедовал в конце XVIII в. в Мосуле Боэтти, созвучны доктрине, предложенной Мансуром на Кавказе. Очевидно поэтому, в европейском сознании и произошло сращивание в один образ этих двух религиозных проповедников, действовавших где-то на Востоке [Martelli, 2001, p. 50].

Легенда о Боэтти стала своеобразной развилкой для развития исследований об истории Чечни конца XVIII в. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. часть авторов воспроизводила без всякой критики версию о европейском происхождении Мансура, не прибавляя чего бы то ни было нового к уже известным ранее фактам и домыслам [Потто, 2007, с. 105–109; Прозрителев, 1911, с. 1–3, 9–13]. Даже такой знаток кавказской истории, как Василий Потто, высказывал сомнение на этот счет и писал: «Итальянский или какой-нибудь другой искатель приключений, сказать наверное невозможно» [Потто, 2007, с. 110]. Хотя позднее он же признавал чеченское происхождение имама, констатируя, что «ничего таинственного или загадочного в этом лице в сущности не было» [Потто, 1912, с. 149].

Другие историки решительно отвергали домыслы относительно Мансура, говоря о том, что его итальянское или какое бы то ни было другое происхож-

дение — это «выдумка и не имеет ничего общего с проповедником в горах кавказских» [Дубровин, 1886, с. 86]. Академик Николай Дубровин обстоятельно изучил материалы Государственного архива Российской империи, включая показания Мансура, данные им после пленения [Дубровин, 1885, с. 86–136], Николай Волконский приводил отдельные сведения, сохранившиеся о его деятельности в фондах георгиевского архива [Волконский, 1890, с. 16; Волконский, 1894, с. 13], Павел Юдин характеризовал движение на основе документов из Кизлярского комендантского архива [Юдин, 1914, с. 217–228], а Иван Александров продемонстрировал эвристический потенциал Таврического губернского архива для исследования действий шейха на Западном Кавказе [Александров, 1919, с. 1–38].

Авторы второй половины XIX — начала XX в., подробно изучавшие документы, концентрировали свое внимание в основном на фактической стороне, методично описывая все действия Мансура и контрмеры, предпринимавшиеся российской администрацией. В центре их внимания были военные операции русских войск и те последствия, к которым они приводили. Отдавая должное незаурядной личности имама, его одаренности «от природы гибким умом и сильною волей» [Дубровин, 1886, с. 87], они отмечали, что «вырисовывается он далеко не таким, как его представляют легендарные сказания» [Юдин, 1914, с. 218], да и сама идея борьбы была обусловлена не столько личностью Мансура, но и процессами, происходившими внутри горских обществ Кавказа [Фарфоровский, 1913, с. 830]. Неграмотный, знавший наизусть лишь необходимые молитвы, он «сделался мечтателем и невольно выделился из среды односельчан» [Корольков, 1914, с. 411].

Успех же объяснялся рядом факторов. Широкая пропаганда Мансуром своих весьма скромных военных удач, таких как разгром отряда полковника Николая Пьери, привлекла к имаму большое число последователей. Однако именно признание его «хорошим военным организатором» дало возможность движению длиться несколько лет [Фарфоровский, 1913, с. 831; Юдин, 1914, с. 218; Корольков, 1914, с. 413; Александров, 1919, с. 25].

Неизменно возникал вопрос о религиозной составляющей движения. Констатировалось, что, забыв свои разногласия, горцы «поднимают зеленое знамя священного пророка как символ объединения всех» [Фарфоровский, 1913, с. 830]. Видя, что чеченцы отступили от норм религии, Мансур решил «жить набожно и честно», и именно это привлекло его последователей [Корольков, 1914, с. 411]. Относительно недавнее распространение ислама также способствовало удачам имама, так как еще не сформировалась прослойка местного духовенства, которое могло противостоять суфийским идеям имама, некому было противопоставить «реалистическое направление коренного мусульманского учения» [Александров, 1919, с. 37].

Однако далеко не все народы были готовы принять Мансура, например, абазины не поверили его посланникам, утверждавшим, что они проповедники «от турецкой власти», имевшие «учителя из чеченцев» [Александров, 1919, с. 18–19]. Но в большинстве своем историки отмечали, что он был проповедником газавата, направленного против русских, религиозным реформатором, деятельность которого предшествовала действиям имамов первой половины

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

XIX в., а заложенные им идеи развились в мюридизм [Потто, 1912, с. 149; Корольков, 1914, с. 410; Александров, 1919, с. 3].

Участь Мансура после пленения была связана с тем, что правительство видело в нем «опасного политического агитатора и подозревало в нем турецкого агента» [Корольков, 1914, с. 415]. Но Николай Федорович Дубровин отмечал, что архивные документы решительно опровергают любые попытки показать имама турецким эмиссаром или пришельцем [Дубровин, 1886, с. 87].

В XIX в. в научный оборот было введено значительное число архивных документов, которые так или иначе затрагивали вопросы движения под руководством шейха Мансура и проливали свет на отдельные его аспекты. Материалы, характеризующие политику Российской империи на Кавказе, а также взгляд Екатерины II на стратегию ее развития в регионе, нашли отражение в публикациях ее документов, осуществленных в 1870–1880-е гг. академиком Яковом Гротом. В письме к своему многолетнему корреспонденту немецкому дипломату Фридриху Гримму императрица сообщала о том, что действия Мансура координируются Турцией [*Письма императрицы Екатерины II…*, 1878, с. 435], упоминала она о шейхе и в корреспонденциях к другим адресатам [*Бумаги императрицы Екатерины II… .*, 1885, с. 395]. Другой комплекс материалов представляет собой официальные документы — рескрипты Екатерины II князю Григорию Потемкину [*Бумаги императрицы Екатерины II…*, 1880, с. 357–358, 374–377].

На протяжении XIX в. неоднократно публиковался журнал военной кампании генерала Ивана Германа, в результате деятельности которого на берегах Кубани были разгромлены турецкие войска под командованием Батал-Паши [*Журнал кампании…*, 1825, с. 352–382; *Погром Батал-Паши…*, 1896]. Эти военные действия имели важное значение для дальнейших контактов Мансура с турками.

Более полувека изданием исторических документов на Кавказе занималась Кавказская археографическая комиссия, выпустившая в свет 12 большеформатных сборников. Конец XVIII в. оказался почти не охваченным в этом издании, что связано с тем, что в архивных фондах, на основе которых были подготовлены данные публикации, этот период не освещен. Однако во второй том «Актов, собранных Кавказской археографической комиссией» были включены выписки из дел Кавказской губернии за период с 1779 г. Относительно Мансура и вызванных им волнений здесь некоторый интерес представляют рапорты астраханского губернатора Михаила Жукова к генералу Павлу Потемкину конца марта 1785 г., сообщение кизлярского коменданта астраханскому губернатору, датируемое 1789 г., с информацией о рассылаемых Мансуром письмах к местным владетелям, а также сообщение о пленении имама в 1791 г. [*Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*, 1868, с. 1113–1116, 1119, 1122].

В изданных материалах Государственного совета также нашли отражение некоторые сюжеты, связанные с Мансуром. В протоколы его заседаний включено краткое изложение реляций князя Г. А. Потемкина за 1787 г., в которых речь идет о победах русских войск на Кубани [*Архив Государственного совета*, 1869, с. 491].

Среди документов екатерининской эпохи опубликовано частное письмо И. В. Гудовича о взятии Анапы и пленении Мансура, в котором он описывает тяготы военной жизни и кратко касается непосредственно штурма крепости [*Московские письма…*, 1876, с. 261–262].

Несомненный интерес для раскрытия не только частных вопросов, но и политики Российской империи на Кавказе в целом представляют документы, связанные со служебной деятельностью князя Г. А. Потемкина. Среди его писем брату П. С. Потемкину некоторое место уделено деятельности имама Мансура [*Письма к графу П. С. Потемкину*, 1879, с. 432–433]. Кроме того, некоторые материалы были опубликованы Н. Ф. Дубровиным в начале — середине 1890-х гг. в подборке бумаг Г. А. Потемкина. В частности, это высочайшее донесение осени 1788 г., в котором описываются победы русских войск на Кубани, где среди прочего упомянут и шейх Мансур [*Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического…*, 1894, с. 24]. Также необходимо отметить письма правителя Таврической губернии генерал-майора Василия Каховского к полковнику Василию Попову, в которых тот рассказывает о распространении слухов о Мансуре в Крыму, а также распространении здесь его писем [*Письма правителя Таврической области…*, 1877, с. 248, 289–293].

Среди материалов российского дипломата Якова Булгакова, подготовленных к печати Н. Ф. Дубровиным, также можно найти документы о Мансуре: это указ императрицы Екатерины II, в котором она касается влияния Османской империи на внутриполитическое положение на Северном Кавказе, а также пересказ сведений турецкого агента, отправленного к имаму в 1786 г. [*Бумаги Я. И. Булгакова*, 1885, с. 143–145, 179–181].

Большое число документов, в которых речь идет о шейхе Мансуре, было сосредоточено в архиве академика П. Г. Буткова в копиях. В самом конце XIX в. они были подготовлены к публикации председателем Кавказской археографической комиссии Евгением Фелицыным. Данная публикация включает материалы о штурме и взятии турецкой крепости Анапа в 1791 г., письма шейха Мансура к Батал-Паше, показания секретных агентов о политических настроениях на Северном Кавказе [*Материалы для истории Северного Кавказа…*, 1899, с. 407–408, 435], а также ряд других документов о положении дел в регионе в начале 1790-х гг.

Среди тематических подборок документов, публикация которых была осуществлена в дореволюционное время, необходимо выделить небольшой сборник, включающий документы, характеризующие служебную деятельность полковника Степана Бурнашева, который играл важную роль в российско-грузинских отношениях. Здесь особый интерес представляет письмо генерала Михаила Леонтьева с характеристикой политического положения на Северо-Восточном Кавказе летом 1785 г. [*Новые материалы для жизнеописания…*, 1901, с. 30–31].

На протяжении XIX в. в научный оборот было введено существенное число архивных документов, в которых рассматривалась деятельность шейха Мансура на Северном Кавказе. Учеными, несмотря на их взгляды, была проделана большая работа по интерпретации тех или иных фактов из истории региона последней четверти XVIII в. Несмотря на то, что на основе архивных мате-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

риалов были детально описаны действия как горцев, так и российских властей, образ самого шейха Мансура не стал четче, а его действия яснее. Поэтому необходимо постоянно иметь в виду, что любое заявление, связанное с его биографией, может быть оспорено, а любой «факт» необходимо сопровождать словом «возможно». Именно поэтому биография Ушурмы легендарна, обрастает массой «подробностей», которые множатся исключительно благодаря фантазии того или иного историка. В заключение можно вспомнить слова о Мансуре, написанные в начале XX века, которые и сегодня не теряют своей актуальности: «История как его самого, так и проповеданного им тарикатского учения, до сих пор вполне не выяснена» [Гидулянов, 1903, с. 378].

Сокращения / Abbreviations

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва.

Список литературы / References

1. А. Е. Закавказский махди в XVIII столетии. *Кавказ: Газета политическая и литературная.* 1884. № 144. С. 2–3 [A. E. Transcaucasian mahdi in the 18th century. *Kavkaz: Gazeta Politicheskaya i Literaturnaya* (*Caucasus: Political and literary newspaper*). 1884. No. 144, pp. 2–3 (in Russian)].
2. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией*. Т. II. Под ред. А. П. Берже. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1868 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. II. Ed. by A. P. Berzhe. Tiflis: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo, 1868 (in Russian)].
3. Александров И. Шейх имам Мансур, проповедник газавата на Кавказе в конце XVIII века. (По архивным материалам Таврического губернского архива). *Известия Таврической ученой архивной комиссии.* № 56. Под ред. А. И. Маркевича. Симферополь: Типолитография В. И. Якубовича, 1919. С. 1–38 [Aleksandrov I. Sheikh Imam Mansur, Gazavat Preacher in the Caucasus at the end of the 18th Century. (According to Archival Materials of the Taurida Provincial Archive). *Izvestiya Tavricheskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. No. 56. Ed. by A. I. Markevich. Simferopol: Tipolitografiya V. I. Yakubovicha, 1919, pp. 1–38 (in Russian)].
4. *Архив Государственного совета.* Т. I: *Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). Протоколы Совета в царствование императрицы Екатерины II.* Ч. 1: *Отделение историческое*. СПб.: Тип. II отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1869 [*Archive of the State Council.* Vol. I: *Council in the Reign of Empress Catherine II (1768–1796). Protocols of the Council in the Reign of Empress Catherine II.* Part 1: *Department of History*. Saint Petersburg: Tipografiya II otdeleniya sobstvennoy e.i.v. kantselyarii, 1869 (in Russian)].
5. Бларамберг И. *Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа*. Пер. с фран. яз., предисл., коммент.

И. М. Назаровой. М.: Надыршин, 2010 [Blaramberg I. *Historical, Topographic, Statistical, Ethnographic and Military Description of the Caucasus.* Publ. by I. M. Nazarova. Moscow: Nadyrshin Publisher, 2010 (in Russian)].

6. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*. Ч. II. М.: В тип. С. Селивановского, 1823 [Bronevskiy S. *The Latest Geographical and Historical News about the Caucasus.* Part II. Moscow: V Tipografii S. Selivanovskogo (in Russian)].
7. Броневский С. М. *Историческия выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времен Ивана Васильевича доныне.* Подготовка текста, предисл., примеч., указ. И. К. Павловой. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996 [Bronevskiy S. M. *Historical Extracts on Russia's Relations with Persia, Georgia, and in General with the Mountain Peoples Living in the Caucasus, from the Time of Ivan Vasilyevich to the Present.* Publication by I. K. Pavlova. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1996 (in Russian)].
8. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве. Т. 5. [Собраны Я. К. Гротом]. *Сборник Императорского русского исторического общества*. Т. 42. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1885 [Papers of Empress Catherine II from the State Archives. Vol. 5. [Publ. by Ya. K. Grot]. *Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva* (*Collection of the Imperial Russian Historical Society*). Vol. 42. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk, 1885 (in Russian)].
9. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве. Т. 4. [Собраны Я. К. Гротом]. *Сборник Императорского русского исторического общества.* Т. 27. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1880 [Papers of Empress Catherine II from the State Archives. Vol. 4. [Publ. by Ya. K. Grot]. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* (*Collection of the Imperial Russian Historical Society*). Vol. 27. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1880 (in Russian)].
10. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1788–1789 гг. Под ред. Н. Ф. Дубровина. *Сборник военно-исторических материалов*. Вып. VII. СПб.: Военная тип., 1894 [Papers of Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky. 1788–1789. Ed. by N. F. Dubrovin. *Sbornik Voenno-Istoricheskikh Materialov* (*Collection of military-historical materials*). Issue VII. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya, 1894 (in Russian)].
11. Бумаги Я. И. Булгакова. 1779–1798. *Сборник Императорского русского исторического общества.* Т. 47. [Изданы Н. Ф. Дубровиным]. СПб.: Тип. М. И. Скороходова, 1885. С. 1–237 [Papers by Ya. I. Bulgakov. 1779–1798. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* (*Collection of the Imperial Russian Historical Society*). Vol. 47. [Publ. by N. F. Dubrovin]. Saint Petersburg: Tipografiya M. I. Skorokhodova, 1885, pp. 1–237 (in Russian)].
12. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год.* Ч. II. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1869 [Butkov P. G. *Materials for the New History of the Caucasus from 1722 to 1803*. Part II. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1869 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

13. Волконский Н. Кавказ в 1787–1799 годах. (Из уцелевших остатков георгиевского архива). *Кавказский сборник. Т. XIV.* Под ред. [И. С.] Чернявского. Тифлис: Тип. А. А. Михельсона, 1890. С. 3–75 [Volkonskiy N. The Caucasus in 1787–1799. (From the Surviving Remains of the Georgievsk Archive). *Kavkazskiy Sbornik* (Caucasian Collection). Vol. XIV. Ed. by [I.S.] Chernyavskii. Tiflis: Tipografiya A. A. Mikhel’sona, 1890, pp. 3–75 (in Russian)].
14. Волконский Н. Кавказ в 1787–1799 годах. (Продолжение). *Кавказский сборник.* Т. XV. Под ред. [И.С.] Чернявского. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. С. 1–51 [Volkonskiy N. The Caucasus in 1787–1799. (Continuation). *Kavkazskiy Sbornik* (Caucasian Collection). Vol. XV. Ed. by [I.S.] Chernyavskii. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal’stvuyushchego Grazhdanskoy Chast’yu na Kavkaze, 1894, pp. 1–51 (in Russian)].
15. Гапуров Ш. А. Некоторые вопросы историографии движения горцев под предводительством Мансура во второй половине 80-х гг. XVIII века. *Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии.* Отв. ред. В. П. Крикунов. Грозный: [б. и.], 1988. С. 88–100 [Gapurov Sh. A. Some Questions of the Historiography of the Highlanders’ Movement Under the Leadership of Mansur in the Second Half of the 80s 18th Century. *Questions of the Historiography of the Pre-revolutionary Checheno-Ingushetia*. Ed. by V. P. Krikunov. Groznyy: [b.i.], 1988, pp. 88–100 (in Russian)].
16. Г[идулянов] П. Шейх-Мансур. *Энциклопедический словарь.* Т. XXXIX: *Чугуев — Шен.* СПб.: Тип. Акционерного общества Брокгауз–Ефрон, 1903. С. 378 [G[idulyanov] P. Sheykh-Mansur. *Encyclopedic Dictionary*. Vol. XXXIX: *Chuguev — Shen.* Saint Petersburg: Tipografiya Aktsionernogo Obshchestva Brokgauz–Efron, 1903, pp. 378 (in Russian)].
17. *Дневник А. В. Храповицкого. 1782–1793.* Биогр. ст., указ. Н. Барсукова. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874 [*Diary of A. V. Khrapovitsky. 1782–1793.* Publ. by N. Barsukov. Saint Petersburg: Tipografiya M. Stasyulevicha, 1874 (in Russian)].
18. Дубровин Н. Ф. *История войны и владычества русских на Кавказе*. Т. II. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1886 [Dubrovin N. F. *History of War and Domination of Russians in the Caucasus*. Vol. II. Saint Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1886 (in Russian)].
19. *Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791.* Издание подготовил В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997 [*Catherine II and G. A. Potemkin. Personal Correspondence. 1769–1791*. The Publication was Prepared by V. S. Lopatin. Moscow: Nauka, 1997 (in Russian)].
20. Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная. 1764–1805. Предисл., примеч. Н. Попова. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*. Кн. I. М.: В Университетской тип, 1885. С. 1–112 [Life of A. S. Pishchevich, Described by Him. 1764–1805. Publ. by N. Popov. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete* (*Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University*) Vol. I. Moscow: V Universitetskoy Tipografii, 1885, pp. 1–112 (in Russian)].

21. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа, 1790 года от 22 сентября по 30-е число. *Отечественные записки*. 1825. Ч. XXIV. С. 352–382 [Journal of the Campaign along the Caucasian Line of the Late Infantry General and Cavalier Ivan Ivanovich German, 1790 from September 22 to the 30. *Otechestvennye zapiski*. 1825. Part XXIV, pp. 352–382 (in Russian)].
22. Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича, составленные им самим. *Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы.* Сост. Я. А. Гордин, Б. П. Миловидов. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. С. 55–88 [Notes on the Service of Field Marshal Count I. V. Gudovich, Comp. by Himself. *Caucasian War: Origins and Beginning. 1770–1820.* Comp. Ya. A. Gordin, B. P. Milovidov. Saint Petersburg: Izdatelstvo Zhurnala "Zvezda", 2002, pp. 55–88 (in Russian)].
23. Корольков М. Я. Шейх-Мансур Анапский. (Эпизод из первых лет завоевания Кавказа). *Русская старина: Ежемесячное историческое издание*. 1914. Вып. V. С. 410–417 [Korol'kov M. Ya. Sheikh Mansur of Anapa. (An Episode from the First Years of the Conquest of the Caucasus). *Russkaya Starina: Ezhemesyachnoe Istoricheskoe Izdanie* (*Russian antiquity: Monthly historical publication*). 1914. Issue V, pp. 410–417 (in Russian)].
24. Косвен М.О. П. Г. Бутков как кавказовед-этнограф. (К 100-летию со дня смерти). *Советская этнография.* 1958. № 1. С. 90–95 [Kosven M. O. P. G. Butkov as a Caucasian Ethnographer. (To the 100th Anniversary of Death). *Sovetskaya Etnografiya* (*Soviet ethnography*). 1958. No 1, pp. 90–95 (in Russian)].
25. М. Авантюрист XVIII века. *Русская мысль: Журнал научный, литературный и политический.* 1884. Кн. VII. С. 297–314 [M. Adventurer of the 18th Century. *Russkaya Mysl': Zhurnal Nauchnyy, Literaturnyy i Politicheskiy* (*Russian thought: Scientific, literary and political journal*). 1884. Vol. VII, pp. 297–314 (in Russian)].
26. Материалы для истории Северного Кавказа 1787–1792 гг. (Окончание). [Публ. Е. Д. Фелицына]. *Кавказский сборник*. Т. XX. Под ред. [В. А.] Потто. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899. С. 297–463 [Materials for the History of the North Caucasus 1787–1792. (Ending). [Publ. by E. D. Felitsyn]. *Kavkazskiy Sbornik* (*Caucasian Collection*) Vol. XX. Ed. by [V.A.] Potto. Tiflis: Tipografiya Kantselyarii Glavnonachal'stvuyushchego Grazhdanskoy Chast'yu na Kavkaze, 1899, pp. 297–463 (in Russian)].
27. *Материалы по истории Дагестана и Чечни.* Т. III. Ч. I: *1801–1839.* Подготовка к печати Г. Е. Грюмберга, С. К. Бушуева. Махачкала: Даггиз, 1940 [*Materials on the History of Dagestan and Chechnya.* Vol. III. Part I: *1801–1839.* Prepar. for Publ. G. E. Gryumberg, S. K. Bushuev. Makhachkala: Daggiz, 1940 (in Russian)].
28. Московские письма в последние годы екатерининского царствования. От Н. Н. Бантыша-Каменского к князю А. Б. Куракину. *Русский архив*. 1876. Вып. 11. С. 257–285 [Moscow Letters in the Last Years of Catherine's Reign. From N. N. Bantysh-Kamensky to Prince A. B. Kurakin. *Russkiy Arkhiv* (*Russian archive*). 1876. Issue 11, pp. 257–285 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

29. *Новые материалы для жизнеописания и деятельности С. Д. Бурнашева, бывшего в Грузии с 1783 по 1787 г*. Собрал и издал С. Н. Бурнашев. СПб.: Государственная тип., 1901 [*New Materials for the Biography and Activities of S. D. Burnashev, Who Was in Georgia from 1783 to 1787*. Publ. by S. N. Burnashev. Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1901 (in Russian)].
30. Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796). Издал Я. Грот. *Сборник Императорского русского исторического общества.* Т. 23. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1878 [Letters from Empress Catherine II to Grimm (1774–1796). Publ. by Ya. Grot. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* (*Collection of the Imperial Russian Historical Society*). Vol. 23. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii Nauk, 1878 (in Russian)].
31. Письма к графу П. С. Потемкину. [Сообщил А. О. Круглый]. *Русский архив*. 1879. Вып. 8. С. 428–441 [Letters to Count P. S. Potemkin. [Publication by A. O. Kruglyy]. *Russkiy arkhiv* (*Russian archive*). 1879. Issue 8, pp. 428–441 (in Russian)].
32. Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада его светлости князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому. *Записки Императорского одесского общества истории и древностей*. Т. X. Одесса: Славянская тип. М. Городецкого, 1877. С. 235–361 [Letters from the Governor of the Tauride Region, Vasily Vasilyevich Kokhovsky, to the Manager of the Office, V. S. Popov for the Report of His Lordship to Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky. *Zapiski Imperatorskogo Odesskogo Obshchestva Istorii i Drevnostey* (*Notes of the Imperial Odessa Society of History and Antiquities*) Vol. X. Odessa: Slavyanskaya tipografiya M. Gorodetskogo, 1877, pp. 235–361 (in Russian)].
33. *Погром Батал-Паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 года. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалерии Ивана Ивановича Германа, 1790 года с 22 сентября по 30 число*. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1896 [*The Defeat of Batal Pasha on the Banks of the Kuban on September 30, 1790. Journal of the Campaign along the Caucasian Line of the Late General of Infantry and Cavalry Ivan Ivanovich German, 1790 from September 22 to September 30*. Ekaterinodar: Tipografiya Kubanskogo oblastnogo pravleniya, 1896 (in Russian)].
34. Потто В. А. *Два века терского казачества (1577–1801).* Т. II. Владикавказ: Электропечатня тип. Терского областного правления, 1912 [Potto V. A. *Two Centuries of the Terek Cossacks (1577–1801).* Vol. II. Vladikavkaz: Elektropechatnya Tipografii Terskogo Oblastnogo Pravleniya, 1912 (in Russian)].
35. Потто В. А. *Кавказская война.* Т. 1: *От древнейших времен до Ермолова*. М.: Центрполиграф, 2007 [Potto V. A. *Caucasian War.* Vol. 1: *From Ancient Times to Yermolov.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2007 (in Russian)].
36. Прозрителев Г. Шейх Мансур. (Материалы для истории Кавказской войны). *Труды Ставропольской ученой архивной комиссии.* Вып. 1. Ставрополь: Тип.

Губернского правления, 1911. С. 1–13 [Prozritelev G. Sheikh Mansur. (Materials for the History of the Caucasian War). *Trudy Stavropol'skoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. Vol. 1. Stavropol: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1911, pp. 1–13 (in Russian)].

37. *Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).* Ф. 846. Оп. 16. Д. 18507 [*Russian State Military Historical Archive*. Fund 846. Inv. 16. Case 18507 (in Russian)].
38. Ткаченко Д. С., Колосовская Т. А. *«Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти…». Социокультурна деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников).* Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного университета, 2011 [Tkachenko D. S., Kolosovskaya T. A. "*We Fought in the Caucasus Not to Defeat the Enemy and Leave…". Sociocultural Activities of the Caucasian Army (According to the Memoirs and Research of Contemporaries)*. Stavropol: Stavropol State University Press, 2011 (in Russian)].
39. [Терещенко А.] Лжепророк Мансур. (Окончание). *Сын отечества. Журнал политический, ученый и литературный.* 1856. № 16. С. 73–75 [[Tereshchenko A.] False Prophet Mansur. (Ending). *Syn Otechestva: Zhurnal Politicheskiy, Uchenyy i Literaturnyy* (*Son of the fatherland. Journal political, scholarly and literary*). 1856. Issue 16, pp. 73–75. (in Russian)].
40. Турция. Из Константинополя от 10 ноября. *Московские ведомости*. 1785. № 104. С. 1085 [Turkey. From Constantinople, 10 November. *Moskovskie Vedomosti*. 1785. No. 104, pp. 1085 (in Russian)].
41. Фарфоровский С. Великий шейх Мансур. (Из истории кавказских волнений). *Русский архив.* 1913. Вып. 12. С. 829–831 [Farforovskiy S. Great Sheikh Mansur. (From the History of the Caucasian Unrest). *Russkiy Arkhiv* (*Russian archive*). 1913. Issue 12, pp. 829–831 (in Russian)].
42. Юдин П. Лжепророк Ушурма — Ших Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе). *Русский архив*. 1914. Вып. 10. С. 217–228 [Yudin P. False Prophet Ushurma — Shih Mansur. (From the History of Religious Movements in the Caucasus). *Russkiy Arkhiv* (*Russian archive*). 1914. Issue 10, pp. 217–228 (in Russian)].
43. Martelli F. Un Esempio di Identità Utopica: le Riflessioni Italiane Sulla Realtà del Caucaso tra XV e XVIII secolo. *Problemi di Identità tra Medioevo ed Età Moderna. Seminari e Bibliografia*. A cura di P. Prodi, V. Marchetti. Bologna: CLUEB, 2001, pp. 41–58.
44. Ottino E. Oghan-Oolò, Sceik Mansour. Padre G. Battista Boetti. *Curiosità e ricerche di storia Subalpina.* Vol. II. Torino: Fratelli Bocca, 1876, pp. 329–350.
45. Reineggs [J.], Bieberstein M. *A General, Historical, and Topographical Description of Mount Caucasus: With a Catalogue of Plants Indigenous to the Country.* Vol. I. Transl. by C. Wilkinson. London: Printed for C. Taylor et al., 1807.
46. Rostagno L. Il Profeta Mansur ovvero Giovan Battista Boetti. *Rivista Degli Studi Orientali*. 1978. Vol. 51. Fasc. 1/4, pp. 113–128.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

47. Ségur L. P. *Mémoires ou souvenirs et anecdotes*. T. II. Paris: Alexis Eymery, 1826.
48. Venturi F. The Legend of Boetti Sheikh Mansur. *Central Asian Survey*. 1991. Vol. 10. № 1–2, pp. 93–101.

Информация об авторе

Манышев Сергей Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; старший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, msergey1990@gmail.com.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена рецензентами 28.02.2023; принята к публикации 10.03.2023; опубликована 30.03.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Sergey B. Manyshev — Ph. D (Hist.), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, msergey1990@gmail.com

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 10.03.2023; published 30.03.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья Исторические науки
УДК 929.55
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-024-054

Некрополь рода Мехтулинских ханов в с. Нижний Дженгутай (кладбище «Делет-къабурлар»)

Шамиль Шихалиевич Шихалиев[1, 2]

[1] *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;*
[2] *Институт истории, археологии и этнографии РАН, Махачкала, Россия,*
shihaliev74@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-3322-0256

Патимат Ибрагимовна Тахнаева

Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия,
ptakhnaeva@gmail.com, https://orcid.org/0000-0003-3322-0256

Илона Алексеевна Чмилевская,

Институт Востоковедения РАН, Москва, Россия,
ilonach1905@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-8830-5444

Аннотация. В рамках научной экспедиции в Предгорный и Нагорный Дагестан в 2022 г. авторами было изучено кладбище «Делет-къабурлар» в селении Нижний Дженгутай, которое являлось столицей крупного политического образования Дагестана — Мехтулинского ханства (просуществовавшего с середины XVII в. по 1867 г.). На кладбище были обнаружены ранее не описанные надмогильные стелы последних представителей рода мехтулинских ханов, на которых на арабском языке читались имя погребенного, дата смерти и благопожелательные надписи. Основной задачей исследования было сопоставить имена на стелах с известными по историческим источникам именами представителей этого рода. Всего в статье приведено описание девятнадцати надмогильных стел: в первой части даны идентифицированные памятники и биографическая справка об их владельцах, во второй — описания стел, владельцев которых установить не удалось. Нами рассмотрены некоторые аспекты биографий Ахмад-хана Мехтулинского (1808–1843), его жены Нух-бике (ум. 1871), их сыновей: старшего — Ибрагим-хана (1836–1869) и младшего — Ра-

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Шихалиев Ш. Ш., Тахнаева П. И., Чмилевская И. А, 2023
© Ориенталистика, 2023

шид-хана (ум. 1876), а также Шихшабека из с. Большой Дженгутай (ум. 1865) и Мирза-бека, сына Абусултан нуцал-хана (ум. 1855), и других представителей местной аристократии, похороненных на этом кладбище.

Ключевые слова: эпиграфика, Мехтулинское ханство, Нижний Дженгутай, Аварское ханство, Хунзах, Дагестан

Для цитирования: Шихалиев Ш. Ш, Тахнаева П. И., Чмилевская И. А. Некрополь рода Мехтулинских ханов в с. Нижний Дженгутай (кладбище «Делет-къабурлар»). *Ориенталистика*. 2023;6(1):024–054. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-024-054.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618–7043–2023–6–1–024–054

Necropolis of the Mehtulla Khans in the village of Nizhnii Dzhengutai (Delet-Qaburlar cemetery)

Shamil Sh. Shikhaliev[1, 2]

[1] *Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

[2] *Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, shihaliev74@mail.ru, https://orcid.org/0000–0003–3322–0256*

Patimat I. Takhnaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ptakhnaeva@gmail.com, https://orcid.org/0000–0003–3322–0256

Ilona A. Chmilevskaya

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ilonach1905@mail.ru, https://orcid.org/0000–0002–8830–5444

Abstract. During the field trip to the Piedmont and Mountainous Daghestan in 2022, the authors studied the “Delet-Qaburlar” cemetery in the village of Nizhnii Dzhengutai, which was the capital of a major local political entity the Mekhtulla Khanate which had existed from the middle of the 17th century to 1867. At the cemetery, previously unsearched tombstones of the last representatives of the Mekhtulla Khanate dynasty were found. On these tombstones, the names of the buried, the date of their death and auspicious inscriptions were carved in Arabic. The main goal of the study was to compare the buried representatives of this genus known in historical sources. In total, the article contains a description of the nineteen tombstones. In the first part, the monuments of the identified persons with their brief biographical information are given. The second part contains descriptions of tombstones whose owners could not be identified. In this article authors have considered some aspects of the biographies of Ahmad-khan Mekhtulinskii (1808–1843), his wife Nuh-bike (d. 1871), their sons: the elder Ibrahim-khan (1836–1869) and the younger Rashid-khan (d. 1876), as well

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Shikhaliev Sh. Sh., Takhnaeva P. I., Chmilevskaya I. A., 2023
© Orientalistica, 2023

as their relatives: Shikhshabek (d. 1865), Mirza-bek, son of Abusultan nutsal-khan (d. 1855) and other representatives of the local aristocracy buried in this cemetery.

Keywords: Epigraphy, Mehtulla Khanate, Nizhnii Dzhengutai, Avar Khanate, Khunzakh, Daghestan

For citation: Shikhaliev Sh. Sh., Takhnaeva P. I., Chmilevskaya I. A. Necropolis of the Mehtulla Khans in the village of Nizhnii Dzhengutai (Delet-Qaburlar cemetery). *Orientalistica*. 2023;6(1):024–054. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-024-054.

Введение

В ходе экспедиции в августе-сентябре 2022 года в Предгорный и Нагорный Дагестан на старейшем кладбище «Делет-къабурлар» («кладбище [квартала] Телет») [Шихалиев, 2001] селения Нижний Дженгутай (Буйнакский район РД) был обнаружен ряд эпиграфических памятников — 19 надмогильных стел, датируемых серединой — второй половиной XIX в. с указанием имен захороненных, дат смерти и благопожелательными надписями. Некоторые стелы выделялись крупным размером и богатым орнаментом, что позволило сделать предположение о знатном происхождении их обладателей. Путем сопоставления сохранившейся информации: имен, указанных дат и некоторых иных фактов — мы пришли к выводу, что они принадлежат членам династии Мехтулинских ханов, правителей одноимённого ханства Мехтулинского.

Мехтулинское ханство — политическое образование Северо-Западного, Предгорного, Дагестана, просуществовавшее с середины XVII в. вплоть до 1867 г. В исследуемый период (XIX в.) столицей ханства было селение Нижний Дженгутай. В мозаичном политическом поле Дагестана указанного периода Мехтулинское ханство исследователи относят к крупным политическим образованиям феодального типа. Принято считать, что свое название ханство получило по имени основателя Кара-Мехти, который объединил под своей властью одиннадцать селений, вышедших из-под власти другого крупного феодального образования — шамхальства Казикумухского — в период его ослабления в середине XVII в. [Алиев, Умаханов, 1999, с. 234–245]. Правители Мехтулинского ханства были тесно связаны родственными и иными узами с элитами других крупных политических образований, в особенности с аварскими нуцалами, правителями Аварского ханства со столицей в Хунзахе [*Сборник сведений о Кавказских горцах (отдел IV, выпуск II),* 1869, с. 1–16; Алиев, Умаханов, 1999, с. 234–245; Айтберов, 1990, с. 166–176; Kemper, 2006].

На этом большом кладбище мы насчитали 19 могил, принадлежащих представителям местной правящей аристократии, которые расположены компактно. Причем по историческим источникам нам удалось выявить информацию только о восьмерых из них.

Описания памятников, чьих владельцев удалось идентифицировать, приведены в первой части статьи. Во второй части статьи мы привели описания памятников, расшифровку надписей надмогильных стел представителей рода мехтулинских правителей, о которых не нашли сведений в исторических источниках. Тем не менее их имена, расположение могил в непосредственной близости к известным представителям династии мехтулинских ханов, равно

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

как и схожесть орнамента, форм и размеров надгробных плит, позволяют нам без сомнений соотнести их с династий правителей Мехтулинского ханства.

В процессе исследования памятников мы пронумеровали их в соответствии с расположением, начиная с крайних на западной стороне некрополя, до крайних восточных. Эту же нумерацию мы используем и в тексте статьи.

Ниже мы приводим описание надмогильных памятников, надписи, их переводы на русский язык, а также исторические сведения о лицах, захороненных на этом некрополе.

№ 1. Ахмад-хан, сын Хасан-хана, ум. 1259 г. х. / 1843 г.

Вертикальная стела. Размеры: высота — 285, ширина (плеч) — 58, ширина — 53, толщина — 22[1]. Вертикальная стела вставлена в специальные пазы — прямоугольные отверстия горизонтальной плиты-постамента. Размеры горизонтального обрамления: длинна — 310, ширина — 110, толщина — 35, высота — 17. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх*.

Текст эпитафии на вертикальной стеле (рис. 1, 2):

Перевод:

Всякий, кто в нем [земном мире], исчезнет.	كل من عليه فان
Покойный, переселился из мира бедствий в потусторонний мир[2].	المرحوم المنتقل من دار البلاء الى دار البلى
Вечность присуща Всевышнему Аллаху.	البقاء الله تعالى
Он — благородный господин Ахмад-хан — сын Хасан-хана	هو السيد الكريم احمد خان بن حسن خان
[Скончался] в месяц Аллаха мухаррам в 1259 г.[3]	في شهر الله محرم سنة ٩٥٢١
Да простит их обоих Прощающий Всевышний Аллах.	عفى الله تعالى العافي عنهما

На памятнике имеются следы краски красного и черного цветов.

Задняя сторона стелы без надписей и орнамента.

Ахмад-хан Мехтулинский (1808–1843) — сын Хасан-хана (правил в 1808–1819, ум. 1819 г.). Покойный представлен более чем скромно: «*Ахмад-хан — сын Хасан-хана*». Лишь на плите его внука (тоже похороненного на этом некрополе) представлена генеалогия дженгутайских правителей: «*Ахмад-хан, сын Ибрагим-хана, сын Ахмад-хана, сын Хасан-хана, сын ал-амира Али-султана, сын ал-амира Махди из славного рода, восходящего в конце к Умар-хану*» (№ 18).

Ахмад-хан Мехтулинский приходился племянником Султан-Ахмед-хану Мехтулинскому, сыну правителя — «эмира Мехтулы» Али-Султан-хана Параульского (1773–1807), который впоследствии стал аварским ханом. Султан-Ахмед-хан не являлся хунзахцем, но из Хунзаха происходила его мать — Кистаман — родная сестра покойного правителя Аварии нуцала Умахана

[1] Здесь и далее размеры даны в сантиметрах.

[2] Дословно: «в мир, где все земное истлевает».

[3] 31 января — 1 марта 1843 г.

Рис. 1, 2. Надмогильная стела Ахмад-хана б. Хасан-хана (ум. 1843 г.)

Fig. 1, 2. Gravestone of Ahmad-khan b. Hasan-khan (d. 1843)

(1761–1801). Таким образом, Султан-Ахмед-хан Мехтулинский пришел к управлению Аварией в силу кровного родства по матери с аварским ханским домом. Его утверждение на аварском престоле восходило к событиям начала 1801 г., когда в Аварском ханстве со смертью ее правителя нуцала Умахана «кончился род аварских ханов по мужскому колену» [*История, география и этнография Дагестана…*, 1958, с. 286; Хайдарбек Геничутлинский, 1992, с. 47] и развернулась борьба за престолонаследие.

Покойный нуцал Умахан (Умар-хан) являлся единственным сыном предыдущего правителя Аварии Мухамад-нуцала (1730–1774), у которого в браке с женой Баху (из рода кайтагских уцмиев) было четверо детей: наследный сын Умахан и трое дочерей — Кистаман, Аймисей, Бахтика. История их браков отражала геополитические интересы Аварского ханства того периода, закрепленные брачными союзами с представителями Мехтулинского, Казикумухского и Карабахского ханств. В частности, Кистаман была выдана замуж за правителя Мехтулинского ханства Али-Султан-хана Дженгутаевского.

Кистаман в этом браке родила двоих сыновей — Хасан-хана (ум. 1819) и Султан-Ахмад-хана (последний был женат на своей двоюродной сестре Баху, дочери Умахана, и позже, на вдове Умахана — Китилай) [Хайдарбек Геничутлинский, 1992, с. 46; Хапизов, 2013, с. 8–16]. В июне 1802 г. после заключения брака с вдовой аварского нуцала Китилай ханская чета Султан-Ахмед-хан и Китилай «соправительствовавшая ему… возобновили от имени всего народа прошение о принятии их с подвластною им областию в подданство Е. И. В.» [*Материалы по истории Дагестана и Чечни*, 1940, с. 119]. В октябре 1802 г. оно было удовлетворено, а новому аварского хану определено жалованье в 5 тысяч серебряных рублей в год, а в апреле 1803 г. он был приведен к присяге на верноподданство России [*Русско-дагестанские отношения…*, 1988, с. 257, 266]. Таким образом, Султан-Ахмед-хан Параульский стал правителем Аварского ханства и в 1802–1818 гг. пребывал в российском подданстве.

Спустя десять лет, с появлением в регионе нового командующего Отдельным Грузинским корпусом (с августа 1820 г. известен как Отдельный Кавказский корпус) генерала А. П. Ермолова (1777–1861) [*Записки А. П. Ермолова. 1798–1826*, 1991, с. 10–11], отношения Тифлиса и Хунзаха кардинально изменились. В 1814–1815 гг., как писал генерал Ермолов, «ханства Казикумухское, Аварское, владения Мехтулинское и уцмия Каракайтагского и другие сильные общества», лишь формально придерживались проросийской ориентации и «не признавали власти нашей над собой». На этом основании с сентября 1818 г. Ермолов приказал прекратить аварскому

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

хану «производство жалованья» [*АКАК*, 1875, с. 23]. В том же году аварский правитель Ахмед-хан (Параульский) отказался от русского подданства и вместе с братом Хасан-ханом, правителем Мехтулинского ханства, стал во главе так называемого ханского движения [Гаджиев, 1997, с. 14] — союза антирусски настроенных дагестанских владетелей — Мехтулы, Казикумуха, Кайтага, Табасарана, союза Акуша и некоторых сельских обществ, заручившихся поддержкой Персии и Турции. Антирусское ханское движение к 1823 г. потерпело окончательное поражение.

В середине 1823 г. непокорный и опальный аварский правитель Султан-Ахмед-хан скончался, оставив четверых детей от жены Баху — дочь Султанат двенадцати лет, сыновей: Абу-Султана (нуцал-хана) десяти лет, Умахана семи лет и Булача неполных двух лет [*АКАК*, 1878, с. 521]. А уже в сентябре 1828 г. благодаря активной деятельности его вдовы, Баху, ханская семья покойного Султан-Ахмед-хана принесла присягу на верноподданство России [*АКАК*, 1878, с. 521–522]. К концу лета 1834 г. все ханские сыновья погибли в противостоянии ханства имамам. После убийства аварского хана и его двух братьев правителем Аварии в 1836 г. стал Ахмад-хан Мехтулинский — сын Хасан-хана Мехтулинского и Кистаман. Ему, Ахмад-хану Мехтулинскому, генерал-майору российской армии, правителю Аварии (1836–1843), и принадлежит могила № 1.

К тому времени Аварским ханством управлял лакский родственник аварских ханов Магомед-Мирза-хан, правитель Казикумухского ханства. Но он не желал занимать это место, и рекомендовал вместо себя полковника Ахмад-хана Мехтулинского. Военно-окружной начальник Дагестана генерал-майор И. А. Реутт удовлетворил его просьбу. По мнению Реутта, кандидатура вполне соответствовала его требованиям к управляющему Аварским ханством, который должен был «на месте лично принимать решительные меры», обеспечивать «содержание в Аварии вооруженной силы», гарантировать собственное «постоянное пребывание в ханстве» и которому бы «жители оказывали должное повиновение». Отзыв современника, капитана генерального штаба А. К. Вранкена о мехтулинском правителе, Ахмад-хане, отчасти соответствовал ожиданиям генерал-майора Реутта: «Ахмет-хан был строг до жестокости и щедр до расточительности. Под его правлением мехтулинцы дрались всегда храбро, потому что гнев собственного хана был для них страшнее неприятельского выстрела» [*РГВИА*, ф. 846, д. 6514(1), оп. 16, л. 39 об.]. «Я должен был согласиться на таковое распоряжение, — писал не совсем довольный этим выбором корпусной командир генерал-адъютант Г. В. Розен, — тем более что не имею в виду, кем бы можно было в сем случае заменить Ахмет-хана…» [*ДГСВК*, 1959, с. 149]. Он, хотя и соглашался на это назначение, но вместе с тем писал Реутту, что «пристрастие Ахмет-хана к горячим напиткам вынуждает сомневаться насчет управления им Аварией»[4] [*ДГСВК*, 1959, с. 148; Богуславский, 1892, с. 445]. 19 октября 1836 г. главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области барон Г. В. Розен утвердил распоряжение генерал-майора Реутта [*АКАК*, 1881, с. 608].

[4] Автор полковой истории ссылается на Отношение № 1145, Дело № 26. 2-е отделение Генерального Штаба. Архив Кавказского Окружного Штаба.

Ахмад-хан Мехтулинский был назначен правителем Аварии до совершеннолетия законного наследника ханства, регентом сына погибшего аварского хана: вдова Нуцал-хана, Хайбат, в 1834 г. родила сына, которого назвали в честь деда Султан-Ахмед-ханом. Ахмад-хан Мехтулинский (которому «было даровано прощение» и «возвращено владение» опального отца Хасан-хана), начавший править мехтулинцами с 1824 г., получил теперь в управление и Аварию. Он рассчитывал властвовать в ней долго, до совершеннолетия прямого наследника этого ханства, а в случае смерти последнего «испросить утверждения за ним Аварии навсегда, в потомственное владение» [Мехтулинские ханы, 1869, с. 7]. Но в 1843 г. Ахмад-хан Мехтулинский скончался от болезни в возрасте 35 лет, будучи в чине генерал-майора.

Ахмад-хан был женат на дочери Мехти-шамхала Тарковского, Нох-бике (Нух-бике, она тоже захоронена на этом некрополе, № 4). У них было три сына: Хасан-хан (ум. в 1847 г., по другим данным — в 1839 г., похоронен не в Дагестане) (о его смерти см.: [Оразаев, Шихалиев, 2006–2007, с. 76]), Ибрагим-хан и Рашид-хан (оба похоронены на этом некрополе, № 3 — Ибрагим-хан, № 2 — Рашид-хан); и две дочери: Баба-бика и Хафсат-бика. Баба-бика была выдана в 1843 г. замуж за Елисуйского султана Даниял-бека (скончалась в 1846 г., похоронена в с. Гачада Чародинского р-на [Хапизов, Шехмагомедов, 2019, с. 160, 540]), другая дочь, Хафсат, скончалась в 1869 г., похоронена на некрополе (№ 5), но о ней пока ничего не известно. Все трое сыновей Ахмад-хана Мехтулинского получили российское европейское образование и имели высокие военные чины.

№ 4. Нух-бике (Нох-бике), дочь Мехти-шамхала, ум. в 1288 г. х. / 1871 г.

Вертикальная стела: высота — 273, ширина — 62, толщина — 27. Горизонтальная плита-постамент: длина — 305, ширина — 110, толщина — 55, высота — 19. На стеле есть следы зеленой и темно-синей красок. Задняя сторона стелы содержит геометрический орнамент стреловидной формы, с сужением кверху. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *сулс*.

Текст эпитафии (рис. 2):

Перевод:

Переселилась [в потусторонний мир] знатная госпожа Нух-бике, дочь Махди-шамхала	قد انتقلت السيدة الجليلة نوح بيكه بنت مهدي شمخال
В месяце джумада ал-ула в 1288 г.[5]	في شهر جماد الاولى ٨٨٦١
Да простит Аллах их обоих, амин.	عفى الله عنهما آمين
Всякий, кто в нем [земном мире], исчезне	كل من عليها فان

После смерти Ахмад-хана в 1843 г. Аварское ханство было утеряно кавказским командованием до 1859 г. — оно вошло в состав Имамата. Власть в Мехтулинском ханстве номинально принадлежала вдове Ахмад-хана Нух-

[5] 18 июля — 17 августа 1871 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

бике, фактически же ханством управляли офицеры российской армии, именовавшиеся ее помощниками. В 1847 г. вдовствующая мехтулинская правительница Нух-бике была похищена аварским наибом Хаджимурадом в ночь с 13 на 14 декабря 1846 г. из столицы Мехтулинского ханства селения Нижний Дженгутай.

Рис. 3, 4. Надмогильная стела Нух-бике бт. Мехти-шамхала (ум. 1871 г.)

Fig. 3, 4. Gravestone of Nuh-bike b. Mekhti-shamhal (d. 1871)

Нух-бике 1843–1846 гг. приходилась Даниял-султану Елисуйскому тещей — он вторым браком был женат на дочери покойного Ахмад-хана Мехтулинского [*РГВИА*, ф. 846, д. 6514 (1), оп. 16 (2), л. 17]. По воспоминаниям современников, ханша к тому времени считалась одной из «красивейших женщин на Кумыкской плоскости» [Алиханов, 2005, с. 41]. К моменту похищения ей было по меньшей мере около сорока лет. Сложно согласиться с датами ее рождения и замужества, которые приводят современные исследователи, согласно которым Нух-бике родилась в 1816 г., а в 1834–1835 гг. вышла замуж за Мехтулинского хана Ахмад-хана [Халипаева, Акгезова, Османов, 2015, с. 115]. В таком случае, если она вышла замуж в возрасте 19 лет, то к 1843 г. у нее мог быть первый ребенок в возрасте 12 лет. Между тем ко времени похищения она была матерью пятерых детей — трех сыновей и двух дочерей.

Сам Хаджимурад об этой истории упоминал очень коротко: «В 1846 году, ночью, вошел в селение Дженгутай и увез вдову его Нух-Бике. В продолжение трех месяцев жила она в моем доме и впоследствии, настояниями и ходатайством зятя ее Даниель-Бека была выкуплена» [*ЦИАГ*, ф. 1087, д. 284, оп. 1; *АКАК*, 1885, с. 525–527]. История ее выкупа была полна драматизма.

Абдурахман ал-Газикумуки (1837–1901), сподвижник и зять имама Шамиля, автор историко-биографического сочинения «Китаб ат-тазкира» писал, что Хаджимурад «совершил набег в Верхний Дженгутай и захватил оттуда ханшу Нухбике в плен, она была отвезена в Аварию…». Когда Даниял-султан узнал об этом похищении и положении похищенной, «почувствовал сильную тяжесть на душе». Он «обратился за помощью к имаму Шамилю и шейху Джамалуддину Казикумухскому с просьбой приказать Хаджимураду освободить ее за пять тысяч рублей» [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 56] (для сравнения — тогда же с горцами уже год шли переговоры о выкупе «предводителя дворянства Астраханской губернии коллежского асессора Давыдова», за которого требовали тысячу триста рублей серебром [*ЦИАГ*, ф. 1087, д. 381, оп. 1, л. 24]). По другому источнику, Даниял-султан вначале обратился к имаму с просьбой приказать Хаджимураду немедленно освободить ханшу, но имам Шамиль сослался на то, что в *шари'ате* не оговорено право изъятия военной

добычи[*ЦИАГ*, ф. 1087, д. 381, оп. 1, л. 21]. Абдурахим, брат вышеуказанного Абдурахмана, подтверждал: «Чтобы сломить упорство Хаджи-Мурата, Даниель обратился к самому Шамилю, прося его, на правах имама, приказать Хаджи-Мурату выдать его тещу на предложенных условиях. Но Шамиль также отказал, сославшись на то, что в *шари'ате* нигде не сказано, чтобы можно было отнимать военную добычу и без согласия ее владельца отдавать другому» [Шульгин, 1903, с. 10–24].

В соответствии с текстом Абдурахмана, Хаджимурад затребовал за ханшу не только баснословный выкуп в пять тысяч рублей, но и рабыню, взятую наибом Даниял-султаном в наложницы. Последний был готов заплатить любую сумму, но не соглашался расставаться с наложницей. В свою очередь Хаджимурад категорически отказывался брать серебро без упомянутой рабыни. Абдурахман писал: «Если бы даже Даниял-бек прибавил еще столько же серебра, то он бы не взял их из-за того, *что они оба были врагами.* Хаджимурад хотел унизить его, отобрав у него рабыню, которую тот очень любил» [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 56]. По всей видимости, к тому времени отношения между наибами уже были натянутыми и окончательно испортились после этого случая. Даниял-султан, не желая отдавать свою любимую женщину личному врагу, вновь обратился к имаму с просьбой посодействовать в освобождении ханши. Имам отстраненно отвечал: «Он не заставит Хаджимурада отпустить ее домой, если он сам того не захочет. Но если он сам желает этого, то он не воспрепятствует этому желанию» [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 57]. Переговоры зашли в тупик. Они затянутся практически на три месяца.

В первых числах марта этот вопрос начал решаться. Имам Шамиль сообщил, что «соглашается отпустить ее, как с придачею сверх 5 тысяч рублей 17 человек пленных гумбетовцев и салатавцев, находящихся ныне под арестом в г. Темир-Хан-Шуре» [*Кавказский сборник*, 1911, с. 29]. И назначил срок для решения этого вопроса пять дней. Но, увы, обмен срывался. Даниял-султан, который собирал деньги, необходимые для выкупа, по-прежнему отказывался выдавать наибу Хаджимураду свою рабыню-наложницу. Последний продолжал настаивать на этом условии выкупа. Имам Шамиль будет вынужден вмешаться и обратиться к Даниял-беку, в письме от 9 марта 1847 г. он писал ему: «…Приложите все усилия, чтобы это сделать» [Омаров, 1997, с. 40]. Обмен состоялся 11 марта в Аймакинском ущелье, на границе между Аймаками и Гергебилем [*ЦИАГ*, ф. 1087, д. 381, оп. 1, л. 39]. Абдурахман писал, что «в конце концов Хаджимурад добился своего — отпустил Нухбике, получил серебро и рабыню» [Абдурахман из Газикумуха, 1997, с. 56].

По возвращении домой Нух-бике обнаружила разоренный и разграбленный дом.

Спустя тридцать лет, в 1867 г., по «Краткой записке о мехтулинском ханском доме…» «вдова генерала-майора Ахмет-хана, Нох-бике, живет преимущественно в Темир-Хан-Шуре, имеет в своем владении предоставленный сыном один участок земли и пользуется от жителей с. Большой Дженгутай некоторыми услугами в счет повинностей, коими они обязаны хану» [*Феодальные отношения в Дагестане…*, 1969, с. 42].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

№ 3. Ибрагим-хан, сын Ахмад-хана, сына Хасан-хана, сына Али-султана, сына ал-хаджж Ахмад-хана, сына Махди, сына Ахмад-хана, ум. в 1286 г. х. / 1869 г.

Вертикальная стела: высота — 286, ширина (плеч) — 63, ширина — 59, толщина — 27. Горизонтальная плита-постамент: длина — 317, ширина — 120, толщина — 34, высота — 21. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *сулс*.

Текст эпитафии (рис. 3):

قد توفى السيد الجليل

ابراهيم خان بن احمد خان بن حسن خان بن علي سلطان بن الحاج احمد خان ابن مهدي ابن احمد خان

عفى عنهم العافي

في شهر محرم ٦٨٢١

Перевод:

Скончался знатный господин

Ибрахим-хан, сын Ахмад-хана, сына Хасан-хана, сына Али-султана, сына ал-хаджж Ахмад-хана, сына Махди, сына Ахмад-хана.

Да простит их всех Прощающий,

В месяце мухаррам, в 1286 г.[6]

На стеле сохранились следы зеленой и темно-синей красок. На торце на уровне плеч дублируется год — 1286.

Ибрагим-хан (1836–1869) — старший сын Ахмад-хана. В 1844 г. помощниками овдовевшей в 1843 г. ханши Нух-бике были назначены штаб-офицеры, которые от ее имени управляли Мехтулинским ханством. Однако в начале 1856 г. управление Мехтулинским ханством было поручено ее старшему сыну — Ибрагим-хану. Он правил Мехтулинским ханством до 1859 г. В том же году, в августе, приказом главнокомандующего Кавказской армией князя А. И. Барятинского его назначили правителем Аварского ханства. К тому времени Ибрагим-хан являлся флигель-адъютантом Его Величества лейб-гвардии Казачьего полка [*Феодальные отношения в Дагестане…*, 1969, с. 42]. Однако уже в 1863 г., ввиду ненадлежащего управления Аварским ханством, Ибрагим-хан был официально отстранен от власти. Как писал по этому поводу воинский начальник Среднего Дагестана подполковник П. Г. Пржецлавский,

Рис. 5. Надмогильная стела Ибрагим-хана б. Ахмад-хана (ум. 1869 г.)

Fig. 5. Gravestone of Ibrahim-khan b. Ahmad-khan (d. 1869)

[6] 12 апреля — 11 мая 1869 г.

«[Ибрахим-хан], телом и душою преданный правительству и более похожий на русского, чем на мусульманина, был отстранен от должности аварского хана, после доставшихся на его долю больших неприятностей… Главной виной полковника Ибрагим-хана, послужившей предлогом отстранения его от управления Аварским ханством, была казнь, произведенная им над жителем селения Гамуши… сброшенным с кручи в глубокий каменистый овраг, в волны бушующего Кара-Койсу, тогда как осужденный имел от меня охранное письмо, адресованное на имя хана» [*Русская старина,* 1877, с. 502]. В 1867 г., согласно источнику, полковник Ибрагим-хан Мехтулинский «проживал с семейством в г. Темир-Хан-Шура содержание, от казны получаемым; в ханстве же никакой собственности и никаких прав на услуги от жителей не имеет» [*Феодальные отношения в Дагестане…*, 1969, с. 42].

Ибрагим-хан был женат на Райханат-бике (дочери шамхала Тарковского) и Кихилай (дочери эрпелинского бека Будая). Имел двух сыновей, Саладина от Райханат-бике и Нуцалхана от Кихилай.

№ 18. Ахмад-хан, сын Ибрагим-хана, сына Ахмад-хана, сына Хасан-хана, сына ал-амира Али-султана, сына ал-амира Махди ум. 1301 г. х. / 1884 г.

Самый высокий памятник, имеющийся на этом кладбище. Вертикальная стела: высота — 322, ширина (плеч) — 74, ширина — 68, толщина — 26. Горизонтальная плита-постамент: длинна — 294, ширина — 108, толщина — 35. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *сулс*.

Текст эпитафии (рис. 4):

قد توفى العالي شأنه احمد خان بن ابراهيم خان بن احمد خان بن حسن خان بن الامير على سلتان ابن الامير مهدي من نسل عزي عمر خان

رحمهم الله الرحمن الباري في الاخرة

فى ٢٢ شعبان سنة ١٠٣١

Перевод:

Скончался высокородный Ахмад-хан, сын Ибрагим-хана, сын Ахмад-хана, сын Хасан-хана, сын ал-амира Али-султана, сын ал-амира Махди из славного рода, восходящего к Умар-хану.

Да смилуется над ними Милостивый Творец Аллах в потустороннем мире!

22 ша'абана 1301 г.[7]

На памятнике имеются следы зеленой и синей краски.

№ 2. Рашид-хан, сын Ахмад-хана, сын Хасан-хана, ум. в 1293 г. х. / 1876 г.

Вертикальная стела: высота — 287, ширина (плеч) — 59, ширина — 56, толщина — 22.

Горизонтальная плита-постамент: длина — 295, ширина — 106, толщина — 35, высота — 14. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх*.

Текст эпитафии (рис. 5):

[7] 16 июня 1884 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Рис. 6, 7. Надмогильная стела Ахмад-хана б. Ибрагим-хана (ум. 1884 г.)
Fig. 6, 7. Gravestone of Ahmad-khan b. Ibrahim-khan (d. 1884)

Рис. 8. Надмогильная стела *Рашид-хана* б. Ахмад-хана (ум. 1876 г.)
Fig. 8. Gravestone of Rashid-khan b. Ahmad-khan (d. 1876)

Перевод:

توفى السيد رشيد خان بن احمد خان بن حسن خان ٣٩٢١

Скончался господин Рашид-хан, сын Ахмад-хана, сына Хасан-хана в 1293 г.

و فاته فى عاشر شوال

Его смерть [наступила] десятого числа месяца шаввал[8].

عفى الله العافي عنهم

Да простит их всех Прощающий Аллах.

На торце на уровне плеч дублируется год: 1293.

[8] 28 октября 1876 г.

Рис. 9. Рашид-хан Мехтулинский с супругой. Ок. 1865 г. Фотография поручика Кондратенко. Хранится в Национальном музее Республики Дагестан им. А. Тахо-Годи

Fig. 9. Rashid-khan Mehtulinsky with his wife. Around 1865. Photograph of lieutenant Kondratenko. Kept in the National A. Tahoe-Godi Museum of the Republic of Dagestan

Рашид-хан (рис. 9) являлся младшим сыном Ахмад-хана Мехтулинского. В 1855 г. Рашид-хан — корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка [Хапизов, 2021, с. 146]. Спустя четыре года, в августе 1859 г., приказом главнокомандующего Кавказской армией князя А. И. Барятинского «лейб-гвардии Гродненского гусарского полка поручик Решид-хан» был назначен ханом Мехтулинским. Он управлял Мехтулинским ханством до 1860 г, до образования Дагестанской области. С июня 1860 г. при хане было учреждено управление, состоявшее из его помощника с военной канцелярией и словесным судом [Мехтулинские ханы, 1869, с. 1–16]. В 1865 г. произведен в полковники гвардейской кавалерии Кавказской армии [Хапизов, 2021].

Рашид-хан был женат на дочери своего дяди Али-Султана, Зайдат-бике, детей у них не было. В 1859 г., вторым браком, женился на Шамай-бике, дочери Нуцал-хана, внучке Аслан-хана Казикумухского.

№ 5. Хафсат, дочь Нух-бике (Нох-бике), ум. в 1285 г. х. / 1869 г.

Вертикальная стела: высота — 193, ширина — 53, толщина — 19. Имеется горизонтальное обрамление могилы, но оно под землей. Сохранились следы краски. Задняя сторона стелы без надписей и орнамента. Надпись эпитафии рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 10):

قد انتقلت الاميرة الكريمة حفصت بنت نوح
بيكه من دار البلاء الى دار البلى

بقضاء المولى طاب الله ثراهما ٥٨٢١

Перевод:

Переселилась из мира бедствий в потусторонний мир благородная госпожа Хафсат, дочь Нух-бике

По непреложному приговору Аллаха, да сделает Аллах приятным пребывание их обоих [в потустороннем мире], в 1285 г.[9]

[9] 23 апреля 1868 г. — 11 апреля 1869 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

О Хафсат, дочери Нух-бике (№ 4), по настоящее время не было известно, ее имя не встречается в источниках. Однако надпись на надмогильной стеле с уверенностью позволяет нам утверждать, что помимо известных трех сыновей — Хасан-хана, Ибрахим-хана, Рашид-хана и дочери Баба-бика, — у Нух-бике была еще одна дочь — Хафсат. Пока остается неизвестным, где похоронен их старший сын — Хасан-хан. Старшая их дочь, Баба-бика, которая была женой Даниял-султана Илисуйского, была похоронена в селении Гачада. Остальные их дети — сыновья Ибрахим-хан, Рашид-хан и дочь Хафсат — похоронены рядом со своими родителями. Вместе с тем обращает на себя внимание, что на стеле написано имя матери — Хафсат, но не отмечено имя отца — Ахмед-хана. Обычно, в дагестанской эпиграфике упоминается имя отца погребенного и крайне редко — имя матери.

Рис. 10. Надмогильная стела Хафсат бт. Нух-бике (ум. 1869 г.)

Fig. 10. Gravestone of Hafsat b. Nuh-bike (d. 1869)

№ 7. Шихшабек, сын амира Тахмаз-хана, ум. в 1281 г. х. / 1865 г.

Вертикальная стела: высота — 248, ширина (плеч) — 67, ширина — 61, толщина — 25.

Горизонтальная плита-постамент: длина — 294, ширина — 103, толщина — 34. Надпись эпитафии рельефная, выпонена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *сулс.*

Текст эпитафии (рис. 11):

Перевод:

Могила ал-амира Шихшабека, сына амира Тахмаз-хана.	ضريح الامير شيخ شبيك ابن امير طهماز خان
Всякий, кто в нем [земном мире], исчезнет.	كل من عليها فان
[Скончался] в месяце шаввал в 1281 г.[10]	في شهر شوال سنة ١٨٢١
Да простит Аллах их обоих.	عفى الله عنهما
Вечность присуща Всевышнему Аллаху.	البقاء لله تعالى

Скорее всего, владельцем плиты является майор Шихшабек из Большого Дженгутая. Согласно «Краткой записке о Мехтулинском ханском доме…» (1867 г.) известно, что живущая в с. Большой Дженгутай, дочь майора

[10] 26 февраля — 27 марта 1865 г.

Рис. 11. Надмогильная стела Шихшабека б. амира Тахмаз-хана (ум. 1865 г.)

Fig. 11. Gravestone of Shikhshabek b. amir Tahmaz-khan (d. 1865)

Шихшабека, Бату, находилась в замужестве за капитаном Алескендер-беком Алипкачевым (являвшимся в 1840-е гг. командиром шамхальской милиции, в 1860-е гг. — командиром 2-й сотни Дагестанской постоянной милиции). Она пользовалась теми же повинностями чанков мехтулинского ханского дома — от одного из девяти кварталов с. Большого Дженгутая (именно от Маджаат-аула) [*Феодальные отношения в Дагестане…*, 1969, с. 42]. Очевидно, что могилы под № 12 и № 13, Биби (ум. 1853 г.) и Балахан (ум. 1864 г.) принадлежат сестрам — дочерям Шихшабека. Однако могила Бату на рассматриваемом некрополе пока не выявлена.

О Шихшабеке сохранилось короткое упоминание в одном из грузиноязычных источников времен Кавказской войны. В июле 1852 г. года полковнику И. Д. Лазареву (с 1850 г. управляющий Мехтулинским ханством) стало известно, что в горах проходит «огромный сбор конницы с намерением разорить оба Дженгутая». Атака горцев была отбита, и командующий войсками в Прикаспийском крае князь Дж.-Г. Орбелиани писал о ней: «Успеху этого прекрасного дела я обязан преимущественно Лазареву, который каждый раз сам водил мехтулинцев в атаку и под которым в одной из атак убита лошадь; Тиханову, весьма удачно расположившему свои четыре роты и хорошо скрывавшему две роты с мехтулинскими жителями, а также Шихша-Беку, Багадуру и Гайдар-Беку, убившему знаменщика» [*Академическое издание грузинских источников…*, 2013, с. 123]. По всей видимости, в источнике упомянуты жители с. Большой Дженгутай Шихшабек и Гайдар-бек (в частности, в некрополе под № 6 упоминается Ханза-бике, дочь Хайдар-бека, ум. в 1293 г. х. / 1876 г.).

№ 12. Биби, дочь ал-амира Шихшабека, сына Тахмаз-хана, ум. в 1269 г. х. / 1853 г.

Вертикальная стела: высота — 201, ширина — 56, толщина — 23.

Горизонтальная плита-постамент: длина — 284, ширина — 165, толщина — 35. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх*.

Текст эпитафии (рис. 12):

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Перевод:

Эта могила юной девушки Биби, дочери ал-амира Шихшабека, сына Тахмаз-хана. Она скончалась в 1269 году[11].

هذا مرقد الشابة والمرءة والفتاة ببب
بنت الامير شيخشبك بن طهماز خان
ماتت في سنة ٩٦٢١

№ 13. Балахан, дочь Шихшабека, ум. 1280 г. х. / 1864 г.

Вертикальная стела: высота — 198, ширина — 59, толщина — 23. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 13):

Перевод:

Переселилась покойная госпожа (ал-амира) Балахан, дочь Шихшабека из мира бедствий в потусторонний мир по непреложному решению Аллаха, да сделает Аллах приятным их обоих пребывание [в потустороннем мире]! [Она скончалась] в месяце зу-л-ка'да в 1280 г.

قد انتقلت الاميرة المرحومة بلخان
بنت شخشابيك من دار البقاء الى دار
البلا بقضاء المولى طاب الله ثراهما
فى ذي القعدة سنة ٠٨٢١

Рис. 12. Надмогильная стела Биби бт. амира Шихшабека (ум. 1853 г.)

Fig. 12. Gravestone of Bibi b. amir Shikhshabek (d. 1853)

№ 8. Мирза-бек, сын Нусал-хана, ум. 1271 г. х. / 1855 г.

Вертикальная стела: высота — 252, ширина (плеч) — 55, ширина — 51, толщина — 24.

Горизонтальная плита-постамент: длина — 298, ширина — 158, толщина –32. Стела сохранила следы краски и отличается очень богатым орнаментом. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 14):

Перевод:

Земной мир — лишь только час, так используй его для служения Аллаху.

الدنيا ساعة فاجعلها طاعة لله

Это могила ал-амира Мирза-бека, сына Нусал-хана

هذا مشهد الامير مرزبيك بن نوسال خان

[11] 14 октября 1852 г. — 2 октября 1853 г.

Да простит Прощающий их обоих и уважит их происхождение Создатель, о Аллах.

عفى عنهما العافي واكرم نزولهما الباري يا الله

В благословенном месяце Аллаха зу-л-хиджжа, 1271 г.[12]

في شهر الله المبارك ذي الحجة سنة ١٧٢١

Рис. 13. Надмогильная стела Балахан бт. Шихшабека (ум. 1864 г.)

Fig. 13. Gravestone of Balakhan b. Shikhshabek (d. 1864)

Эта стела расположена рядом со стелой № 9, и они обе обрамлены горизонтальной плитой-постаментом. Учитывая разный хронологический промежуток дат смерти, но при этом одинаковое обрамление могилы, можно предположить, что горизонтальная плита-постамент вокруг обеих надмогильных стел была установлена значительно позже.

Этот памятник примечателен: он принадлежит Мирза-беку, сыну последнего аварского хана Абусултан-нуцал-хана (1813–1834), убитого мюридами имама Гамзата во время переговоров. Надо заметить, что личное имя последнего аварского хана было Абусултан, а остальное — «нуцал», «хан», «нуцал-хан» являлись обозначениями титулов правящих предков, то есть он был так же известен под именем «Нуцал-хан». Поэтому на плите указано, что она принадлежит «ал-амиру Мирза-беку, сыну Нусал-хана».

У «Нусал-хана», Абусултана-нуцал-хана, было две жены — первая, Хайбат (ум. в 1838), она являлась дочерью Махди-шамхала Тарковского (1779–1830). Их сын, родившийся после смерти отца, рано скончался.

О второй жене Абусултана-нуцал-хана практически ничего неизвестно. Дагестанский ученый Хайдарбек из Геничутля (1829–1883) коротко отзывался о ней как о «простой узденке». От нее у Абусултана родился сын Мирза-бек. Известно, что Мирза-бек служил в дагестанской милиции, затем в Дагестанском конно-иррегулярном полку, и в списках полка записан как «Мирза Бек Нуцал Хан, из чанков Аварского ханского дома». За военное отличие в 1849 г. произведен в прапорщики милиции, в том же году получил знак отличия военного ордена «За особое отличие на Аркасе 15 декабря 1850 г». В сентябре 1851 г. он был произведен в подпоручики [Козубский, 1909, с. 67]. Мирза-бек скончался «от раны, полученной в деле против горцев в 1854 г., в чине капитана, оставив после себя одного сына Сурхая, ныне проживающего в с. Большом Дженгутае

[12] 14 августа — 11 сентября, 1855 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

с матерью» [*Феодальные отношения в Дагестане...*, 1969, с. 40].

Рядом с ним похоронен его сын, Сурхай-хан, который скончался в 1876 г. — отсюда общее обрамление могилы. Возможно, где-то рядом с мужем и сыном похоронена и та «простая узденка», пока все еще безымянная.

Рис. 14. Надмогильная стела Мирза-бека б. Нуцал-хана (ум. 1855 г.)

Fig. 14. Gravestone of Mirza-bek b. Nutsal-khan (d. 1855)

№ 9. Сурхай-хан, сын ал-амира Мирза-бека, ум. 1293 г. х. / 1876 г.

Вертикальная стела: высота — 243, ширина (плеч) — 57, ширина — 54, толщина — 21. Памятник отличается богатым орнаментом, имеются следы красной, зеленой, синей и желтой краски. Тыльная сторона стелы без надписей и орнамента. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 15):

قد انتقل السيد الكريم سرخي خان بن الامير مرزبيك من دار البلاء الى دار البلى	Перевод: *Переселился из мира бедствий в потусторонний мир благородный господин Сурхай-хан, сын ал-амира Мирза-бека,*
في ربيع الاولى	*в[месяце] раби‘ ал-ула*
سنة ٣٩٢١	*В году 1293*[13]*.*

Как уже упоминалось выше, могила принадлежит Сурхай-хану, сыну Мирза-бека (памятник № 8), внуку последнего аварского хана Абусултан-нуцал-хану. Соответственно, он приходился правнуком по мужской линии Султан-Ахмед-хану Аварскому и Баху-бике. Он взял фамилию по имени отца, и в русскоязычных документах известен как Сурхай Мирзабеков. Известно, что в 1867 г. он проживал в с. Большой Дженгутай вместе с матерью. В 1873 г. Сурхай Мирзабеков уже проживал в г. Темир-Хан-Шуре, в тот год он обратился с заявлением о том, что «Шамсудин Тарковский завладел кутаном Аруша и горным пастбищем, принадлежавшими его отцу. За этот кутан ежегодно поступали доходы в размере 300 руб., и за пастбище — 80 руб.» [Хапизов, 2015, с. 145]. А через три года Сурхай-хана не станет.

Возможно, поблизости похоронены члены его семьи, о которой ничего не известно.

[13] 26 марта — 24 апреля 1876 г.

Рис. 15. Надмогильная стела Сурхай-хана б. амира Мирза-бека (ум. 1876 г.).

Fig. 15. Gravestone of Surkhay-khan b. amir Mirza-bek (d. 1876)

№ 17. Тетей, дочь Сурхай-хана, ум. в 1298 г. х. / 1881 г.

Вертикальная стела: высота — 202, ширина — 46, толщина — 21.

Горизонтальная плита-постамент: длина — 235, ширина — 90, толщина –31. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 16):

قد انتقلت الكريمة المرحومة تتي بنت
سرخي خان عفى الله ذنو بهما في
ربيع الاخرة سنة ٨٩٢١

Перевод:

Переселилась [в потусторонний мир] благородная, покойная Тетей, дочь Сурхай-хана,

Да простит их обоих Аллах,

В месяце раби‘ ал-ахира в 1298 году[14].

По всей видимости, могила принадлежит дочери вышеупомянутого Сурхай-хана Мирзабекова (№ 9). Следовательно, похороненная здесь женщина приходилась внучкой Мирза-беку, правнучкой Абусултан-нуцал-хану, убитому мюридами имама Гамзат-бека и праправнучкой Султан-Ахмед-хану Аварскому и Баху-бике.

№ 16. Химмат-бек ал-Авари, ум. 1272 г. х. / 1856 г.

Вертикальная стела: высота — 187, ширина (плеч) — 53, ширина — 49, толщина — 21.

Горизонтальная плита-постамент: длина — 256, ширина — 104, толщина — 35. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 17):

هذا مشهد الفتى المشهور الغيور همت بيك
الاواري

رحمه الرحمن الباري

في سنة ٢٧٢١ بعد هجرة المصطفى

Перевод:

Это могила молодого человека, известного [своим] рвением, Химмат-бека ал-Авари,

Да смилуется над ним Милостивый Творец,

В году 1272[15] *после хиджры избранного [пророка Мухаммада]*

[14] 2–31 марта 1881 г.

[15] 12 сентября 1855 г. – 30 августа 1856 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Рис. 16. Надмогильная стела Тетей бт. Сурхай-хана (ум. 1881 г.)

Fig. 16. Gravestone of Tetey b. Surkhay-khan (d. 1881)

Рис. 17. Надмогильная стела Химмат-бека ал-Авари (ум. 1856 г.)

Fig. 17. Gravestone of Himmat-bek al-Alavari (d. 1856)

Могила Химмат-бека ал-Авари, по всей видимости, принадлежит хунзахцу нуцальского рода Гимбат-бегу (прим. 1805 г. р.), он являлся сыном Харагиши, известного должностного лица в Аварском нуцальстве. Гимбат-бек был женат на Кихилай из с. Гонода, из рода местного амира Гунаша. В 1820 г. некоторое время находился в Тифлисе как аманат от Аварского нуцальства. В 1834 г., после убийства аварского хана и его братьев, являлся управляющим Аварского нуцальства. О нем упоминал дагестанский автор Гаджи Али из Чоха, который писал, что с 1837 г. имам Шамиль делал «беспрестанные и не безуспешные набеги» на селения общества Хиндалала (Койсубу), «но аварцы, под начальством хунзахского Хаджи-Мурата, Кара-Киши, *Химмад-бека*, Шахша-бека Дженгутаевского и других везде препятствовали его успехам» [Гаджи Али, 1990, с. 22]. Кстати, здесь же автор упоминал и о Шихшабеке, одном из погребенных на этом некрополе (№ 7).

Согласно местным хунзахским преданиям, записанным в 1927 г., «когда на участке Койсубулинском, став имамом, Шамиль из Гимры начал устанавливать шариат… *Гимбат, сын Карагиши из Хунзаха, из нуцалов*, отправился в Шуру и привел с собой в Хунзахскую крепость солдат. Командиром их был Ахмед-хан из Дженгутая» [Ясулов, 2009, с. 31] Очевидно, что Химмат-бек ал-Авари был

близок к Ахмед-хану Мехтулинскому и, по всей видимости, погиб в одном из сражений, в возрасте около пятидесяти лет.

Химмат-бек ал-Авари имел двоих сыновей — Карагиши и Кайтмаза, шесть дочерей — Загидат-бика, Ханича-бика, Пари-бика, Бабуч (Абба-бика), Тут (Тату) и Шамай [Хапизов, 2015, с. 185].

№ 6. Ханза-бике, дочь Хайдар-бека, ум. в 1293 г. х. / 1876 г.

Вертикальная стела: высота — 204, ширина — 52, толщина — 20,5. На памятнике имеются следы зеленой и синей красок. Тыльная сторона стелы орнаментирована. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *сулс.*

Текст эпитафии (рис. 17, 18):

Перевод:

Переселилась [в потусторонний мир] благородная госпожа Ханза-бике, дочь Хайдар-бека.	قد انتقلت السيدة الجليلة خنزبيكه بنت حيدربيك
Да простит их обоих Аллах,	عفى الله عنهما
Амин, в месяце Аллаха джумада ал-ахир в 1293 г.[16]	امين في شهر الله جماد الاخير ٣٩٢١

Рис. 17, 18. Надмогильная стела Ханза-бике бт. Хайдар-бека (ум. 1876 г.)

Fig. 17, 18. Gravestone of Hansa-bike b. Haidar-bek (d. 1876)

Возможно, это могила дочери Гайдар-бека (Хайдар-бека), чанки из Кака-Шуры. Известно, что одна из его дочерей, Тотикум (Тотокум), вышла замуж за Али-Султана Мехтулинского, сына Хасан-хана Мехтулинского [Хапизов, 2015, с. 142]. Есть другое предположение, что могила принадлежит дочери другого известного хунзахца — Гайдар-бега (Гайдар Бек), сына Дибира по прозвищу «Микки», что в переводе с аварского языка переводится как «голубь». В 1852 г. он бежал из Имамата и далее служил всадником в Дагестанском конно-иррегулярном полку, в хунзахской сотне под командованием Али-хана Аварского.

[16] 23 июня – 21 июля 1876 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

№ 10. Усман, сын Адила, ум. 1267 г. х. / 1851 г.

Вертикальная стела: высота — 232, ширина (плеч) — 54, ширина — 50, толщина — 22. Горизонтальная плита-постамент: длина — 258, ширина — 98, толщина — 29. На могиле выросло кизиловое дерево, так что памятник почти полностью закрыт его ветвями. Тыльная сторона стелы без надписей и орнамента. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 19):

المرحوم المنتقل من دار الفناء الى دار البقاء
عثمان بن عادل
عفى الله عنهما امين
٧٦٢١

Перевод:

Покойный, переселившийся из бренного мира в мир вечности.

'Усман, сын Адила.

Да простит их обоих Аллах, амин!

В 1267 г.[17]

Принадлежность этой плиты пока не удалось определить. Однако форма этого памятника, горизонтальная плита-постамент, схожие с памятниками ханской семьи, а также его близкое расположение к последним позволяют с определенной уверенностью говорить о том, что он был родственником Мехтулинских правителей.

Рис. 19. Надмогильная стела Усмана б. Адила (ум. 1851 г.)

Fig. 19. Gravestone of Usman b. Adil (d. 1851)

№ 11. Гешив, дочь ал-амира Фариммата, ум. 1261 г. х. / 1845 г.

Вертикальная стела: высота — 162, ширина — 44, толщина — 12. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *сулс.*

Текст эпитафии (рис. 20):

رحمه الله من في هذا الضريح
وهى كشو بنت الامير
فريمت١٦٢١

Перевод:

Да пребудет милость Аллаха к тому, кто [покоится] в этой могиле. А она — Гешив, дочь ал-амира Фариммата 1261[18]

Тыльная сторона памятника без надписей и орнамента.

[17] 5 ноября 1850 г. — 25 октября 1851 г.

[18] 9 января — 28 декабря 1845 г.

Рис. 20. Надмогильная стела Гешив бт. амира Фариммата (ум. 1845 г.)

Fig. 20. Gravestone of Geshev b. amir Farimmat (d. 1845)

Рис. 21. Надмогильная стела Гебека б. Бийбулата (ум. 1875 г.)

Fig. 21. Gravestone of Gebek b. Bibulat (d. 1875)

№ 14. Гебек, сын Бийбулата, ум. 1292 г. х. / 1875 г.

Вертикальная стела: высота — 234, ширина (плеч) — 55, ширина — 51, толщина — 19. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 21):

Перевод:

Всякий, кто в нем [земном мире], исчезнет.	كل من عليها فان
Вечность присуща Всевышнему Аллаху.	البقاء لله تعالى
Да простит Аллах Прощающий их обоих.	عفى الله تعالى العافي عنهما
Скончался Гебек, сын Бийбулата,	قد مات كبك بن بيبولات
В [месяце] раджаб 1292 г.[19]	في رجب ٢٩٢١

[19] 2 августа — 31 августа 1875 г.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

№ 15. Бийбулат, сын ал-амира Джалила, ум. 1290 г. х. / 1874 г.

Вертикальная стела: высота — 214, ширина (плеч) — 56, ширина — 52, толщина — 21. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 22):

Перевод:

Переселился покойный ал-амир Бийбулат, сын ал-амира Джалила,	قد انتقل المرحوم الامير بيبولاة بن الاميرجليل
Из мира бренного в мир вечности	من دار الفناء الى دار البقاء
В 1290[20]*.*	٠٩٢١

№ 19. Идхам, сын ал-амира Адил Султана, сына Зали-хан Шамхала, ум. в 1323 / 1905–06 г.

Вертикальная стела: высота — 136, ширина (плеч) — 42, ширина — 38, толщина — 16. Надпись рельефная, выполнена техникой выемки окружающего фона. Текст надписи выполнен почерком *насх.*

Текст эпитафии (рис. 23, 24):

Перевод:

Умер ал-амир Идхам, сын ал-амира Адил Султана, сына Зали-хана Шамхала	مات الامير ادهم بن الامير عادل سلطان ابن ذال خان شمخال
1323 г.[21]	٣٢٣١

Рис. 22. Надмогильная стела Бийбулата б. амира Джалила (ум. 1874 г.)

Fig. 22. Gravestone of Beybulat b. amir Jalil (d. 1874)

На стеле остались следы красок красного, синего и зеленого цветов.

Таким образом, на этом некрополе имеются захоронения представителей местной аристократии из дома Мехтулинских и Аварских ханов:

№ 1. Ахмад-хан, сын Хасан-хана, ум. 1259 г. х. / 1843 г.

№ 2. Рашид-хан, сын Ахмад-хана, сына Хасан-хана, ум. в 1293 г. х. / 1876 г.

№ 3. Ибрагим-хан, сын Ахмад-хана, сына Хасан-хана, сына Али-султана, сына ал-хаджж Ахмад-хана, сына Махди, сына Ахмад-хана, ум. в 1286 г. х. / 1869 г.

№ 4. Нух-бике (Нох-бике), дочь Махди-шамхала, ум. в 1288 г. х. / 1871 г.

№ 5. Хафсат, дочь Нух-бике (Нох-бике), ум. в 1285 г. х. / 1869 г.

№ 6. Ханза-бике, дочь Хайдар-бека, ум. в 1293 г. х. / 1876 г.

[20] 28 февраля 1873 г. — 16 февраля 1874 г.

[21] 7 марта 1905 г. — 23 февраля 1906 г.

Рис. 23, 24. Надмогильная стела Идхама б. амира Адил Султана (ум. 1905–1906 г.)

Fig. 23, 24. Gravestone of Idham b. amir Adil Sultan (d. 1905–1906)

№ 7. Шихшабек, сын Тахмаз-хана, ум. в 1281 г. х. / 1865 г.
№ 8. Мирза-бек, сын Нусал-хана, ум. 1271 г. х. / 1855 г.
№ 9. Сурхай-хан, сын Мирза-бека, ум. 1293 г. х. / 1876 г.
№ 10. Усман, сын Адила, ум. 1267 г. х. / 1851 г.
№ 11. Гешив, дочь Фариммата, ум. 1261 г. х. / 1845 г.
№ 12. Биби, дочь Шихшабека, сына Тахмаз-хана, ум. в 1269 г. х. / 1853 г.
№ 13 Балахан, дочь Шихшабека, ум. 1280 г. х. / 1864 г.
№ 14. Гебек, сын Бийдулата, ум. 1292 г. х. / 1875 г.
№ 15. Бийбулат, сын Джалила, ум. 1290 г. х. / 1874 г.
№ 16. Химмат-бек ал-Авари, ум. 1272 г. х. / 1856 г.
№ 17. Тетей, дочь Сурхай-хана, ум. 1298 г. х. / 1881 г.
№ 18. Ахмад-хан, сын Ибрагим-хана, сына Ахмад-хана, сына Хасан-хана, сына Али-султана, сына Махди, ум. 1301 г. х. / 1884 г.
№ 19. Идхам, сын Адил Султана, сына Зали-хана Шамхала.

Нами были изучены и описаны 19 надмогильных плит с кладбища «Делет-къабурлар» в с. Нижний Дженгутай, которое вплоть до 1867 г. являлось столицей крупного политического образования — Мехтулинского ханства. Все исследуемые стелы принадлежат членам династии Мехтулинских ханов, некоторые из них оставили значительный след в истории Дагестана XIX в. Исследование позволяет не только сопоставить найденные могилы, принадлежащие видным политическим деятелям своей эпохи, но и на основании эпиграфических данных восстановить семейные узы и цепь преемственности, которые, в свою очередь, отражают принципы управления внутри Дагестана: заключение династических браков между представителями разных политических образований и прочее. Также немаловажно, что многие из описанных представителей ханской семьи выступали в роли посредников [Burbank, Cooper, 2010, p. 13–14, 366] между Российской империей и Дагестаном, поэтому большой пласт информации о них находится в имперских документах.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Как уже упоминалось в статье, исследование содержит лакуны — не все памятники идентифицированы. Нам не удалось обнаружить могилы отца Ахмад-хана Мехтулинского — Хасан-хана и его деда — Али-Султана. Вероятно, после выступления против русских войск в 1818 г. и последующего разрушения Дженгутая войсками А. П. Ермолова (1777–1861) Хасан-хан бежал в горы, где и скончался в следующем году. Его могила на сегодняшний день еще не выявлена. Что касается Али-Султана, то он, будучи братом правящего хана Хаджи Ахмед-Хана (ум. в 1797 г.), после смерти последнего отказался от власти в Мехтулинском ханстве в пользу своего старшего сына Хасан-хана и взял в удел селения Какашура, Доргели, Параул и Урма [*Сборник сведений о Кавказских горцах,* 1869, с. 1–16]. Возможно, после смерти в 1807 г. Али-Султан был похоронен в одном из этих четырех селений.

За рассмотренными памятниками стоит целый пласт истории, связанный с драматическими событиями Кавказской войны и российского завоевания Дагестана. Эпиграфические находки из с. Нижний Дженгутай позволяют уточнить и скорректировать некоторые сведения об их участниках, но, что важнее, проливают свет на эти события «изнутри» и позволяют персонализировать исторический процесс в духе актуальных пост-колониальных исследований.

Сокращения / Abbreviations

АКАК — Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. В 12 т. Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказского, 1866–1904.

ДГСВК — Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века. Сборник документов. Под ред. Г.-А. Д. Даниялова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959.

КНКО — Кумыкское научно-культурное общество. Махачкала, Россия.

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. Москва.

СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тбилиси.

ЦИАГ — Центральный исторический архив Грузии. Тбилиси.

Список литературы / References

1. Абдурахман из Газикумуха. *Книга воспоминаний*. Пер. с араб. М.-С. Саидова. Под ред. А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1997 [Abdurahman of Gazikumukh. *Book of Memories*. Transl. from Arabic by M.-S. Saidov; Ed. by A. R. Shikhsaidov, Kh. A. Omarov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997 (in Russian)].
2. Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1990 [Aitberov T. M. Ancient Khunzakh and the Khunzakh people. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990 (in Russian)].
3. *Академическое издание грузинских источников XIX–XX вв.: эпистолярное наследие, 2013*. [*Academic Edition of Georgian Sources of the 19th –20th Centuries:*

Epistolary Heritage, 2013. (in Georgian)]. — Электронный ресурс: URL: http://dspace.gela.org.ge/bitstream/123456789/557/1/123.pdf (accessed: 05.04.2023).

4. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК)*. Т. 6. Ч. 2. Тифлис: Тип. Главн. упр. Наместника Кавказского, 1875. [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 6. Part 2. Tiflis: Tip. Glavn. Upr. Namestnika Kavkazskogo, 1875 (in Russian)].
5. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК)*. Т. 7. Тифлис: Тип. Главн. упр. Наместника Кавказского, 1878. [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 7. Tiflis: Tip. Glavn. Upr. Namestnika Kavkazskogo, 1878 (in Russian)].
6. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК)*. Т. 8. Тифлис: Тип. Главн. упр. Наместника Кавказского, 1881 [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 8. Tiflis: Tip. Glavn. Upr. Namestnika Kavkazskogo, 1881 (in Russian)].
7. *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК)*. Т. 10. Тифлис: Тип. Главн. упр. Наместника Кавказского, 1885. [*Acts Collected by the Caucasian Archaeographic Commission*. Vol. 10. Tiflis: Tip. Glavn. Upr. Namestnika Kavkazskogo, 1885 (in Russian)].
8. Алиев Б. Г., Умаханов М.-С. К. Мехтулинское ханство. *Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в*. Махачкала: Изд. тип. Дагестанского научн. центра РАН, 1999. [Aliev B. G., Umakhanov M.-S. K. Mekhtulla Khanate. *Historical Geography of Daghestan of the 17th – early 19th Centuries*. Makhachkala: Izd. Tip. Dagestanskogo nauchn. tsentra RAN, 1999 (in Russian)].
9. Алиханов М. *В горах Дагестана. Путевые впечатления и рассказы горцев (1895–1896 гг.)*. Махачкала: Эпоха, 2005 [Alikhanov M. *In the Mountains of Daghestan. Travel Impressions and Stories of Mountaineers (1895–1896)*. Makhachkala: Epokha, 2005 (in Russian)].
10. Богуславский Л. А. *История Апшеронского полка. 1700–1892*. В 3 т. Т. 1. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1892. [Boguslafskii L. A. *History of the Apsheron Regiment. 1700–1892.* In 3 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Tip. Ministerstva Putei Soobsheniya, 1892 (in Russian)].
11. Гаджи Али. *Сказание очевидца о Шамиле.* Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1990 [Gadzhi Ali. *Eyewitness Account of Shamil*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1990 (in Russian)].
12. Гаджиев В. Г. Начальный этап в истории народно-освободительной борьбы Дагестана и Чечни как исследовательская проблема. *Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Материалы Международной научной конференции 13–14 октября 1993 г*. Отв. ред. В. Г. Гаджиев. Махачкала: Ин-т истории, археологии и этнографии, 1997 [Gadzhiev V. G. The Initial Stage in the History of the National Liberation Struggle of Daghestan and Chechnya as a Research Problem. *Gazimukhammed and the Initial Stage of the Anti-feudal and Anti-colonial Struggle of the Peoples of Daghestan and Chechnya: Proceedings of the International Scientific Conference, October 13–14, 1993*. Ed. by V. G. Gadzhiev.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography, 1997 (in Russian)].

13. *Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века (ДГСВК). Сборник документов.* Под ред. Г.-А. Д. Даниялова Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. [*The Movement of the Highlanders of the North-Eastern Caucasus in the 20–50s of the 19th Century. Collection of Documents*. Ed. by G.-A. D. Daniyalov. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959 (in Russian)].
14. *Записки А. П. Ермолова. 1798–1826.* Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В. А. Фёдорова. М.: Высшая школа, 1991. [*Notes by A. P. Ermolov. 1798–1826*. Comp., prepar. of the text, introd., comments by V. A. Feodorov. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. (in Russian)].
15. Из письма генерала-майора Кудашева – главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генерал-лейтенанту князю Воронцову, 13 марта 1847 г. *ЦИАГ*. Ф. 1087. Д. 381. Оп. 1 [From a Letter from Major General Kudashev to the Commander-in-Chief of the Separate Caucasian Corps to Lieutenant General Duke Vorontsov, March 13, 1847. *TsIAG*. Fund. 1087. Case 381. Inv. 1 (in Russian)].
16. *История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы.* Под ред. М. О. Косвена и Х. М. Хашаева. М.: Восточная литература, 1958 [*History, Geography and Ethnography of Dagestan 18th – 19th centuries. Archival materials*. Ed. by M. O. Kosven and H. M. Khashaev. Moscow: Vostochnaya literature, 1958].
17. *Кавказский сборник*. Т. 31. Тифлис, 1911. [*Caucasian Collection*. Vol. 31. Tiflis, 1911 (in Russian)].
18. Козубский Е. И. *История Дагестанского конного полка*. Петровск: Издание Полка, 1909. [Kozubsky E. I. *The History of the Daghestani Cavalry Regiment*. Petrovsk: Isdanie Polka, 1909 (in Russian)].
19. Краткий обзор последних событий в Дагестане, составленный генерального штаба капитаном Вранкеном, 12 ноября 1843 г. *РГВИА*. Ф. 846. Д. 6514 (1). Оп. 16 (2). [A Brief Review of Recent Events in Daghestan, compiled by the General Staff Captain Vranken, November 12, 1843. *RGVIA*. Fund 846. Case 6514 (1). Inv. 16 (2). (in Russian)].
20. *Материалы по истории Дагестана и Чечни.* Т. 3. Ч. 1: 1801–1839 гг. Под ред. Р. М. Магомедова. Махачкала: Даггиз, 1940. [*Materials on the History of Daghestan and Chechnya*. Vol. 3. Part 1: 1801–1839. Ed. by R. M. Magomedov. Makhachkala: Daggiz, 1940 (in Russian)].
21. Мехтулинские ханы. *Сборник сведений о Кавказских горцах.* Выпуск II (4). Тифлис: Тип. Главн. упр. Наместника Кавказского, 1869. С. 1–16. [Mekhtulla khans. *Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue II (4). Tiflis: Tip. Glavn. Upr. Namestnika Kavkazskogo, 1869, pp. 1–16 (in Russian)].
22. Обзор событий в Дагестане, 1843 г. *РГВИА*. Ф. 846. Д. 6514 (1). Оп. 16. [Review of Events in Daghestan, 1843. *RGVIA*. Fund 846. Case 6514 (1). Inv. 16. (in Russian)].

23. Омаров Х. А. *100 писем Шамиля.* Махачкала: Дагестанский научн. центр РАН, 1997. [Omarov H. A. *100 letters of Shamil*. Makhachkala: Dagestanskiy nauchn. tsentr RAN, 1997. (in Russian)].

24. Оразаев Г. М.-Р., Шихалиев Ш. Ш. Письмо мехтулинской ханши Нох-бийке генералу М. З. Аргутинскому-Долгорукову (1850 г.). *КНКО Вести*. Махачкала, 2006–2007. Вып. 12–14. С. 76–77 [Orazaev G. M.-R., Shikhaliev Sh. Sh. Letter from the Mekhtulla khansha Nokh-biyka to General M. Z. Argutinsky-Dolgorukov (1850). *KNKO Vesti*. Makhachkala, 2006–2007. Issues 12–14, pp. 76–77 (in Russian)].

25 Рапорт генерал-майора князя Кудашева начальнику главного штаба генерал-майору Коцебу от 22 февраля 1847 г. *ЦИАГ*. Ф. 1087. Д. 381. Оп. 1 [Report of Major General Duke Kudashev to the Chief of the General Staff, Major General Kotzebu, February 22, 1847. *TsIAG*. Fund. 1087. Case 381. Inv. 1 (in Russian)].

26. *Русская старина.* Т. XX. Вып. 9–12. СПб: Тип. В. С. Балашева, 1877 [*Russian antiquity*. Vol. 20. Issues 9–12. St. Petersburg: Tip. V. S. Balasheva, 1877 (in Russian)].

27. *Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов.* Сост. В. Г. Гаджиев и др.; Отв. ред. В. Г. Гаджиев. М.: Наука, 1988. [*Russian-Daghestan Relations in the 18th — beginning of the 19th Century. Collection of Documents*. Comp. V. G. Gadzhiev and al.; Ed. by V. G. Gadzhiev. Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].

28. *Сборник сведений о Кавказских горцах*. Вып. 2. Тифлис, 1869. [*Collection of Information about the Caucasian Highlanders*. Issue 2. Tiflis, 1869 (in Russian)].

29. *Феодальные отношения в Дагестане XIX — начало XX в. Архивные материалы.* Под ред. Х.-М. Хашаева. М.: Наука; ГРВЛ, 1969. [*Feudal Relations in Daghestan in the 19th — early 20th Centuries. Archival Materials*. Ed. by Kh.-M. Khashaev. Moscow: Nauka; GRVL, 1969 (in Russian)].

30. Хайдарбек Геничутлинский. *Историко-биографические и исторические очерки.* Пер. с араб. Т. М. Айтберова. Махачкала: Тип. Дагестанского науч. центра РАН, 1992. [Khaidarbek Genichutlinsky. *Historical-Biographical and Historical essays*. Transl. from Arabic by T. M. Aitberov. Makhachkala: Tip. Dagestanskogo nauchю tsentra RAN, 1992 (in Russian)].

31. Халипаева И. А., Акгезова А. А., Османов У. Ю. Женщины в фольклоре и древней истории кумыков. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2015. № 4(33). С. 113–116. [Khalipaeva I. A., Akgezova A. A., Osmanov U. Yu. Women in Folklore and Ancient History of the Kumyks. *News of the Daghestan State Pedagogical University. Social and Humanity Sciences*. 2015. No. 4(33), pp. 113–116 (in Russian)].

32. Хапизов Ш. М. *Нуцалы Аварии (историко-генеалогическое исследование).* Махачкала: [б. и.], 2021. [Khapizov Sh. M. *Nutsals of Avaria (Historical and Genealogical Research)*. Makhachkala: [w. p.], 2021 (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

33. Хапизов Ш. М. Ума-нуцал (Умахан) Великий (очерк истории Аварского нуцальства второй половины XVIII в.). Махачкала: [б. и.], 2013 [Khapizov Sh. M. *Uma-nutsal (Umakhan) the Great (an Outline of the History of the Avar Nutsalate in the Second Half of the 18th Century)*. Makhachkala: [w. p.], 2013 (in Russian)].
34. Хапизов Ш. М., Шехмагомедов М. Г. *Карах в XII – начале XX в. (исторические и этнографические очерки).* Махачкала [б. и.], 2019. [Khapizov Sh. M., Shekhmagomedov M. G. *Karakh in the 12th — early 20th Centuries (Historical and Ethnographical essays)*. Makhachkala: [w. p.], 2019 (in Russian)].
35. *Хрисанф. Сведения об Аварском ханстве, 1828 г. История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы.* Под ред. М. О. Косвена. М.: Восточная литература, 1958. [*Chrysanthus. Information about the Avar Khanate, 1828. History, Geography and Ethnography of Daghestan in the 18th — 19th centuries. Archival Materials*. Ed. by M. O. Kosven. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958 (in Russian)].
36. Шихалиев Ш. Ш. Полевой материал: интервью с А. А. Абдурахмановым (1926–2007): 13 сентября 2002 г., с. Нижний Дженгутай. [Shikhaliev Sh. Sh. Fieldwork material: interview with A. A. Abdurakhmanov (1926–2007): September 13, 2002, village Nizhnii Dzhengutai (in Russian)].
37. Штаб Кавказского военного округа. Военно-исторический отдел. Записка, составленная из рассказов и показаний Хаджи Мурата, гвардии ротмистром Лорис-Меликовым. *ЦИАГ*. Ф. 1087. Д. 284. Оп. 1 [Headquarters of the Caucasian Military District. Military History Department. A Note Compiled from the Stories and Testimony of Hadji Murat by the Guard Captain Loris-Melikov. *TsIAG*. Fund. 1087. Case 284. Op. 1 (in Russian)].
38. Шульгин С. Н. Шамилевский наиб Хаджи Мурат (По воспоминаниям Сеййида Абдуррахима, сына Джемалэддинова). *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (СМОМПК).* Вып. 32. Тбилиси: Тип. К. П. Козловского, 1903. [Shulgin S. N. Shamil's Naib Hadji Murat (According to the Memoirs of Seyyid Abdurrakhim, son of Dzhemaladdin). *Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus*. Issue 32. Tbilisi: Tip. K. P. Kozlovskogo, 1903 (in Russian)].
39. Ясулов Г. Хунзахские предания о Хаджимураде. Хунзахъа XIажимурадил хIакъалъуъ хундерил биценал. Махачакала, 2009 [Yasulov G. Khunzakh legends about Khadzhimurad. Makhachkala, 2009].
40. Burbank J., Cooper F. Empires in world history: power and the politics of difference. Princeton: Princeton University Press, 2010.
41. Kemper M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan. Von den Khanaten und Gemeindebünden zum Dschihad-Staat. Wiesbaden: Reichert, 2006.

Информация об авторах

Шихалиев Шамиль Шихалиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр исламских рукописей, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Отдел востоковедения,

Институт истории археологии и этнографии Кавказа ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия, shihaliev74@mail.ru.

Тахнева Патимат Ибрагимовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ptakhnaeva@gmail.com.

Чмилевская Илона Алексеевна — лаборант-исследователь, Центр исламских рукописей, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ilonach1905@mail.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 11.02.2023; одобрена рецензентами 17.03.2023; принята к публикации 20.03.2023; опубликована 30.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors

Shikhaliev Shamil Sh. — PhD (Hist), Senior Researcher, Centre of Islamic manuscripts, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia; Leading Research Fellow, Department of Oriental Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Centre of the RAS, Makhachkala, Russia, shihaliev74@mail.ru.

Takhnaeva Patimat I. — PhD (Hist), Senior Researcher, The Caucasian, Central Asian and Volga-Ural Studies, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia, ptakhnaeva@gmail.com.

Chmilevskaya Ilona A. — Research Laboratory Assistant, Centre of Islamic manuscripts, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia, ilonach1905@mail.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Authors contribution

The authors contributed equally to this work.

Article info

The article was submitted 11.02.2023; approved after reviewing 17.03.2023; accepted for publication 20.03.2023; published 30.03.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
Universal History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Всеобщая история

Научная статья Исторические науки
УДК 94:903.22
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-055-072

Защитное вооружение в ханствах Средней Азии конца XVIII — начала XX в.

Дмитрий Юрьевич Милосердов

Государственный Дарвиновский музей, Москва, Россия,
dm1167@rambler.ru; https://orcid.org/0009-0006-0606-3821

Аннотация. Основные вопросы, рассмотренные в статье, посвящены защитному вооружению (доспехи и щиты), бытовавшему в ханствах Средней Азии в период конца XVIII — начала XX в. Изучены упоминания о защитном вооружении в регионе в письменных источниках начиная с последней четверти XVI в. На основании экспонатов, поступивших в крупные музейные собрания в период бытования доспехов в регионе, подробно рассмотрены как типичный комплекс защитного вооружения среднеазиатского воина, так и отдельные предметы из него. На сновании изученных письменных источников и материальных памятников выдвигается гипотеза о влиянии Индии и Ирана на защитное вооружение в ханствах Средней Азии, проявившемся как в стилистике доспехов, так и в использовании среднеазиатскими воинами предметов, изготовленных индийскими и персидскими мастерами.

Ключевые слова: ханства Средней Азии, щит, шлем, кольчуга, чар-айна

Для цитирования: Милосердов Д. Ю. Защитное вооружение в ханствах Средней Азии конца XVIII — начала XX в. *Ориенталистика*. 2023;1(6):55–72. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-055-072

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Милосердов Д. Ю., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-055-072

Protective weapons in the khanates of Central Asia in the late 18th — early 20th centuries

Dmitri Y. Miloserdov

The State Darwin museum, Moscow, Russia,
dm1167@rambler.ru; https://orcid.org/0009-0006-0606-3821

Abstract. The main issues discussed in the article are devoted to armors and shields that existed in the khanates of Central Asia in the late 18th — early 20th centuries. The references to protective weapons in the region in written sources since the last quarter of the 16th century have been studied. On the basis of the exhibits that came to large museum collections during the period of the existence of armor in the region, both a typical complex of protective weapons of a Central Asian warrior and individual items from it are considered in detail. Based on the studied written sources and research artefacts, a hypothesis is put forward about the influence of India and Iran on the defensive weapons in the khanates of Central Asia, which manifested itself both in the style of armor and in the use by Central Asian warriors of items made by Indian and Persian craftsmen.

Keywords: Khanates of Central Asia, shield, helmet, chain mail, *char-aina*

For citation: Miloserdov D. Y. Protective weapons in the khanates of Central Asia in the late 18th — early 20th centuries. *Orientalistica*. 2023;1(6):55–72. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-055-072 (in Russian).

Введение

Средства личной защиты воина от наступательного оружия противника являются важнейшей частью вооружения. Вся история военного дела показывает их высокую эффективность (при соответствии уровню военного дела). Даже в современном бою ношение средства личной защиты, особенно прикрывающего корпус (бронежилеты), оказывает сильное воздействие на психологию бойца, резко повышая его агрессивность и подавляя страх за свою безопасность. В древности, при несравненно менее совершенном наступательном оружии и большем разнообразии средств личной защиты, их эффект был, вероятно, более значителен.

К комплексу защитного вооружения относится доспех, защищающий корпус (панцирь, кольчуга и т. д.) и защитные детали, не составляющие единого целого с доспехом и носимые отдельно: поножи, наручи, пояса, шлемы и щиты. Полный набор видов оборонительного вооружения встречался далеко не везде и не всегда; еще более редко воин применял в бою весь комплекс доспехов [Горелик, 1993, с. 80].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Miloserdov D. Y., 2023
© Orientalistica, 2023

Использование защитного вооружения в ханствах Средней Азии с последней четверти XVI в. На основании письменных источников

Ханства Средней Азии в данном случае не являются исключением. Первые известные нам факты документальной фиксации элементов защитного вооружения в ханствах относятся к последней четверти XVI в. В датированной 1585 г. челобитной бухарского посла Мухаммед-Али царю Федору Ивановичу среди перечисленных даров и товаров, привезенных им, упоминается: «шолом булатный навожен золотом[1] и травами» [Чулошников, 1932, с. 98], то есть шлем, изготовленный из булата и декорированный растительным орнаментом, нанесенным золотом. Этим же годом датируется посольское письмо хивинского посла Ходжа-Мухаммеда царю Федору Ивановичу, отправленное из Казани, с перечислением привезенных им даров и товаров, среди которых упоминается шлем из булата, украшенный золотом: «Царю государю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси бьет челом юргенской[2] посол Хоз-Маамет. Послал государь наш Азим царь к тебе к царю государю поминка: шатер большой, да шалом булатной золотом навожен, да сабля булатная навожена золо[то]м…» [Чулошников, 1932, с. 99]. Судя по всему, в это же время в качестве дара русскому царю был преподнесен и «*щит Бухарской шит золотом и серебром и шолки*» [Савваитов, 1865, с. 34], то есть щит, тканевая поверхность которого была декорирована вышивкой золотыми, серебряными и шелковыми нитями.

Сложно сказать, были ли вышеупомянутые шлемы и щит изготовлены мастерами ханств или попали в Среднюю Азию из Индии и Персии, но с высокой долей вероятности следует предполагать второй вариант. Известно, что в конце XV — XVI в. защитное вооружение, выполненное мастерами из России, пользовалось большим спросом на рынках Бухары и Хивы. Спрос был настолько высок, что в конце XVI в. доспехи на Руси были признаны «заповедным товаром»[3], для покупки которого требовалось особое разрешение правительства. Из проезжей грамоты 1589 г., выданной выехавшим из Москвы бухарским купцам, точно известно, что «кольчатые оборонительные доспехи» (кольчуги. — *Д. М.*) были изъяты из свободной торговли. Из документа 1595 г. известно, что к заповедному товару в России относились и шлемы [Фехнер, 1956, с. 34]. Также из сохранившихся документов известно, что купцы из Средней Азии могли вывозить в ханства не более 10 кольчуг [Чулошников, 1932, с. 105; Фехнер, 1956, с. 54] и только по специальным разрешениям. Высокий интерес купцов из Средней Азии к русским доспехам

---

[1] *Навожен золотом* — с узором, нанесенным на поверхности изделия золотом [*Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1983, с. 35].

[2] Юргенская земля (Юргенчи, Ургенч) — область и город в Хиве [*Сборник князя Хилкова*, 1879, с. 24; *Русско-индийские отношения в XVII в.*, 1958, с. 437). Название Хивы как государства появилось лишь в середине XVII в. после переноса около 1645 г. столицы этого ханства из города Ургенча (Юргенча) в город Хиву. В Москве в течение всего XVII в. продолжали называть Хивинское ханство по-старому Юргенским, или Юргенчским.

[3] *Заповедный товар* — запрещенный к продаже [Даль, 1880, с. 637].

в конце XVI в. может, по нашему мнению, свидетельствовать о недостаточном производстве защитного вооружения в ханствах в этот период.

В интересующий нас временной период упоминания о бытовании защитного вооружения в ханствах Средней Азии известны с последней четверти XVIII в. Филипп Сергеевич Ефремов, находившийся в 1775 г. в Бухаре в качестве пленника, описывая сражение бухарцев с киргиз-кайсаками (казахами. — *Д. М.*), сообщает, что первые, в количестве пятисот человек, вышли на бой, облаченные в кольчуги [Ефремов, 1811, с. 53]. Такое число воинов, обладавших кольчужным доспехом, позволяет предположить, что к середине XVIII в. в ханствах было налажено изготовление кольчуг местными или пленными мастерами. Эта версия кажется нам правдоподобной, так как малые объемы этого вида защитного вооружения, поступавшие из России и, вероятно, Персии и Индии, вряд ли могли обеспечить отряд, насчитывающий пять сотен бойцов. В то же время известно, что хороших доспехов в этот временной период в ханствах не хватало. В архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), фонде Сношения России с Бухарой, хранятся документы конца XVIII в., свидетельствующие о том, что в 1797 г. с грамотой адресованной Екатерине II от бухарского эмира Шахмурада прибыл посланник Мулла Палванкул-курчи с просьбой помочь в борьбе с иранским владетелем Ага-Мухаммед-ханом. Среди прочего посол спрашивал о возможности отправки в Бухару доспехов: «По случаю имеющейся между бухарцами и персиянами войны, бухарский хан нижайше просит Российский императорский двор о снабжении его 2500 лат или панцирей воинских» [Гуламов, 1991, с. 224].

Нехватку защитного вооружения в ханствах на этом временном отрезке подтверждают сведения, изложенные русским горным инженером и путешественником Тимофеем Степановичем Бурнашевым, посещавшим Бухару в 1794–1795 гг. Он пишет следующее: «Бухарское войско составляют узбеки. Одежда воина не отличается от обыкновенной одежды жителей, а вооружение составляют сабли, ружья, копья и стрелы, но редкий (воин. — *Д. М.*) имеет все упомянутое оружие вместе. Некоторые надевают на себя кольчуги и защищаются железными щитами, или сшитыми из лосинных кож[4] одна на другую положенных» [Бурнашев, 1818, с. 101].

Четверть века спустя Николай Николаевич Муравьёв, который описывая вооружение хивинцев, упоминает, что «иногда надевают они панцырь и шишак» [Муравьёв, 1822, с. 115], то есть кольчугу [Шмелев, 1988, с. 146], вероятно дополненную пластинами *чар-айна*, и шлем [Вельтман, 1844, с. 71–72], и уточняет, что изготовлен этот доспех из булата: «Некоторые из наездников надевают булатные панцири и шишаки, которые еще и поныне в употреблении в Азии, особливо в тех краях где мало огнестрельнаго оружия» [Муравьёв, 1822, с. 117]. Посетивший Бухару с посольской миссией в 1820 г. Егор Казимирович Мейендорф также описал защитное вооружение местных воинов: «Сипахи (бухарские солдаты. — *Д. М.*) вооружены фитильными ружьями, очень длинными копьями и изогнутыми саблями, как у пер-

[4] В данном случае полагаю, что автор ошибся и щиты «из лосинных кож» на самом деле были изготовлены из кожи буйвола, что типично как для Центральной Азии, так и для соседствующего с ней Индо-Персидского региона.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

сов. Некоторые носят короткие кольчуги, железный шлем и круглый щит из шкуры буйвола» [Meendorf, 1826, p. 272]. Опираясь на данные Мейендорфа, писавшего о ковке местными мастерами оружия из булата и его стоимости, но ничего не упоминавшего об изготовлении в ханствах булатных щитов и шлемов [Meendorf, 1826, p. 220], можно предположить, что в начале XIX в., как и в XVI в., эти элементы защитного вооружения, во всяком случае булатные, поступали в Бухару и Хиву из Индии и Персии.

Александр Бёрнс, британский исследователь и разведчик, посетивший в начале 1830-х гг. Среднюю Азию с разведывательной миссией, пишет о том, что кочевники туркмены «имели хороших лошадей и были вооружены саблями и длинными пиками, но не обременяли себя, подобно другим азиатам, щитами» [Burnes, 1834, p. 248]. Он не упоминает защитное вооружение воинов в Бухаре и Хиве. Но учитывая то, что Бёрнс противопоставляет бездоспешных туркмен «другим азиатам», можно сделать вывод, что жители ханств использовали доспехи и щиты. Этот факт подтверждается данными из отчета посещавшего Бухару с разведывательной миссией Жан-Жака Пьера Демезона, проникшего в город под личиной муллы: «Некоторые (бухарские солдаты. — *Д. М.*) носят кольчугу и очень редко железный шлем или маленький щит» [*Записки о Бухарском ханстве*, 1983, с. 70].

То, что к 1841 г. защитное вооружение в Средней Азии не претерпело особых изменений, подтверждает Николай Владимирович Ханыков в своей работе «Описание Бухарского ханства»: «Полное вооружение бухарского война составляют шишак (шлем. — *Д. М.*), бармы[5], сабля или длинный прямой нож, ружье на развилках с фитилем и щит» [Ханыков, 1843, с. 181]. То есть в первой половине XIX в. комплекс защитного вооружения воинов в ханствах Средней Азии оставался неизменным и был представлен шлемом, кольчугой и щитом.

Но к моменту первых боестолкновений с подразделениями армии Российской империи, например при взятии кокандской крепости Ак-Мечеть (ныне Кызылорда в Казахстане. — *Д. М.*), защитное вооружение местного населения, судя по перечислению трофеев, становится редкостью: «В Ак-Мечети взяты 2 бунчука, 8 значков… 151 шашка и 2 кольчуги» [Зайцев, 1882, с. 19]. Это вполне объяснимо, так как к этому времени в армиях ханств начинает распространяться огнестрельное оружие, а защитное вооружение теряет значение. Ружья, обладающее более высокой поражающей особенностью, чем лук, нивелировали значение доспехов, о чем писал в 1874 г. участник Среднеазиатских походов Николай Николаевич Каразин: «Представителями классической древности служат щиты… Впрочем, щиты эти совершенно утратили свое прямое назначение, а сохранились только как признаки власти и сана; они, большей частью, бывают кожаные — и украшены или тисненым золотым узором, или же металлическими, чешуеобразными бляхами и даже золотыми монетами» [Каразин, 1874, с. 235] (рис. 1).

[5] Бармы – кольчатый доспех на оплечья, плечи, грудь и лопатки [Даль, 2002, с. 89]. В данном случае, вероятно, имеется в виду кольчужный воротник или, по аналогии с широким оплечьем, надеваемым русскими князьями и ниспадающим на грудь и спину, комплект защитных пластин *чар-айна*.

Рис. 1. Щит кожаный. XIX в. Индия (?). Частная коллекция (Великобритания)

Fig. 1. Leather shield. 19 century. India (?). Private collection (UK)

Этот факт подтверждается и данными датского исследователя Оле Олуфсена, посещавшего Бухару в конце XIX в.: «Доспехи, ныне устаревшие в Европе, такие как кольчуга (*сагут*), нагрудник (*чар-айна*), щит (*калкан*), также устарели и в Бухаре и использовались в последний раз в борьбе против русских, когда они завоевывали страну. Эти вещи были отличного качества. Кольчуги состояли из клепаных колец, нагрудники сделаны из легких стальных пластин, украшенных всечкой золотом и серебром, щиты были изготовлены из плотной прессованной кожи со стальными пластинами» [Olufsen, 1911, p. 477]. Тем не менее в последней четверти XIX в. на улице оружейников в Бухаре еще можно было приобрести кольчуги и шлемы, о чем в своей книге сообщает посещавший в это время Среднюю Азию ирландец Генри Лансделл [Lansdell, 1885, p. 287].

Комплекс защитного вооружения среднеазиатского воина и отдельных предметов из него в XIX в. На примере материальных памятников из музейных коллекций

Подробное описание и изображение защитного вооружения, бытовавшего в ханствах, известно благодаря коллекции путешественника Генри Мозера, которую он собирал в Бухаре и Хиве в 1880-х гг. [Moser, 1889, S. 142], и ее описанию, сделанному в 1955 г. Ныне его среднеазиатская коллекция хранится фондах Исторического музея города Берна (Bernisches Historisches Museum) в Швейцарии. Мозер приобрел в Бухаре полный комплект защитного вооружения: шлем с бармицей (кольчужная сетка, защищающая шею. — *Д. М.*), кольчуга, кольчужный воротник, кираса *чар-айна* и щит (рис. 2).

Шлем полусферической формы, выкованный из железа, венчает профилированная железная втулка для плюмажа. Спереди надо лбом приклепан узкий наносник, расширяющийся к середине. К слегка изогнутому наружу краю шлема крепится бармица в виде кольчужной сетки, защищающей шею. Судя по данным Самуила Мартыновича Дудина, известного собирателя коллекций Российского этнографического музея по народам Средней Азии, который приобретал в начале XX в. на рынках Бухары и других городов Туркестана различные восточные предметы, в том числе и доспехи, в ханствах распространены были персидские шлемы типа *кулах-худ*. Об этом свидетельствует следующая запись в его дневнике: «Форма шлема куполовидная. Верхушка заканчивается или четырехгранным острием или головкой птицы (реже)» [Емельяненко, 2021, с. 452].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Тонкая кольчуга обычно напоминает длинную рубаху, доходящую до колен, с длинным рукавом. Плетение плотное, равномерное из небольших клепаных колец, состоящих из железной проволоки круглого сечения. Наружный диаметр колец составляет 5 мм, а внутренний — 1 мм. Головки заклепок — полусферические и располагаются на внутренней стороне кольчуги. По краю кольчужной рубашки пущено три ряда латунных колец, большинство из них также клепаные, но часть перфорированные и плоские. Вырез кольчуги затягивается двумя парами черных шнуров. Кольчужный воротник состоит из таких же, как на кольчуге, плетеных железных колец с заклепками. По краю он часто декорирован двойным рядом латунных колец. Воротник спускается вниз по груди, плечам и спине длинными треугольными складками и завязывается на спине. Кольчужные кольца пришиты к широкому, воротнику из стеганой шелковой ткани с подкладкой из бледно-красного бархата с нижней стороны [Zeller, Rohrer, 1995, S. 341–344]. Дудин отмечает в своих дневниках, что кроме длинных кольчуг встречались и короткие, две из которых он приобрел для музея. Эти кольчуги, называемые *саут* (*савут*), отличались от длинных коротким рукавом и высоким воротом. Дудин выделяет два типа кольчуг: «клепанные железом и клепанные медью. В первом случае — кольца меньше и заклёпки составляют только выступ на одном конце кольчуги, в то время как на другом имеется отверстие. Во втором — оба конца колечка имеют отверстия и заклепываются медными заклепками. Кольчуги, клепанные медными заклепками, встречались реже и ценились дороже» [Дмитриев, 1999, с. 50]. Благодаря приведенным выше сведениям можно с уверенностью утверждать, что к интересующему нас периоду доспехи с ламелярной и пластинчато-нашивной системами бронирования, распространенные в регионе в Позднее Средневековье [Бобров, Худяков, 2002, с. 117–119], в ханствах не использовались.

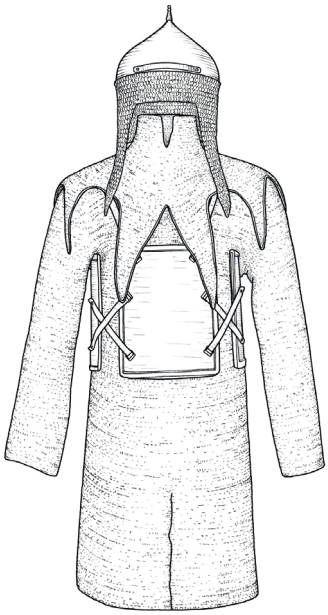

Рис. 2. Комплект защитного вооружения, приобретенного Генри Мозером в Средней Азии. Рис. А. Дементьева

Fig. 2. A set armor purchased by Henry Moser in Central Asia. Drawing by A. Dementyeva

Кираса, приобретенная Мозером, состоит из четырех слабоизогнутых прямоугольных пластин, изготовленных из толстой прессованной кожи, соответствующих «четырем зеркалам» персидского доспеха *чар-айна*. Боковые пластины изготовлены с вырезом по верхнем краю — под подмышку. Края всех четырех пластин обрамлены спереди и сзади плоскими железными планками-пластинами трапециевидного сечения, которые прочно

приклепаны к кожаным пластинам. На внешней стороне кожаных пластин, на красном фоне, выполнена лаковая роспись золотом в виде цветочных и листовых мотивов в красивых арабесках. На внешней стороне грудной и спинной пластин расположено по шесть латунных пряжек, а на боковых пластинах — по четыре латунные пряжки, каждая из которых закреплена на пластине двумя заклепками. Через пряжки пропущены кожаные ремни, которые соединяют пластины друг с другом [Zeller, Rohrer, 1955, S. 341–344]. Судя по приобретениям вышеупомянутого Дудина, в Бухаре чаще встречались стальные *чар-айна* персидской работы [Дмитриев, 1999, с. 50] (рис. 3). Хотя, нельзя исключать вариант того, что к началу XX в. в антикварных лавочках сохранились именно украшенные металлические доспехи, тогда как неукрашенные кожаные были утилизированы владельцами как не представляющие ценности.

Упоминает Дудин и «налокотники лодкообразной формы, на переднем конце снабженные кольчужной сеточкой или пластинками, связанными колечками, для защиты кисти руки» [Емельяненко, 2021, с. 452]. Из этого описания легко узнать наручи индо-персидского типа. Не совсем понятно, приобрел ли Самуил Мартынович персидские наручи, которые оказались на среднеазиатском базаре как диковинка, или подобные наручи действительно использовались в качестве элемента защитного вооружения воинами ханств. Лично нам кажется верным первое предположение, так как дальше в своих дневниках Дудин пишет: «Налокотник надевали только на правую руку, так как левая закрывалась щитом» [Емельяненко, 2021, с. 452]. При этом известно, что как раз на рубеже XIX–XX вв. из Персии в соседние государства поступали своего рода декоративные комплекты доспехов, которые состояли из шлема, щита и наруча, оформленных в общей стилистике и предназначенных для украшения стен «восточных» кабинетов и залов.

Рис. 3. Доспех чар-айна. XVIII–XIX в. Персия. Из коллекции The Metropolitan Museum of Art (США). Музейный номер: 48.92.1

Fig. 3. Cuirass Char-aina. Late 18th — early 19th century. Persia. From collection The Metropolitan Museum of Art (USA). Accession Number: 48.92.1

Слегка выпуклый круглый щит из коллекции Мозера, приобретенный в Бухаре, диаметром в 144 см из полупрозрачной кожи буйвола, со слабо загнутым краем, покрыт желтовато-коричневым лаком и расписан золотыми фигурами и орнаментами. Орнамент из листьев и пальмет обрамляет край щита и заполняет розетку, расположенную в центре. В свободных от орнамента полях щита расположены изображения всадников на скачущих лошадях и убегающих антилоп. На поверхности щита также расположено шесть небольших конусо-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

образных умбонов на плоских дисковидных основаниях с широкими зубчатыми краями. С внутренней стороны к умбонам крепятся заклепки для петель и кольца, которые фиксируют ремни, которыми щит удерживается на руке. Для защиты руки от травмы, которая возможна при нанесении удара по щиту, используется кожаная подушка, закрепленная на внутренней стороне щита петлями [Zeller, Rohrer, 1955, S. 341–342]. Материал и орнаментика щита свидетельствуют о его индийском происхождении (рис. 4).

При этом, судя по записям Самуила Мартыновича, также в Бухаре были распространены персидские металлические щиты, которые он называет «калкан», диаметром около 50 см. Особо отмечает Дудин персидские щиты из двух наложенных один на другой листов металла. Верхний «лист», по его словам, украшен прорезным орнаментом и подостлан фольгой [Емельяненко, 2021, с. 453]. Упоминает он и щиты местной работы: железные с гладкой поверхностью или декорированные резьбой, с умбонами, украшенными в технике бухарского клуазоне [Емельяненко, 2021, с. 453], и «*большие из толстой кожи, с железными или медными бляхами и небольшие щиты с железными пластинками и бляхами, употреблявшиеся при фехтовании*» [Дмитриев, 1999, с. 50]. Судя по всему, распространенные в XVII в. прутяные щиты, прутья в которых сплетались в концентрические круги вокруг специального каркаса и оплетались нитями, образующими цветной, как правило, геометрический, узор, а так же деревянные щиты, обтянутые кожей [Бобров, Худяков, 2002, с. 135], к XVIII в. перестали использоваться.

Остальные элементы защитного вооружения, приобретенные Генри Мозером, исполнены в персидском стиле. Однако качество работы и уровень декорирования отличаются от персидских изделий и, судя по всему, они были изготовлены местными мастерами. Например, пластины «нагрудника», как упоминалось выше, сделаны из кожи, хотя его форма точно повторяет классический индо-персидский доспех *чар-айна* («четыре зеркала»), обычно выполняющийся полностью из стали или булата.

Рис. 4. Щит кожаный (аналогичный щиту, приобретенному Генри Мозером в Бухаре). XIX в. Индия. Из коллекции The Metropolitan Museum of Art (США). Музейный номер: 36.25.592

Fig. 4. Leather shield (similar to shield acquired by Henry Moser in Bukhara). 19th century. India. From collection of The Metropolitan Museum of Art (USA). Accession Number: 36.25.592

Заключение

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что на дизайн защитного вооружения в ханствах Средней Азии влияли Индия и Персия. Более того, судя по материальным памятникам из изученных музейных собраний, самые

дорогие щиты, изготовленные из булата или из расписанной золотом кожи, бытовавшие в ханствах Средней Азии, несомненно, имеют индийское происхождение. Таким, например, является булатный щит, преподнесенный туркестанскому генерал-губернатору Михаилу Григорьевичу Черняеву знатью города Ташкента и мусульманским духовенством [Денисова, Портнов, Денисов, 1953, с. 154]. Этот булатный щит, декорированный резьбой и золотой всечкой, ныне хранящийся в Государственном историческом музее г. Москвы (Россия), представляет собой образец классического северо-индийского щита [Varfolomeew, Barrett, 2015, p. 17] (рис. 5).

Такие щиты датируются XVIII в., и местом их производства является Раджастан [Pant, Sharma, 2001, p. 74, 78, 100–101]. Местными элементами, добавленными в более позднее время, являются подбой щита, выполненный из среднеазиатской ткани, и закрепленные на его поверхности серебряные пластины с чернеными надписями на арабском языке. На круглой пластине, расположенной по центру написано: «Михаил Григорьевич Черняев», на серебряном полумесяце, расположенном ближе к краю щита надпись: «Подношение от знати города Ташкента». И на основании серебряной петли, служащей для крепления цветной тесьмы, написано: «По случаю взятия им этого города в 1282[6] году». Кроме того, по краю щита наклепано шестнадцать серебряных пластинок с именами дарителей, выполненными арабской графикой в технике черни [Денисова, Портнов, Денисов, 1953, с. 154].

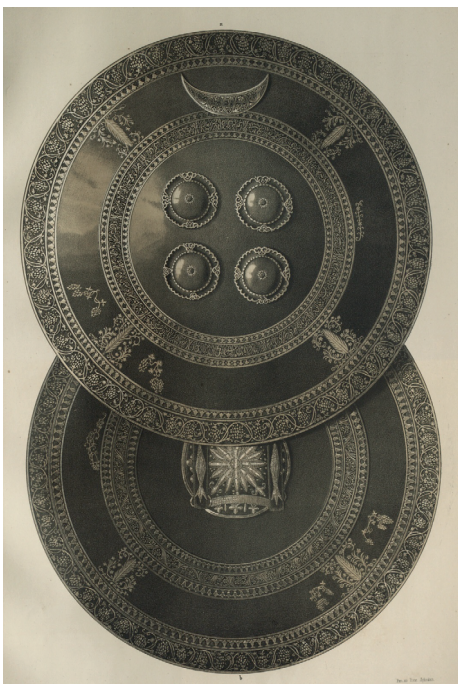

Рис. 5. Щит булатный. XVIII в. Северная Индия (аналогичен щиту, подаренному М. Г. Черняеву жителями Ташкента). Хромолитография из книги: Кеммерер Е. А. Царскосельский арсенал, или Собрание оружия, принадлежащего его величеству государю императору Александру Николаевичу: по рис. г. г. проф. А. П. Рокштуля и Н. А. Богданова, с поясн. текстом, сост. д. с. с. Е. Кеммерером, зав. собств. е. вел. б-ками и арсеналами. Санкт-Петербург: А. А. Ильин и Н. К. Флиге, 1869. Частная коллекция (Россия)

Fig. 5. Wootz shield. 18th century. North India (similar to the shield presented to M. G. Chernyaev by residents of Tashkent). Chromolithography from the book: Kemmerer E. A. Tsarskoye Selo Arsenal, or Collection of weapons belonging to His Majesty Emperor Alexander Nikolaevich. St. Petersburg: A. A. Ilyin and N. K. Flige, 1869. Private collection (Russia)

[6] 1282 г. х. — 1865 г. по григорианскому календарю.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Безусловно, в ханствах до середины XIX в. были мастера-бронники, изготавливавшие щиты, кольчуги и другие элементы защитного вооружения. Об этом свидетельствуют кольчуги из Бухары, находящиеся в фондах Национального музея в Копенгагене [Olufsen, 1911, p. 481], и из Коканда, хранящиеся в Государственном историческом музее в Москве и Государственном Эрмитаже Санкт-Петербурга [Образцов, Малозёмова, 2019, с. 34], а также щиты из прессованной кожи буйвола, по краю которых расположены небольшие выпуклые бляхи, чаще всего из позолоченного серебра или меди, украшенные в технике чеканки растительными орнаментами, типичными для ханств (рис. 6).

Эти бляхи напоминают уменьшенные умбоны, которые расположены в центре щита в количестве четырех штук. Центральные умбоны выполняют традиционную функцию удержания ремней, закрепленных с внутренней стороны щита. Накладки же выполняют скорее декоративную функцию и являются элементом, типичным исключительно для Средней Азии [Olufsen, 1911, p. 479; Анисимова, 2013, с. 274–275; Образцов, Малозёмова, 2019, с. 134–135]. Хотя надо отметить, что на некоторых известных образцах подобных щитов через кольца, закрепленные с внутренней стороны напротив умбонов, бывает пропущен ремень, служивший для ношения щита на плече. Подобные щиты изобразил В. В. Верещагин у стражников на картине «Двери Тимура (Тамерлана)» (рис. 7).

Несомненно, к щитам, изготовленным в ханствах, также относятся образцы, умбоны которых декорированы бирюзой в технике «бухарского клуазонне» (рис. 8).

На сегодняшний день сложно определить, какую долю составляло защитное вооружение, изготовленное местными мастерами, учитывая

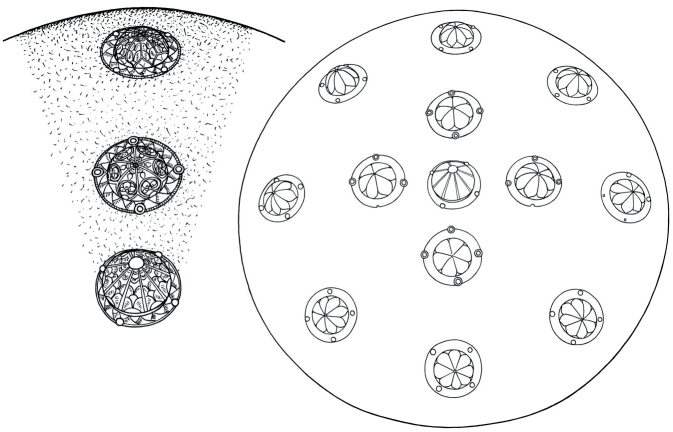

Рис. 6. Щит. XIX в. Средняя Азия. Рис. А. Дементьева

Fig. 6. Shield. 19th century. Central Asia. Drawing by A. Dementyeva

Рис. 7. Верещагин В. В. Двери Тамерлана. Почтовая карточка. Россия. Начало XX в. Частная коллекция (Россия). Оригинал картины, написанной в 1872 г., хранится в коллекции ФГБУК «Всероссийское музейное объединение “Государственная Третьяковская галерея”» (Москва, Россия). Музейный номер: Уч. оп. 1995

Fig. 7. Vereshchagin V. V. Doors of Tamerlan. Postcard. Russia. Early 20 C. Private collection (Russia). The original painting, 1872, is kept in the collection of the All-Russian Museum Association “State Tretyakov Gallery” (Moscow, Russia). Accession number: Uch. op. 1995

Рис. 8. Умбоны щита, которые декорированы бирюзой в технике «бухарского клуазонне». XIX в. Бухара (?). Из коллекции Государственного музея истории Тимуридов (Узбекистан). Музейный номер: ГИК (КП) 2–47

Fig. 8. Shield boss, which are decorated with turquoise using “bukhara cloisonné” technique. 19th century. Bukhara(?). From collection of The State Museum of the Temurid History (Uzbekistan). Accession Number: GIK (KP) 2–47

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

известные нам по письменным источникам и сохранившимся материальным памятникам поступления его образцов из России, Индии и Персии.

Нужно отметить, что большое количество персидских щитов, шлемов и наручей, которые экспонируются во многих музеях Средней Азии как «бухарские» или «хивинские» [Буряков, 2013, с. 114, 135], на самом деле, скорее всего, никогда не использовались в качестве защитного вооружения местным населением ханств. Эти выразительно оформленные предметы часто гипертрофированных размеров, декорированные в сходной стилистике в технике травления различными жанровыми и мифологическими сценами [Малоземова, 2020, с. 155, 156, 159] и фрагментарно украшенные всечкой или насечкой желтым металлом, на самом деле не использовались по прямому назначению, а служили атрибутами участников религиозных шиитских мистерий [Малоземова, 2020, с. 151–184] (рис. 9, 10, 11).

Рис. 9–10. Шлемы. XIX в. Персия. Частная коллекция (Великобритания)

Fig. 9–10. Helmets (Khula Khud). 19th century. Persia. Private collection (UK)

Рис. 11. Наруч. XIX в. Персия. Частная коллекция (Россия)

Fig. 11. Bazu Band (Arm Guard). 19th century. Persia. Private collection (Russia)

На рубеже XIX–XX вв. эти зрелищные «доспехи» в больших количествах производились в Иране, откуда попадали в музеи России и Европы или же в частные коллекции [Flindt, 1979, p. 21]. После революции, когда дворянские дома и усадьбы были национализированы, подобные предметы передавались в местные музеи, где становились «среднеазиатскими» или даже «древнерусскими» доспехами.

Подводя итог небольшого экскурса в описание и происхождение защитного вооружения, бытовавшего в Средней Азии, нужно отметить, что, хотя оно широко использовалось во всем регионе до середины XIX в., но из-за распространения огнестрельного оружия, особенно с кремневыми и капсульными замками, доспехи и щиты постепенно стали в ханствах полным анахронизмом. К концу XIX в. встретить доспехи в Средней Азии можно было только на улочке продавцов древностей в Бухаре [Olufsen, 1911, p. 530] или в сокровищницах владетелей ханств [Мак-Гахан, 1875, с. 182].

Список литературы / References

1. Анисимова М. А. *Оружие Востока XV — первой половины XX в. Из собрания ВИМАИВиВС.* СПб.: Атлант, 2013 [Anisimova M. A. *Arms of the East 15 — the First Half of the 20 century. From the Collection of VIMAIViVS*. St. Petersburg: Atlant, 2013 (in Russian)].
2. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Защитное вооружение среднеазиатского воина эпохи Позднего Средневековья. *Военное дело номадов Северной и Центральной Азии.* Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2002. С. 106–168 [Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Armors of the Central Asian Warrior of the Late Middle Ages. *Military Affairs of the Nomads of North and Central Asia.* Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2002, pp. 106–168 (in Russian)].
3. Бурнашев Т. С. Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году. *Сибирский вестник*. Ч. III. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818, С. 75–110 [Burnashev T. S. Journey from the Siberian Line to the City of Bukhara in 1794 and Back in 1795. *Siberian Bulletin*, Part III. St. Petersburg: Tip. Ios. Ioannesova, 1818, pp. 75–110 (in Russian)].
4. Буряков Ю. Ф. (отв. ред.) *История военного искусства Узбекистана.* Ташкент: Узбекистон, 2013 [Buryakov Y. F. (Chief Ed.) *History of Military Art of Uzbekistan*. Tashkent: Uzbekiston, 2013 (in Russian)].
5. Вельтман А. Ф. *Московская Оружейная палата*. М.: Тип. Н. Степанова, 1844 [Veltman A. F. *Moscow Armory Chamber*. Moscow: Tip. N. Stepanova, 1844 (in Russian)].
6. Горелик М. В. *Оружие древнего Востока, IV тысячелетие — IV в. до н. э.* М.: Наука, 1993 [Gorelik M. V. *Weapons of the Ancient East, 4 Millennium — 4 c. BCe.* Moscow: Nauka, 1993 (in Russian)].
7. Гуламов Х. Г. Отношения России с Бухарой в конце XVIII в. *Вопросы истории*. 1991. № 1. С. 222–225 [Gulamov Kh. G. Relations Between Russia

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

and Bukhara at the End of the 18th century. *Questions of History*. 1991. No. 1, pp. 222–225 (in Russian)].

8. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка.* Том *«А–З»*. СПб. — М.: Тип. М. О. Вольфа, 1880 [Dal' V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language.* Vol. *"A–Z"*. St. Petersburg — Moscow: Tip. M. O. Wolfa, 1880 (in Russian)].
9. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 2 т. Т. 1: *А–О.* М.: ОЛМА-Пресс, 2002 [Dal' V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language.* In 2 vols. Vol. 1: *A–O.* Moscow: OLMA-Press, 2002 (in Russian)].
10. Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н. *Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв.* М.: Госкультпросветиздат, 1953 [Denisova M. M., Portnov M. E., Denisov E. N. *Russian weapons. Brief Determinant of Russian Military Weapons of the 11th–19th centuries.* Moscow: Goskultprosvetizdat, 1953 (in Russian)].
11. Дмитриев С. В. Оружейная коллекция С. М. Дудина. *Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре*. 1999. № 3. С. 50 [Dmitriev S. V. Arms Collection of S. M. Dudin. *Living Antiquity. Journal of Russian Folklore and Traditional Culture*. 1999. No. 3, p. 50 (in Russian)].
12. Емельяненко Т. Г. *Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг.* М.: Фонд Марджани, 2021 [Emelianenko T. G. *Report by S. M. Dudin About Trips to Central Asia in 1900–1902*. Moscow: Foundation Marjani, 2021 (in Russian)].
13. Ефремов Ф. *Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда чрез Англию в Россию.* Казань: В Университетской типографии, 1811 [Efremov F. *The wandering of Philip Efremov in the Kirghiz steppe, Bukhara, Khiva, Persia, Tibet and India and his return from there through England to Russia.* Kazan: V Univercitetskoy tipografii, 1811 (in Russian)].
14. Зайцев В. Н. *История 4-го Туркестанского линейного батальона, с картой, за период с 1771 по 1882 год, как материал к описанию движения русских в Среднюю Азию. Сост. поручиком В. Н. Зайцевым.* Ташкент: скл. изд. у авт., 1882 [Zaitsev V. N. *History of the 4th Turkestan Linear Battalion, with a NMap, for the Period from 1771 to 1882, as Material for Describing the Movement of Russians to Central Asia. Comp. Lieutenant V. N. Zaitsev.* Tashkent: skl. izd. u avt., 1882 (in Russian)].
15. *Записки о Бухарском ханстве: (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича).* Отв. ред. Н. А. Халфин. М.: Наука, 1983 [*Notes on the Bukhara Khanate: (Reports by P. I. Demaison and I. V. Vitkevich)*. Ed. by N. A. Khalfin. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].
16. Каразин Н. Н. Оружие наших противников в Средней Азии. *Нива*. 1874. № 15. С. 233–235 [Karazin N. N. Weapons of Our Opponents in Central Asia. *Niva*. 1874. No. 15, pp. 233–235 (in Russian)].
17. Мак-Гахан Я. А. *Военные действия на Оксусе и падение Хивы*. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1875 [MacGahan J. A. *Campaigning on the Oxus and the fall of Khiva.* Moscow: Univ. tip. (Katkov and Co.), 1875 (in Russian)].

18. Малоземова Е. И. Холодное оружие и ритуально-театрализованные представления в Иране. *Историческое оружиеведение*. 2020. № 8. С. 151–189 [Malozemova E. I. Edged Weapons and Ritually Theatrical Performances in Iran. *Historical weapons science*. 2020. No. 8, pp. 151–189 (in Russian)].
19. Муравьёв Н. Н. *Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, Гвардейскаго Генеральнаго штаба капитана Николая Муравьёва, посланного в сии страны для переговоров. С картинами с чертежами, и проч.* Ч. 2. М.: В типографии Августа Семена, 1822 [Muravyov N. N. *Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, of the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to these Countries for Negotiations. With paintings with drawings, etc.* Part 2. Moscow: V tipografii Augusta Semena, 1822 (in Russian)].
20. Образцов В. Н., Малозёмова Е. И. *Оружие Ближнего Востока «Сжимая рукоять меча…». Воинская культура и оружейные традиции Ближнего Востока. Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа.* СПб.: Славия, 2019 [Obraztsov V. N., Malozemova E. I. *Weapons of the Middle East "Squeezing the Hilt of the Sword …" Military Culture and Weapons Traditions of the Middle East. Exhibition catalog from the collection of the State Hermitage.* St. Petersburg: Slavia, 2019 (in Russian)].
21. *Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов*. М.: Восточная литература, 1958 [*Russian-Indian relations in the 17th century. Collection of documents*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958].
22. Савваитов П. И. *Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты.* СПб.: В Тип. Имп. Акад. наук, 1865 [Savvaitov P. I. *Description of Ancient Royal Utensils, Clothes, Weapons, Military Armor and Horse Equipment, Extracted from the Manuscripts of the Archive of the Moscow Armory.* St. Petersburg: V Tip. Imp. Acad. nauk, 1865 (in Russian)].
23. *Сборник князя Хилкова. [Документы по истории России XVI–XVII вв.].* СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879 [*Collection of Prince Khilkov. [Documents on the history of Russia in the 16th –17th centuries]*. St. Petersburg: Tip. brat. Panteleevykh, 1879 (in Russian)].
24. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Гл. ред. Ф. П. Филин. Вып. 10: (*Н – Наятися*). Ред. выпуска О. И. Смирнова. М.: Наука, 1983 [*Dictionary of the Russian Language of the XIth — XVIIth centuries*. Ch. ed. F. P. Filin. Issue. 10: *N — Nayayisia*. Ed. of the issue O. I. Smirnova. Moscow: Nauka, 1983 (in Russia].
25. Фехнер М. В. *Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в.* Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. М.: Госкультпросветиздат, 1956 [Fekhner M. V. *Trade of the Russian State with the Countries of the East in the 16th century.* Ed. by acad. M. N. Tikhomirov. Moscow: Goskultprosvetizdat, 1956 (in Russian)].
26. Чулошников А. Торговля Московского государства с Средней Азией в XVI–XVII вв. *Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Труды Историко-археографического института и Института*

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

востоковедения. Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Ч. I. Л.: Изд. АН СССР, 1932 [Chuloshnikov A. Trade of the Moscow State with Central Asia in the 16th –17th centuries. *Materials on the History of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Proceedings of the Historical and Archaeographic Institute and the Institute of Oriental Studies. Materials on the history of the peoples of the USSR.* Issue 3. Part I. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1932 (in Russian)].

27. Шмелёв Д. Н. *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 14: (*Отрава — Персоня*). М.: Наука, 1988 [Shmeliov D. N. *Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th centuries*. Issue 14 (*Otrava — Personia*). Moscow: Nauka, 1988 (in Russian)].
28. Ханыков Н. В. *Описание Бухарского ханства.* СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1843 [Khanykov N. V. *Description of the Bukhara Khanate.* St. Petersburg: Tip. Imp. Acad. nauk, 1843 (in Russian)].
29. Burnes A. *Travels into Bokhara. Being an account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia. Also, narrative of a Voyage on the Indus from the Sea to Lahore*. Vol. I. London: John Murray, 1834.
30. Flindt T. Some nineteenth-century Arms from Bukhara. *Islamic Arms and Armour*. Ed. by R. Elgood. London: Scolar Press, 1979, pp. 20–29.
31. Lansdell H. *Russian Central Asia, including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv*. Vol. II. London: Simpson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885.
32. Moser H. *Durch Central-Asien; die Kirgisensteppe, Russisch-Turkestan, Bochara, Chiwa, das Turkmenenland und Persien*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1888.
33. Meendorf E. K. *Voyage d'Orenbourg à Boukhara fait en 1820, à travers les steppes qui s'etendent a l'est de la mer d`aral et au-dela de l`ancien Jaxartes*. Paris: Dondey-Dupré père et fils, 1826.
34. Olufsen O. *The Emir of Bokhara And His Country: journeys and studies in Bokhara (with a chapter on my voyage on the Amu Darya to Khiva).* London: William Heinemann, 1911.
35. Pant G. N., Sharma K. K. *Indian Armours in the National Museum Collection*. New Deli: National Museum, 2001.
36. Varfolomeew A., Barrett J. *Fight, Prey, Love.* St. Petersburg: [without publishing house] 2015.
37. Zeller R., Rohrer E. F. *Orientalische Sammlung Henri Moser-Charlottenfels: Beschriebender Katalog der Waffensammlung*. Bern: Kommissionsverlag von K. J. Wyss Erben, 1955.

Информация об авторе

Милосердов Дмитрий Юрьевич — заведующий сектором низших позвоночных, Государственный Дарвиновский музей, Россия, Москва, dm1167@rambler.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 12.02.2023; одобрена рецензентами 13.03.2023; принята к публикации 19.03.2023; опубликована 30.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Miloserdov Dmitri Y. — head of the Sector of Lower Vertebrates, State Darwin Museum, Russia, Moscow, dm1167@rambler.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 12.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 19.03.2023; published 30.03.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья Исторические науки
УДК 930.2(07):24
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-073-086

Бодхисаттва Манджушри и Дзанабазар (1635–1723)

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
ssyrtypova@ivran.ru, https://orcid.org/0000-0002-7239-4454

Аннотация. В продолжение серии статей о разных аспектах творчества великого буддийского мастера Гомбодоржийн Дзанабазара (1635–1723) предлагается рассмотреть образ божества мудрости Манджушри. Манджушри в буддийском пантеоне относится к рангу бодхисаттв, просветленных существ, которые поставили себе высшую альтруистическую цель – помогать всем живым существам до тех пор, пока они все не достигнут состояния будды. Обретение знаний и мудрости считается главным в практике буддистов, потому культовый образ Манджушри один из самых широко распространенных. Заметное место бодхисаттва Манджушри занимает и в творчестве Дзанабазара, в настоящей работе рассматриваются около десятка выявленных его изображений, которые находятся в разных музейных и частных собраниях Монголии, России и Китая. Несмотря на то, что среди этих произведений нет шедевров высшего ранга, к которым относятся, например, Татхагаты Пяти Родов и Белая Тара, они заслуживают достойного внимания, обладая основными признаками стиля Дзанабазара. Комплексное описание всех известных нам на сегодня изображений Манджушри моделировки Дзанабазара представлены впервые.

Ключевые слова: бодхисаттва, мудрость, знание, Манджушри-нама-самгити, Монголия, Тибет, Канси

Для цитирования: Сыртыпова С-Х. Д. Бодхисаттва Манджушри и Дзанабазар (1635–1723). *Ориенталистика*. 2023;6(1):73–86. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-073-086

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Сыртыпова С-Х. Д., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-055-068

Bodhisattva Manjushri and Zanabazar (1635–1723)

Surun-Khanda D. Syrtypova

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ssyrtypova@ivran.ru, https://orcid.org/0000-0002-7239-4454

Abstract. A series of articles on various aspects of the work by the great Buddhist master Gombodorjiin Zanabazar (1635–1723), allows the reconstruction of the image of the wisdom deity Manjushri. In the Buddhist pantheon Manjushri belongs to the rank of bodhisattvas, the enlightened beings who have set themselves the highest altruistic goal — to help all living beings until they all achieve Buddhahood. The acquisition of knowledge and wisdom is considered the main thing in the practice of Buddhists. Therefore, the cult image of Manjushri is one of the most widespread. The bodhisattva Manjushri also occupies a prominent place in the work of Zanabazar; in this work, there are about a dozen identified images, which are preserved in various museum and private collections in Mongolia, Russia and China. Among these works, there are, indeed, no masterpieces of the highest rank, which include, for example, the Tathagatas of the Five Kinds and the White Tara. Nevertheless, they deserve special attention because they bear the main features of the Zanabazar's artistic style. For the first time, the article offers an all-encompassing description of all Manjushri images by Zanabazar and his school.

Keywords: Bodhisattva, wisdom, knowledge, Manjushri-nama-samgiti, Mongolia, Tibet, Kangxi

For citation: Syrtypova S.-Kh. D. Bodhisattva Manjushri and Zanabazar (1635–1723) *Orientalistica*. 2023;6(1):73–86 (in Russian). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-073-086.

Методология

Изучение культов буддийских божеств методологически опирается на три главных принципа: во-первых, это комплексное использование визуальных и вербальных источников, во-вторых, совмещение теоретических предписаний и правил для исполнения тантрических практик с их воплощением известными буддийскими мастерами, а также живым бытованием в определенной социальной среде (то есть изучение не только канонической теории, но и живой практики), и в-третьих, сравнительный анализ рассматриваемых объектов в исторической диахронии и, по возможности, в культурно-географическом пространстве. В работе прослеживаются изображения одного культового персонажа — Манджушри, в разных пластических и живописных вариантах и версиях образов в моделировке и исполнении одного мастера и его учеников, что обнаруживает сохранение индивидуального художественного стиля Дзанабазара и его школы в рамках канонического стандарта буддийской иконографии.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Syrtypova S.-Kh. D., 2023
© Orientalistica, 2023

Введение

Все версии биографии Дзанабазара (1635–1723)[1] сообщают нам, что одной из главных примет незаурядности мальчика, родившегося в семье Тушэту-хана Гомбодоржа, было то, что в возрасте трех лет, а по европейской системе счета, в два года, ребенок стал декламировать текст «Манджушри-нама-самгити»[2]. То есть связь с Манджушри у Дзанабазара прослеживается с первых его шагов в монгольском воплощении. Закономерно, что данное божество мастер воссоздавал не однажды и в скульптуре, и в живописи. В дальнейшем его духовная связь с разными аспектами божества мудрости еще более укрепилась в силу политической ситуации. Не утихающая междоусобная война монгольских князей спровоцировала необходимость сотрудничества с правителем Китая, страны, считающейся мифологической прародиной бодхисаттвы Манджушри. Дружба и родственные отношения[3] с императором Канси (1654–1722) помогли Ундур-гэгэну сохранить статус-кво Халха Монголии. Император Канси стремился всячески способствовать просвещению, в том числе на монгольском, тибетском, маньчжурском языках. Важнейшие буддийские события к концу XVII в. смещаются ближе к Пекину. С 1691 г. Ундур-гэгэн, уже будучи зрелым мастером и выдающимся ламой, вынужден был провести почти десятилетие при дворе цинского императора. В официальных письмах Дзанабазар называет императора воплощением Манджушри. По свидетельству первого биографа Ундур-гэгэна Зая-пандиты Халхасского, в 1699 г. специально для Канси им была изготовлена золотая скульптура Манджушри [Сыртыпова, 2021, с. 19]. Как свидетельствуют письменные источники, Дзанабазар создал множество скульптур и тангка божества мудрости, и на это, как мы видим, у него было много причин. Наиболее известный скульптурный образ стоящего бодхисаттвы Манджушри моделировки самого мастера находится на хранении в Музее изобразительных искусств имени Дзанабазара (монг. Занабазарын нэрэмжит Дүрслэх урлагийн музей, или ЗДУМ) в Улан-Баторе. Есть также другие скульптуры и *тангка* данного божества, которые мы рассмотрим ниже.

Бодхисаттва Манджушри (санскр. mañjuśrī / mañjughoṣa; тиб.: 'Jam dpal / 'jam dbyangs; монг.: Манзушир бурхан / Зөлөөн Эгшигт) — это божество мудрости, отсекает невежество и всякого рода препятствия на пути к просветлению, дарует мудрость, ум, способность к обучению. Его почитают во всех буддийских странах; и его многочисленные древние изображения сохранились в разных концах мира. Манджушри и Авалокитешвара, безусловно, самые почитаемые бодхисаттвы в буддийском пантеоне. Самые ранние тексты, связанные

[1] Наиболее известные на сегодня версии и варианты намтаров Ундур-гэгэна Дзанабазара рассмотрены изложены в монографии [Сыртыпова, 2019, с. 26–38, Өндөр Гэгээний намтар, 1952, с. 26–38].

[2] Тиб. ‘Jam dpal mtshan brjod – «Воспевание имен Манджушри», датируется серединой VIII века н. э., восхваляет Манджушри как «держателя линии эманаций будды, того, кто излучает различные эманации, чтобы соответствующим образом помогать существам». Среди перечисленных эманаций есть Праматха (тиб. ‘Joms byed) – «Разрушитель».

[3] Император Сюанье, правивший под девизом Канси, был воспитан бабушкой-монголкой, происходившей из рода борджигин.

с Манджушри, это «Арья-мунджушри-мула-калпа» и «Гухьясамаджа» (санскр. āryamañjuśrīmūlakalpa и guhyasamāja), датируемые 300-ми гг. н. э. Как можно судить по уже упомянутому каноническому тексту из состава Кангьюра, Манджушри имеет 108 имен и много форм, но обычно изображается в облике 16-летнего юноши, и в садханах всегда отмечается его непреходящая, вечная молодость. В своде «Садхана-мала» (санскр. sādhanamāla) содержится 41 садхана различных проявлений Манджушри, и трудно отнести его принадлежность какой-либо одной семье будд. Он может быть красного цвета, как проекция Амитабхи, или синего, как божества семейства Акшобхьи, но он может быть связан и с другими семьями. Главными атрибутами Манджушри являются меч и книга-*пуштака*, по которым его обычно узнают. Меч — это оружие неумолимого знания, отсекающего мрак неведения, а книга — кладезь знаний, учений и мудрости.

История культа

Манджушри в Махаяне и Ваджраяне весьма своеобразна. Существует гипотеза, что у него не индийские корни. Б. Бхаттачарья предположил его «человеческое» происхождение. Божество было введено в пантеон Нагарджуной, Арьядэвой, Ашвагхошей и другими известными учеными, которые сами стали признанными бодхисаттвами [Bhattacharya, 1958, p. 100–123]. В «Сваямбху пуране» (X в.) говорится, что он приехал в Непал из Китая, где он был великим святым и пребывал на горе Панчаширша (Утайшань, букв. Пять гор). Его почитали множество учеников, среди которых был сам Дхармакара, правитель страны. Однажды святой, услышав о чудесном самопроявлении Ади-Будды на озере Калидхара в Непале, отправился туда в сопровождении свиты учеников, чтобы поклониться божеству. Однако прибыв на место, он застал сильное наводнение, из-за которого божество на лотосе оказалось в центре озера, и к нему невозможно было приблизиться. Решив обойти озеро, он обнаружил гору, преграждающую путь. Тогда он высоко поднял свой меч, ударил им, и гора распалась на две части. Когда вода схлынула из озера, образовалась широкая долина, ныне известная как Катманду. Святой построил монастырь Манджупаттана (санскр. mañjupattana) на берегу озера, и своего ученика Дхармакару сделал правителем Непала. По возвращении домой он оставил свое смертное тело и стал божественным бодхисаттвой [Bhattacharya, 1958, p. 120–123].

Распространение культа Манджушри в Монголии, вероятно, имеет связь с усилением политической зависимости от Пекина. Современные монголы говорят, что изощренный ум китайского народа есть дар от Манджушри, покровителя данного этноса. Выражения «манж зан», «манж арга» — буквально маньчжурский характер, маньчжурский метод — означают хитроумное поведение, интриганство и обычно носят негативный оттенок. Идиома родилась в историческом противоборстве с маньчжурскими завоеваниями огромной территории Центральной Азии, включая Китай и Монголию. Несмотря на дружественные и порой родственные связи, монгольские и тунгусо-маньчжурские племена периодически соперничали за власть. После падения монгольской империи Юань (1271–1368) и временного усиления китайской

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

династии Мин (1368–1644) военный альянс чжурчженьских кочевников создает в 1616 г. «Золотое государство», переросшее в мощную империю маньчжурских правителей Цин (1636–1912).

Все маньчжурские правители, начиная от основателя государства Нурхаци (1616–1626), считали себя земным воплощением божества Манджушри. Надо сказать, к их чести, они уделяли большое внимание вопросам образования, культуры, искусства и распространения буддизма. Тот факт, что племена чжурчжэней сменили свой старый этноним, некоторые авторы связывают с именем божества Манджушри. Буддисты считают обителью Манджушри священную гору Утайшань на северо-востоке Китая, в 250 км от Пекина. Буряты включают гору Утайшань в состав 24 главных святых буддийских мест в мире. Таким образом, культ Манджушри в Центральной Азии занимает очень важное место на рубеже XVII–XVIII вв. и практикуется в различных формах и традициях (Белый Манджугоша в традиции Кашмирского пандиты, оранжевый Манджугоша в традиции Сакья, Манджугоша Еше Ёнтен традиции Самбу, Манджушри Дампа Сангье и др.) [*Deities of Tibetan Buddhism*…, 2000, no. 185–189].

Бодхисаттва Манджушри стоящий

Скульптура, латунь, литье, позолота, цветной пигмент.

Высота 58 см, диаметр постамента 20 см.

Инв. № 69.45.33. 73–686. Зарегистрирована в «Списке уникальных историко-культурных объектов Монголии» под № 162, постановление № 118 от 2002 г. Местонахождение: Музей изобразительных искусств им. Дзанабазара (монг. ЗДУМ)

Бодхисаттва стоит в позе *абханга* (санскр. abhanga), то есть без изгиба, с опорой на одну, правую ногу и чуть согнутым левым коленом, при этом ступни сохраняют ровное, параллельное положение. Кисти рук, удерживающие большими и указательными пальцами стебли лотосов с атрибутами, расположены на уровне груди, правая рука обращена ладонью от себя, левая на себя. Он украшен всеми восемью украшениями бодхисаттв: пятичастная диадема на голове, крупные, свисающие на плечи серьги в ушах, браслеты на предплечьях, запястьях и щиколотках, ожерелье с подвесками, покрывающими грудь, длинные бусы, поясное украшение с ниспадающими гирляндами. Есть также жемчужный шнур, перекинутый через левое плечо и низко свисающий спереди, это длинное ожерелье символизирует пояс йогина. Длинная юбка-*антаравасака* (санскр. antaravasaka, тиб. mthang gos / sham thab, монг. шамтаб) почти достигает щиколоток, украшена гравированным узором, состоящим из простых колец и завитков. Тонкая накидка, задрапированная в складки, лежит на плечах и свисает лентами по рукам и бедрам, создавая плоские фалды по бокам. Синие волосы убраны на ушнише в высокий узел, украшенный драгоценностью, две пряди свисают по плечам. Голова крупная, черты лица крупные, меж бровей находится большая рельефная урна. Взгляд направлен вперед, на кончик носа. Нос высокий, с характерной горбинкой, губы маленькие. Лотосы, расположенные на уровне плеч, служат постаментами для атрибутов: справа короткий граненый стержень, обозна-

чающий лезвие меча, слева прямоугольный кирпичик, обозначающий книгу. Длина и форма меча и сутры весьма условны, возможно, атрибуты изготавливались без участия Дзанабазара, либо были восстановлены позже. Все элементы декора состоят из бусин, и плавных завитков, традиционных для монгольской изобразительности. Кисти рук и ступни маленькие, пухлые, словно детские.

Постамент круглый, полусферический, сделан в форме бутона лотоса с фестончатыми лепестками и пучками тычинок, на донной части имеет узкий поясок с нисходящими лепестками. Скульптура изготовлена по модели Дзанабазара его учениками. Публиковалась ранее, но описывается впервые [Цултэм, 1989, с. 83; *Өндөр Гэгээн Занабазар*, 1995, с. 105–106, ил. 50а-с; *Монгол музейн шилдэг*…, 2014, с. 184; и др.].

Рис. 1а. Скульптура Манджушри. Бронза, литье, золочение, цветной пигмент. Размеры 58,0 × 20,0 см. Вид спереди. ЗДУМ, Улан-Батор. Инв. № 69.45.33. 73-686

Fig. 1a. Sculpture of Manjushri. Bronze, casting, gilding, coloured pigment. Dimensions 58.0 × 20.0 cm. Front view. ZDUM, Ulaanbaatar. Call mark: 69.45.33. 73-686

Рис. 1б. Скульптура Манджушри. ЗДУМ, Улан-Батор. Инв.№ 69.45.33. 73-686. Вид сзади

Fig. 1b. Sculpture of Manjushri. ZDUM, Ulaanbaatar Call mark: 69.45.33. 73-686. Back view

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Манджушри сидящий, ЗДУМ

Латунь, литье, золочение, цветной пигмент. XVIII в.

Размеры: 21,2 × 13,0 × 8,7 см. Вес: 1715 г.

Местонахождение: Музей изобразительных искусств им. Дзанабазара (ЗДУМ). Инв. № 70.53.02

Манджушри изображен сидящим в ваджрапарьянка асане (санскр. vajraparyaṅkāsana, vajrasana; тиб. rdo rje ʻi skyil krung) — ноги скрещены, ступни лежат на бедрах подошвами вверх, с прямой спиной, правая рука у колена удерживает стебель лотоса с раскрытым бутоном, на котором расположен меч, левая — на уровне сердца, удерживает стебель лотоса с еще нераскрывшимся бутоном, на нем атрибут-книга, символ Сутры Праджняпарамиты (рис. 2а–б). Пьедестал — сдвоенные лотосы, перетянутые посередине, ряды его двойных лепестков расположены асимметрично друг другу. Атрибуты, короткий меч и кирпичик книги, изображены довольно условно, так же как у скульптуры стоящего Манджушри, описанного выше.

Рис. 2а. Манджушри сидящий. Латунь, литье, золочение, цветной пигмент. ЗДУМ, Инв. № 70.53.02. Улан-Батор, Монголия. Вид спереди

Fig. 2a. Manjushri seated. Brass, casting, gilding, coloured pigment. ZDUM, Call mark: 70.53.02. Ulaanbaatar, Mongolia. Front view

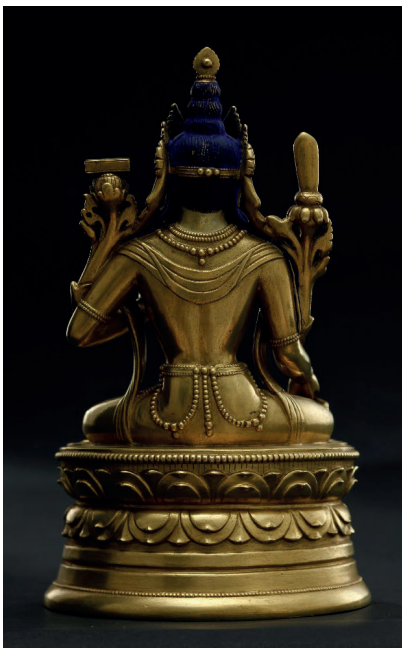

Рис. 2б. Манджушри сидящий. Латунь, литье, золочение, цветной пигмент. ЗДУМ, Инв. № 70.53.02. Улан-Батор, Монголия. Вид сзади

Fig. 2b. Manjushri seated. Brass, casting, gilding, coloured pigment. ZDUM, Call mark: 70.53.02. Ulaanbaatar, Mongolia. Back view

Тангка Арабачана Манджугоши

Холст 44 × 30 см. Минеральный пигмент.

Обрамление из шелка с выбитым растительным орнаментом.

Конец XVII в. Коллекция А. Алтангэрэла, Улан-Батор.

Это одна из ранних работ Дзанабазара, рука мастера узнаваема по характерной чистоте линий, изящной лаконичности, ясности лика божества, смелости цветового решения и свободе выбора культовой традиции. Бодхисаттва изображен в традиции школы Сакья, которая была принята монгольской аристократией в период Великого монгольского государства — империи Юань XIII–XIV вв. Осколочные фрагменты данной традиции продолжали присутствовать у монголов и в последующие столетия. Дзанабазара связывало с сакьяскими ритуалами не только родственное наследие, через правителей Чингисова рода, но и перекрестные духовные линии. Дело в том, что традиция Джонанг, главой которой был предыдущий Джебзундамба, тибетский ученый Таранатха (1575–1634), считается ответвлением традиции Сакья.

Рис. 3. Тангка Манджушри. Холст 44 × 30 см. Минеральный пигмент. Дзанабазар (1635–1723). Коллекция А. Алтангэрэла, Улан-Батор

Fig. 3. Thangka Manjushri. Canvas 44 × 30 cm. Mineral pigment. Zanabazar (1635–1723). Collection of A. Altangerel, Ulaanbaatar

Манджушри, изображенный на *тангка*, сидит в ваджрной позе (санкр. vajraparyaṅkāsana), у него тело золотисто-оранжевого цвета, одна голова и две руки. Правой рукой он держит высоко поднятый, лазурный меч, левая рука в жесте проповеди (санкр. vitarkamudrā) держит стебель белого лотоса (рис. 3), на котором находится книга Праджняпарамита Сутра. Диадема на его голове состоит из пяти драгоценных лепестков, на центральном из них изображен Будда Акшобхья, родоначальник семейства Ваджра, к которому относится Манджушри. Высокая прическа с узлом (санскр. jaṭā-mukuṭa) обвита двумя ожерельями и увенчана драгоценным камнем; две боковые пряди волос ниспадают на спину. Нимб бледно-лиловый, ореол кирпично-красного цвета с золотыми волнами лучей, исходящими от тела божества. Ладони и подошвы окрашены в цвет охры, на подошвах можно увидеть крошечные знаки золотой *дхармачакры*. Желтая юбка-*антаравасака* подпоясана синим кушаком с изумрудно-зеленой

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

подкладкой. На плечи наброшен длинный, двусторонний, сиренево-зеленый шарф. Лепестки лотосового трона волнистые, окрашены в разные цвета: синий, зеленый, коричневый и черный.

Фон *тангка* создается зеленым пейзажем с треугольными горками с деревьями. Деревья изображены очень реалистично, а вершины гор напоминают силуэты монгольских юрт. Небо смело и необычно окрашено в черный цвет (при том, что танкописцы традиционно не используют черную краску), оно разрежено яркими белыми облаками, которые выглядят словно зубчатые холмы. Слева видна круглая желтоватая луна, справа красное лучезарное солнце. В нижней части на переднем плане тангка изображен набор *панчака-магуна* (санскр. pancakamaguna, тиб. ʻdod yon sna lnga, Пять подношений пяти чувствам): музыкальный инструмент, круглое зеркало, фрукты, белая раковина с ароматом, красный и желтый шелка — все уложено в голубую монгольскую чашу. Художник остроумно расположил ее на ландшафте меж гор, так, что чаша одновременно формирует символ изначального океана.

Композиция танка очень лаконична. Контуры изображений тонкие и очень чистые. Смелое цветовое решение, фокус с чашей-океаном, говорят о нестандартном, ироничном авторском видении мира. Божество мудрости апеллирует к разуму, это диктует преобладание холодных тонов, синий меч знания разрезает черноту ночного неба, уравновешенную белым цветом геометрически правильных облачных полос. Все это выдает художника самобытного, чрезвычайно самостоятельного и уверенного в себе, смелого и свободомыслящего. Пропорциональность конституции божества, его монгольская антропология, точность и тонкость рисунка, специфические особенности изображения рук, лотоса, одухотворенная чистота лица соответствуют творческой манере Дзанабазара.

Манджушри в Музее Эрдэнэ-дзу

Инв. № 65.513. Бронза, литье, позолота, цветной пигмент.

Размеры: 27,7 × 17,0 × 19,0 см. XVII–XVIII вв. Местонахождение: Музей Эрдэнэ-дзу, г. Хархорин, Монголия.

Бодхисаттва Манджушри изображен в облике стройного, юного принца, сидящего в ваджрной позе (санскр. vajraparyaṅkāsana). Его стан слегка изогнут в талии и склонён влево для равновесия, в правой руке он высоко поднял над головой большой меч, и острие меча заходит сзади за драгоценность на *ушнише* (рис. 4). Жест удержания атрибута *харина-мудра* правой руки напоминает жест изгнания, *карана-мудру*, — это подчеркивает силу всеведения в борьбе с невежеством. Кстати, в тексте «Манджушри-намасамгити» среди перечисленных имен эманаций божества есть имя Праматха (тиб. ʻJoms byed) — «Мучитель». Левая рука в жесте проповеди (санскр. vitarkamudrā) держит стебель белого лотоса, на котором находится книга Праджняпарамита сутра. Диадема на голове состоит из пяти драгоценностей, за ушами с нее свисают шелковые ленты, на висках крепятся 5-лепестковыми цветочными венчиками. Высокая прическа-*джата* с узлом волос на макушке обвита двумя ожерельями и увенчана драгоценным камнем *чинтамани*, исполняющим желания. Локоны спускаются по предплечьям почти до уровня локтей, и часть волос

Рис. 4. Бронза, литье, позолота, цветной пигмент. 27,7 × 17 × 19 см. XVII–XVIII век. Музей Эрдэнэ-дзу, г. Хархорин, Монголия

Fig. 4. Bronze, casting, gilding, color pigment. 27.7 × 17 × 19 cm. 17th–18th century. Erdene-zu Museum, Kharkhorin, Mongolia

ниспадает по спине. Нагрудное ожерелье составлено из лепестков разной формы и образует треугольную защиту груди. Браслеты на запястьях, предплечьях и лодыжках составлены из круглых драгоценностей. Длинное ожерелье из бусин свисает почти до пояса. Края дхоти или юбки-*антаравасаки* украшены гравировкой с простыми цветочными розетками. На бедрах пояс со свисающими гирляндами, бусины которых отчетливо объемны и округлы. Постамент высокий, полукруглый, со сдвоенным и перетянутым посередине лотосом, их сдвоенные лепестки в форме чешуек кедровой шишки (монг. самар дэлбэ) расположены в шахматном порядке.

Нестандартно решена верхняя накидка-*уттарасанга* (санскр. uttārasanga, тиб. bla gos, монг. орхимж) — она образует петли на предплечьях, и концы ее спускаются на постамент. Дополнительное ожерелье, или пояс йогина, обычно присутствующий в произведениях Дзанабазара у тантрических мирных божеств высшего ранга, в данной скульптуре отсутствует. Это указывает на более позднюю датировку работы, предположительно вторая половина XVIII в.

Скульптуры Манджушри из частных собраний

Аналогичная скульптура школы Дзанабазара есть в частной коллекции в Монголии у А. Алтангэрэла (рис. 5). Она несколько меньше размером, и на ней по-другому исполнены украшения. Бронза, литье, позолота, пигмент. Высота 21 см, ширина 13,5 см. XVII–XVIII вв., Монголия. У скульптуры сохранена сокровищница-шунг, или освященные вложения в полости скульптуры (тиб. gzungs gzhigs). Гравированная печать на крышке дна в виде *нацагдоржа* покрыта позолотой.

Скульптура покрыта горячей позолотой замечательно теплого, желтого оттенка. Брови и глаза подчеркнуты пигментом черного и белого, губы красного, волосы черного цвета. Своеобразно изображено, как он держит меч: указательный палец и мизинец, вытянуты наподобие рогов быка, что отсылает к жесту угрозы изгнания (санскр. karana). Образ Воина Света поддерживает имитация боевой пелерины, защищающей его грудь и плечи. Спереди это веер-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Рис. 5. Скульптура Манджушри. Бронза, литье, позолота, пигмент. 21 × 13,5 см. XVII–XVIII век. Коллекция А. Алтангэрэла. Улан-Батор, Монголия.

Fig. 5. Sculpture of Manjushri. Bronze, casting, gilding, pigment. 21 × 13.5 cm. 17th –18th century. Collection of A. Altangerel. Ulaanbaatar, Mongolia

Рис. 6. Скульптура Манджушри. Бронза, литье, позолота, пигмент. Высота 11 см. XVIII век. Коллекция С. Гансуха. Улан-Батор, Монголия. Фото автора

Fig. 6. Sculpture of Manjushri. Bronze, casting, gilding, pigment. Height 11 cm. 18th century. Collection of S. Hansukh. Ulaanbaatar, Mongolia. Photo of the author

ное ожерелье из крупных бусин, а сзади драпировка шелкового шарфа, уложенного наподобие пелерины, а жест правой руки также напоминает жест изгнания и угрозы. Этот прием неоднократно применялся мастером в других его работах [Syrtypova, 2019, p. 249–253].

Еще один аналог в Монголии есть в частной коллекции С. Гансуха, владельца крупной антикварной галереи искусств в Улан-Баторе (рис. 6). Небольшая скульптура золоченой бронзы высотой 11 см носит признаки стиля Дзанабазара XVIII в. и, несомненно, должна быть включена в список наследия мастера, хотя исполнена она без особенных изысков. Отличается круглым постаментом, повторяющим форму цветка лотоса с крупными двойными лепестками, который опоясан обручем в донной части. Относительно скромные украшения бодхисаттвы ограничиваются круглыми элементами-бусинами, диадема имеет сглаженный абрис, приближенный по форме к монгольской национальной шапочке.

Две очень сходные между собой скульптуры Манджушри Арапачаны моделировки Дзанбазара находятся в Пекине: одна в Столичном музее (рис. 7), вторая — в Императорском музее (рис. 8). У них сходные постаменты двойного лотоса с асимметричными сдвоенными лепестками, перетянутые посередине, полукруглые в горизонтальном сечении. Различаются формой украшений и драпировкой накидки-*уттарасанги*, собранной в виде ленты, струящейся по плечам и ногам.

Аналог Манджушри Арапачана есть в коллекции Музея искусств народов Востока в Москве (ГМИНВ), бронзовая, золоченая скульптура средних размеров находится на постоянной экспозиции (рис. 9). Экземпляр похож на скульптуры из пекинских коллекций, но отличается формой украшений. Сдвоенные лепестки на полукруглом лотосовом постаменте расположены симметрично и так же перетянуты посередине.

Рис. 7. Скульптура Манджушри. Бронза, литье, золочение. XVIII в. Столичный музей в Пекине, КНР

Fig. 7. Sculpture of Manjushri. Bronze, casting, gilding. 18th century. Capital Museum in Beijing, China

Рис. 8. Скульптура Манджушри. Бронза, литье, золочение. XVIII в. Императорский музей в Пекине, КНР [Himalayan Art Resources, item no. 5588]

Fig. 8. Sculpture of Manjushri. Bronze, casting, gilding. 18th century. Imperial Museum in Beijing, China [Himalayan Art Resources, item no. 5588]

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Выводы

Образ Бодхисаттвы Манджушри есть проявление культа знаний, символом чего выступает Сутра Праджняпарамита, а также всепроникающей мудрости, символом которой выступает меч, рассеивающий тьму невежества. Выявленные автором экземпляры культового образа божества мудрости исполнены в едином стиле, характерном для творчества Дзанабазара. Фигуры атлетического сложения пропорциональны, имеют специфические черты с маленькими, изящными кистями, полными предплечьями, точеными ликами и правильными чертами лица. Как у всех произведений Дзанабазара и работ, выполненных его учениками по моделям учителя, описанные образы имеют чистые, замкнутые контуры, скругленные формы, хорошо полированные поверхности, гладкие детали, они лаконичны, но очень выразительны и полны внутреннего динамизма.

Рис. 9. Скульптура Манджушри. Бронза, литье, золочение. ГМИНВ, Москва. Фото автора

Fig. 9. Sculpture of Manjushri. Bronze, casting, gilding. GMINV, Moscow. Photo of the author

Список литературы / References

1. *Монгол музейн шилдэг узмэрийн дээж* (*Шедевры монгольских музеев*). Т. I–III. Улаанбаатар: [б. и.]; 2014 [Өндөр Gegeen Zanabazar. Gen ed. by J. Choinhor. Ulaanbaatar [w. p.], 1995 (in Mongolian).
2. Сыртыпова С.-Х. Д. Татхагата будды Дзанабазара (Ратнасамбхава, Амитабха, Амогхасиддхи, Вайрочана). *Ориенталистика*. 2019;2(3):591–612. [Syrtypova S.-Kh. D. Tathagata Buddhas by the artist Zanabazar (1635–1723): Ratnasambhava, Amitabha, Amoghasiddhi, Vairochana. *Orientalistica*. 2019;2(3):591–612 (in Russian)].
3. Сыртыпова С.-Х. Д. *Жизнь и творчество Г. Дзанабазара (1635–1723): вербальные и визуальные источники исследования*. М.: ИВ РАН, 2021. [Syrtypova S.-Kh. D. *Life and work of G. Zanabazar (1635–1723): verbal and visual sources of research*. Moscow: IOS RAS, 2021 (in Russian)]
4. Цултэм Н. *Скульптура Монголии*. Улан-Батор: Госиздательство, 1989. [Tsultem N. *Sculpture of Mongolia*. Ulan-Bator: State Publishing House, 1989 (in Russian)].

5. *Өндөр Гэгээн Занабазар*. Ер. эрхлэгч Ж. Чойнхор. Улаанбаатар: [б. и.], 1995 [*Ondor Gegen Zanabazar*. Gen. ed. by J. Chowder. Ulaanbaatar: [w. p.], 1995 (in Mongolian).
6. *Өндөр Гэгээний намтар оршвой.* Д. Дашбадрах орчуулсан. Улаанбаатар: [б. и.], 1995 [The biography of Undur gegen. Transl. by Dashbadrah. Ulaanbaatar, 1995 [The biography of Ondor Gegeen. Translated by Dashbadrah. Ulaanbaatar: [w. p.], 1995 (in Mongolian).
7. Bhattacharya B. *The Indian Buddhist Iconography. Mainly based on The Sadhanamala and Cognate Tantric Texts of Rituals*. (2nd ed.). Calcutta: Firma K. L. Mukhopadhyay, 1958.
8. *Deities of Tibetan Buddhism. The Zurich Painting of the Icons Worthwhile to See.* Ed. by M. Willson & M. Brauen; Transl. by M. Willson. Boston: Wisdom publication; 2000.
9. *Himalayan Art Resources.* — Электронный ресурс: URL: https://www.himalayanart.org/items/ (accessed: 13.03.2023).
10. Syrtypova S.-Kh. *Zanabazar's style in Buddhist Art. Using the examples from collection of A. Altangerel.* Ulaanbaatar: Admon XXK, 2019.

Информация об авторе

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, ssyrtypova@ivran.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 14.01.2023; одобрена рецензентами 26.02.2023; принята к публикации 28.02.2023; опубликована 30.03.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Surun-Khanda D. Syrtypova — Dr. Sci. (Hist.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ssyrtypova@ivran.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 14.01.2023; approved after reviewing 26.02.2023; accepted for publication 28.02.2023; published 30.03.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья Исторические науки
УДК 94(470.6) 6179+94.05
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-087-096

«Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов. Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе

Игорь Владимирович Курукин
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, kurukin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4598-5793

Аннотация. В статье на основании архивных документов рассматриваются миссии российского консула в Иране Семена Аврамова. Бывший крепостной попал в Иран в 1717 г. как переводчик посла Артемия Волынского. Он показал себя умелым дипломатом, был назначен консулом и в течение нескольких лет выполнял задания Петра I, его преемников и командующего российскими войсками в Иране генерала В. Я. Левашова. Аврамов сопровождал персидских посланников в Россию, добывал информацию о ресурсах и торговле прикаспийских провинций Ирана, вел переговоры с правителями страны и в течение нескольких лет стремился ратифицировать Петербургский договор 1723 г., по которому Иран в обмен на военную помощь уступал России северные провинции.

Ключевые слова: Петр I, Персидский поход 1722–1723, Иран, Семен Аврамов, шах Тахмасп II, Надир

Для цитирования: Курукин И.В. «Ориентальных дел секретарь» Семен Аврамов. Дипломат Петра I в Иране и на Кавказе. *Ориенталистика.* 2023;6(1):87–96. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-087-096.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Курукин И.В., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-087-096

“Oriental affairs secretary” Semyon Avramov. Diplomat Of Peter I in Iran and the Caucasus

Igor V. Kurukin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kurukin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-4598-5793

Abstract. The article examines the missions of the Russian consul in Iran, Semyon Avramov, based on archival documents. The former serf came to Iran in 1717 as a translator of the Ambassador Artemy Volynsky. He proved himself a skilled diplomat, was appointed consul and for several years carried out the tasks of Peter I, his successors and the commander of the Russian troops in Iran, General V.Ya. Levashov. Avramov accompanied Persian envoys to Russia, obtained information about the resources and trade of the Caspian provinces of Iran, negotiated with the rulers of the country and for several years sought to ratify the St. Petersburg Treaty of 1723, according to which Iran ceded the northern provinces to Russia in exchange for military assistance.

Keywords: Peter I, the Persian Campaign of 1722–1723, Iran, Semyon Avramov, Shah Tahmasp II, Nadir

For citation: Kurukin I.V. «Oriental affairs secretary» Semyon Avramov. Diplomat Of Peter I in Iran and the Caucasus. *Orientalistica*. 2023;1(6):87–96. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-087-096 (In Russian).

Результатом Низового, или Персидского, похода Петра I и десантных операций армии и флота в 1722–1723 гг. стало присоединение к империи равнинного Дагестана, прибрежных земель Азербайджана и северных провинций Ирана — Гиляна, Мазандерана и Астрабада. В обмен на эту уступку Петр обещал шаху Тахмаспу помощь в борьбе с турками и афганцами. Тахмасп в итоге так и не признал «союзный» пакт; зато на раздел Ирана согласился турецкий султан, чьи войска вторглись в западные провинции ослабевшего соседа. В июне 1724 г. стороны договорились, и турки признали переход в российское владение Дербента, Баку и южного берега Каспия.

Формально боевые действия завершились. Освоение «новоприсоединенных провинций» стало первым имперским проектом организации управления и эксплуатации «заморских» владений, отличавшихся от метрополии природными условиями, социально-политическим устройством и образом жизни обитателей. Эту задачу предстояло выполнить российскому Низовому корпусу, насчитывавшему за время своего существования от 20 до 30 тысяч человек, и немногочисленной военной и гражданской администрации.

Короткие военные походы более или менее подробно освещены в литературе [Соловьев, 1868; Комаров, 1867; Мельгунов, 1874; Лысцов, 1951; Курукин, 2015]. Однако конкретный опыт управленческой и дипломатической

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Kurukin I. V., 2023
© Orientalistica, 2023

деятельности на Востоке только начинает изучаться; в частности, отмечается ценность информации Аврамова о внутреннем состоянии охваченного войнами и усобицами Ирана [Миклухо-Маклай, 1952]. Целью нашей статьи является изучение деятельности активного участника этих событий — российского консула Семена Аврамова на основании впервые вводимых в научный оборот документов императорского Кабинета и Коллегии иностранных дел из Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Архива внешней политики Российской империи МИД РФ (АВП РИ). Данная работа показывает, как масштабные задачи, поставленные в ходе преобразований Петра I, выдвигали новых людей, способных их решать.

Северная война еще шла, когда русский царь замыслил проложить торговый путь в Индию через степи и пустыни Средней Азии. Однако поход отряда гвардейского капитана А. Черкасского в Хиву в 1717 г. закончился провалом. Другой путь к богатствам Востока шел через Иран, куда в 1716 г. был отправлен послом 26-летний подполковник Артемий Волынский, чьей официальной целью было заключение торгового договора, а неофициальной — разведка будущего театра военных действий.

Переводчик посла оказался «дурак и пьяница», но в Астрахани Волынскому подвернулся двадцатилетний крепостной астраханского коменданта М. И. Чирикова Семен Аврамов, «зело искусен здешнево языка и по-русски читать и писать может без нужды, также и с природы ума изряднова» [Бушев, 1978, с. 30–31]. Дипломат увез Семена в Персию и тем самым круто изменил его жизнь. Посольству довелось испытать трудности странствований по Востоку: довольствоваться солоноватой водой из колодцев, преодолевать нераспорядительность местных властей, бороться с лихорадкой, ставить караулы от разбойников; торговаться с местными жителями, не желавшими пускать караван в свои деревни. Зимовать пришлось в Тебризе; далее путь лежал через Ардебиль, Зенджан, священный город шиитов Кум и завершился весной 1717 г. в столице Ирана Исфахане.

На переговорах Семен проявил себя наилучшим образом: оказался наблюдательным, коммуникабельным, хорошо знал персидский язык и умел добывать нужную информацию. Заключенный Волынским договор, разрешивший деятельность русских консулов в Иране, открыл дипломатическую карьеру Аврамова: у посла не нашлось лучшей кандидатуры на пост российского представителя при дворе шаха Султана Хусейна. При отъезде на родину в сентябре 1717 г. Волынский оставил Семена в иранской столице.

В задачи Аврамова входили сбор относящихся к торговле сведений и опека купцов. Но он понимал свою миссию более широко и информировал царя об ухудшавшемся положении страны: о взятии афганцами провинции Герат, о нападениях узбеков, о пустой казне; рассказывал и о событиях во дворце — как поиздержавшийся шах обдирал золото и серебро «з дедушковых и з бабушкиных гробов» и как во время «затмения месяца» придворные посадили шаха на трон и махали над его головой мешками с деньгами, чтобы отвести беду.

В начале 1718 г. он вместе с оставшимися членами посольства вернулся в Россию. Однако нацелившийся на Восток Петр I вновь отправил Аврамова консулом в Исфахан, а капитана Алексея Баскакова — в Шемаху. Последнему

добраться до места назначения не удалось — город был захвачен восставшими против шаха горцами, а находившиеся там русские купцы ограблены. Аврамов же в октябре 1721 г. прибыл на южный берег Каспия, в провинцию Гилян, а в начале следующего года отправился оттуда в Казвин. Его бывший начальник, а в тот момент астраханский губернатор Волынский подталкивал царя к походу в Иран: «…невеликих войск сия война требует, ибо ваше величество уже изволите и сами видеть, что не люди — скоты воюют и разоряют». Волынский подсчитал, что для покорения страны нужны всего десять пехотных и четыре кавалерийских полка вместе с тремя тысячами «нарочитых казаков» — «толко б были справная амуниция и доволное число провиянта» [РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 645–646 об.].

Подготовка нового похода началась сразу же после Ништадтского мира (1721), оформившего победу России в Северной войне. 19 июня 1722 г. царь уже прибыл с войсками и флотом в Астрахань. Здесь он дал бывшему крепостному, а ныне консулу, Аврамову инструкцию: тот должен был объяснить шаху, что русское войско идет «не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Петр предлагал соседу помощь в изгнании «всех их неприятелей… ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутца и сего предложения не примут, то турки не оставят всею Персиею завладеть, что нам противно» [*РГАДА*, ф. 9, отд. I, № 30, л. 151–152].

Аврамов получил царские указания только 18 августа. Но попасть в осажденный афганцами Исфахан было невозможно. На полпути Аврамов узнал о крушении персидской монархии под натиском воинственных соседей во главе с удачливым вождем Мир Махмудом. Донесения консула рисовали картину разложения шахской армии и давали неутешительный прогноз: «Персидское государство вконец разоряется и пропадает» [РГАДА. Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 661–662]. 12 октября 1722 г. султан Хусейн приехал в лагерь противника и вручил ему корону со словами: «Отдаю тебе свой престол и царство».

Третий сын шаха, Тахмасп, бежал из осажденного Исфахана и обосновался в Казвине. Туда и поспешил Аврамов. 21 августа 1722 г. он передал шах-заде предложение императора о союзе, но умолчал об уступке провинций, поскольку видел, что восемнадцатилетний принц «молод и ни х каким делам не заобыкновен», а его окружение исполнено «замерзелой спеси и гордости». Но русский консул все же сумел уговорить юношу отправить в Петербург посла Измаил-бека для заключения договора [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1722 г., № 2, л. 2–5, 6–12].

Тахмасп провозгласил себя шахом. Но у нового правителя не было ни денег, ни армии, а потому при приближении афганского войска он, бросив «пожитки», бежал в Тебриз, а потом в Ардебиль. Консул же двинулся в прикаспийский Гилян, где в декабре 1722 г. высадился отряд полковника Никиты Шипова. Визирь Мамед Али-бек поначалу не разрешил русским занять столицу провинции город Решт. Солдаты и офицеры терпели «великие дожди и грязи» в поле. Подоспевший Аврамов уговорил визиря, и отряд Шипова вступил в город без боя «при игрании музыки».

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

В феврале 1723 г. в Решт прибыл Измаил-бек. Но в это время Тахмасп узнал о занятии русскими Дербента и послал курьера в Решт — вернуть посла и отменить обращение к Петру I за помощью. Консул вновь спас положение: перехватил шахского гонца в одной из деревень на пути в Решт и усердно его угощал, в то время как Шипов пригласил посла на корабль и приказал не подпускать к борту персидские лодки. Таким образом, ничего не подозревавший Измаил-бек отбыл в Россию под надзором Аврамова. Пока посольский обоз тащился по российским просторам, консул явился в столицу и в мае 1723 г. доложил о положении дел в Иране.

Император требовал от своих военных не только побед. Его интересовали гилянский шелк, бакинская нефть, фрукты, шафран, корабельное дерево, сахар, цветные металлы. Он рассчитывал на огромный доход от транзитной торговли шелком и пряностями. А в устье Куры Петр собирался построить новый Петербург, «в котором бы торги грузинцев, армян, персиян… соединялись».

Консул привез образцы персидских товаров — «анкарек (анкерок — бочонок для пресной воды. — *И. К.*) гилянскова чесноку в уксусе и горшечик мазандронского сахару» — и пожаловался на военных, не учитывавших интересы бизнеса. 7 июня 1723 г. в специальной записке он сообщил начальству: Шипов не умеет «ласково» обходиться с персиянами. «Кофе и чаю не пил и к нам в гости не ездит», — жаловался визирь, который к Шипову приезжал не раз, но ответного визита не дождался. Аврамов убеждал местных купцов в выгоде торговли с русскими, а командир не понимал, как важно направить поток товаров из Ирана на Россию: «Этот де интерес невелик», — и не желал грузить персидские товары на российские военные корабли, хотя они порожняком возвращались в Астрахань. В результате торговцы по-прежнему отправляли товары через «турецкую землю» в средиземноморские порты [*РГАДА*, ф. 9, отд. II, № 62, л. 142–144 об.]. В этом же документе Аврамов описал основные статьи персидского экспорта (рис, шелк и ткани — парчи, «кановаты», «объяри», «бохчи»); по его данным, сборы от гилянского торга составляли 130–140 тысяч рублей.

12 сентября 1723 г. Измаил-бек подписал в Петербурге договор. Аврамов получил в награду чин коллежского секретаря. Таким образом, «подлый мужик» стал личным дворянином и чиновником X класса по Табели о рангах. Вместе с унтер-лейтенантом флота Борисом Мещерским он поскакал на юг — добиваться от шаха ратификации договора. По дороге из Решта в Ардебиль весной 1724 г. посольскому конвою пришлось отбить нападение отряда разбойников, подосланных рештским визирем. Тахмасп II принял царский подарок — золотой кальян и называл Петра I «дядей». Однако расчет на уступчивость шаха-изгнанника не оправдался. Его министры утверждали, что Измаил-бек не имел полномочий на заключение договора, и «отреклись» от ратификации. Ничего не добившись, 24 мая посланцы двинулись обратно. Едва они отъехали от города, как на них напали: «…человек с 40 или болше ширванцов конных наскакали и кричали, чтоб они без мучения головы дали себе отсечь». Дипломаты и их охрана четыре часа отстреливались и в конце концов пробились, хотя на горной дороге в них не только стреляли, но и «с гор каменья великие пущали» [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1724 г., № 4, л. 197, 206–207].

Сменившая Петра на троне Екатерина I повелела на Востоке «с вящщей силою действовать». 5 ноября 1725 г. ее министры предписали «ориентальных дел секретарю» Аврамову вновь ехать к Тахмаспу, чтобы добиться ратификации договора. В случае отказа он должен был заявить шаху-изгнаннику: империя может подумать «об уставлении другого правительства в Персии». Аврамову была вручена грамота с «дружеским требованием» признать договор 1723 г. и соглашение России и Турции о разделе иранских владений в Закавказье 1724 г. и выплачено задержанное за два года жалованье — 577 рублей 15 копеек [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1725 г., № 16, л. 20–24 об.].

Он вновь отправился в путешествие по дорогам охваченного войной Ирана. И вновь ответа на российские предложения не последовало. Из Гиляна Абрамов сообщал вице-канцлеру А. И. Остерману, что на деле овладеть уступленными провинциями не так легко — новые российские подданные не желают признавать себя таковыми: «В Гиляне бунты не утихают, хотя и ведают, что со все стороны неприятель есть, и мочи их к обороне уже нет, и Бог у них правое рассуждение отнел» [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1725 г., № 10, л. 1–1 об.].

Почти три года — с мая 1726 г. по январь 1729 г. — Аврамов провел в ставке шаха. В своей «дневной записке» он рассказал о борьбе вельмож за власть при слабом монархе. Консул видел, что персидского государя держали «как пленника»: «…грамоты из рук у меня вырвали и положили подле шаха, говорить мне много не допустили». Он же рассказал о возвышении выходца из туркменского племени афшаров Надира — полевого командира, а впоследствии грозного шаха Ирана. Тогда он только начинал подъем к политической вершине, даже принял имя Тахмасп Кули-хан — «раб Тахмаспа», но постепенно отстранял от власти безвольного пьяницу шаха, предпочитавшего делам развлечения «с музыкантами и блядями».

Тахмасп называл консула «мой Семен» и назначил поставщиком ко двору горячительных напитков — не только вина, но и водки. В его «дневной записке» встречаются замечания: «Приходили ко мне от шаха за водкою, с которыми отослана бутыль», «Опущены к шаху вотки три бутылки». По этой важной причине шах не желал отпускать российского посланника: «…был у меня мигмандар-баши, которому я говорил, зачем меня еще держат? Мигмандар-баши говорил: слышал де, что шах водки еще требует и как де еще водки изготовит, потом де отпущу». Когда Аврамов доставлял продукт, шах устраивал вечеринки: «приказал музыкантам играть на балалайке и сам в ладоши бил и других заставлял»; а «разговоры шах имел все блудные и про грех содомской». Спьяну Тахмасп говорил консулу: «От тебя де да от Измаил-бека мое государство пропало». Аврамов пробовал было его разубедить, но постичь его аргументы шаху было не под силу: «Полно де о деле говорить… — объявил он, — станем веселитца; приказал играть музыкам и сам чихирь подносил и закуску» [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1726 г., № 14, л. 21–22]. Между тем Надир успешно боролся с мятежниками и афганцами и считал уступки русским излишними. «…хто де таковы русские, и прикажи де мне, я де пошед всех их вырублю» заявил он в 1727 г. на военном совете у шаха, которого фактически держал под арестом.

Аврамов видел, что реальная власть все больше переходила в руки Надира — тот овладел Мешхедом с помощью изменника, подавил восстания

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

курдов и туркмен и считал уступки русским излишними. В январе 1727 г. грузинский князь, состоявший в свите Тахмаспа, рассказал Аврамову: «у шаха был консилиум о вашем деле, на что де Тахмас Кулы-хан сказал: хто де таковы русские, и прикажи де мне, я де пошед всех их вырублю».

В октябре 1727 г. шах устроил было бунт против незваного опекуна, но попытка едва не закончилась трагически для него самого: «…пришед с войском и немалою артиллерию, шахово войско разбил и самово шаха в полон взял, и шах ночью тайным образом, взявши рукомойник якобы для управления, убежал пеш с милю, и Тахмас де Кулы-хан вскоре хватился, пеш за шахом погнался один и как шаха нагнал, шах с великой печали едва сам себя ножом не убил, ежели бы не отнял. Потом де Тахмас Кулы-хан, взявши шаха, посадя на самую худую клячу, под крепким караулом послал в Машать, оставя при шахе двух малых хлопцов, а протчих… всех из Хорасанской губернии выгнал» [Миклухо-Маклай, с. 93, 101].

Но и в таких обстоятельствах консул не опускал руки. Летом 1728 г. он все же уговорил шаха утвердить договор 1723 г. Соответствующая грамота уже была послана к командующему Низовым корпусом В. Я. Левашову, но гонцы были задержаны Надиром в Астрабаде [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1726 г., № 14, л. 90 об., 107, 117]. Только в январе 1729 г. Аврамова наконец отпустили с иранским послом в Решт. От имени шаха он доставил Левашову «аки солнце сияющий халат»; в приложенном письме содержалась высокая оценка его деятельности «при стреме нашего высокощастия» [*Письма и указы государей… 1808,* с. 98–100]. Пока шел обмен любезностями, Надир выиграл два сражения с афганцами и вступил в столичный Исфахан.

Командующий понимал, что удержать занятые при Петре I провинции будет тяжело. Для установления добрых отношений к Надиру вновь отправился Аврамов с объявлением о воцарении Анны Иоанновны. Весной посланец перевалил хребет Эльбурс на севере Ирана с «великими горами и ущельями» и «не без малова страху» прибыл в лагерь Надира под Хамаданом.

На аудиенции фактический правитель Ирана начал беседу «велми зверообразно и сурово, яко фараон»: «Ежели вы друзья, почему вы Гилян не отдаете?» — ответ слушать не стал и пообещал, что его воины устроят русским побоище: «Кровью вашей реки пропущу!» Аврамова он обозвал «цыганом»-обманщиком и проявил непочтение к императрице («Хто де ваш государь? Жена! Что ее боятца?»), пригрозил взять Астрахань и даже Москву [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1730 г., № 14, л. 36–48], затем повелел послам убираться, а не «отговариваться»; на том аудиенция и закончилась.

Еще целый год Аврамов оставался при Надире, воевавшем с Турцией, и даже сумел побывать в турецком лагере у лукавых «союзников», которых, как и шаха, надо было заставить продолжать войну. Но поскольку российская императрица сама собиралась воевать с турками, пришлось идти на уступки Ирану — в январе 1732 г. по договору русские войска оставили Гилян.

Перед своим отъездом Левашов вновь направил Аврамова в Исфахан — присматривать за Надиром и «побуждать» его против турок. Посланец просил повысить его в чине и напоминал про свои многочисленные и опасные «службы» [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1732 г., № 5, л. 13–14]. Для выполнения миссии он

получил ранг «резидента», содержание в три тысячи рублей в год и еще тысячу рублей «на подъем» с непременными шкурками соболей для подарков и взяток.

Прибыв в Исфахан, Аврамов стал свидетелем падения династии Сефевидов. 21 августа 1732 г. Надир пригласил к себе шаха, а на следующее утро объявил, что тот есть «пьяница беспутной и никуды не годной», и продемонстрировал придворным и войску вдребезги пьяного Тахмаспа, которого сам же и напоил. На трон была поставлена колыбель, в которой лежал трехмесячный сын свергнутого шаха. Его Надир объявил новым шахом — Аббасом III, а себя — полномочным векилем-правителем [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1732 г., № 6, л. 186–186 об.]. Аврамов получил наказ в случае свержения шаха помочь ему «ретироваться к войскам ее императорского величества», но выполнить его не смог: бывшего шаха под конвоем отправили в Мешхед и ослепили.

Петербург же принял решение уйти из Ирана. Полномочный посол князь Сергей Дмитриевич Голицын, в январе 1734 г. прибывший в Баку, просил резидента любой ценой «удержать» Надира от мира с турками [*АВП РИ*, ф. 77, оп. 77/1, 1734 г., № 7, л. 22–22 об.]. Аврамов сделал что смог: при осаде турецкой Гянджи в войске Надира появились русский офицер-инженер и четыре бомбардира, переодетые в «кызылбашское платье», которые пушечными выстрелами подорвали пороховой погреб в крепости.

Резидент сообщал обо всем, что узнавал в ставке Надира: о боях с турками, об окружении полководца и его планах; он одним из первых отметил, что жестокость правителя заведет его в тупик: «…без всякого ума давит и грабит». Он же доставил к императрице персидского посла Хусейн-хана — и возвратился в Гилян как раз тогда, когда Голицын объявил об уступке всех петровских завоеваний в Прикаспии. Весной 1735 г. Левашов вынужден был сдать Баку и Дербент и эвакуировать Низовой корпус.

Это была последняя «служба» Семена Аврамова — в январе 1735 г. он скончался. Почти 20 лет он провел на Востоке — путешествовал по охваченным войной землям Ирана и Азербайджана, жил во дворцах и хижинах, вел тяжелые переговоры. Ему довелось беседовать с Петром Великим и двумя шахами Ирана, грозным афганским завоевателем Надиром, их министрами и придворными, сопровождать послов, распутывать интриги и отстреливаться от разбойников. Он понимал масштабные планы Петра I, опередившие свое время. Молодая империя еще не располагала возможностями для освоения заморских территорий. Но судьба Семена Аврамова достойна романа или приключенческого фильма. Руками таких деловых и энергичных людей строились колониальные империи Нового времени.

Сокращения / Abbreviations

АВП РИ — Архив внешней политики Российской империи. Москва.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов. Москва.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Список литературы / References

1. *Архив внешней политики Российской империи* (*АВП РИ*). Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. № 2. [*Archive of foreign policy of the Russian Empire*. F. 77. Op. 77/1. 1722. No. 2. (in Russian)].
2. *Архив внешней политики Российской империи* (*АВП РИ*). Ф. 77. Оп. 77/1. 1722 г. № 4. [*Archive of foreign policy of the Russian Empire*. F. 77. Op.77/1. 1722. No. 4 (in Russian)].
3. *Архив внешней политики Российской империи* (*АВП РИ*). Ф. 77. Оп. 77/1. 1725 г. № 16. [*Archive of foreign policy of the Russian Empire*. F. 77. Op.77/1. 1725. No. 16 (in Russian)].
4. *Архив внешней политики Российской империи* (*АВП РИ*). Ф. 77. Оп. 77/1. 1725 г. № 10. [*Archive of foreign policy of the Russian Empire*. F. 77. Op.77/1. 1725. No. 10 (in Russian)].
5. *Архив внешней политики Российской империи* (*АВП РИ*). Ф. 77. Оп. 77/1. 1726 г. № 14. [*Archive of foreign policy of the Russian Empire*. F. 77. Op.77/1. 1726. No. 14 (in Russian)].
6. Бушев П. П. *Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг. (по русским архивам)*. М.: Наука, 1978. [Bushev P. P. The Embassy of Artemy Volynsky to Iran in 1715–1718 (according to Russian archives). Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].
7. Комаров В. *Персидская война 1722–1725 гг.: (Материалы для истории царствования Петра Великого).* М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1867 [Komarov V. The Persian War of 1722–1725: (Materials for the history of the reign of Peter the Great). Moscow: Univ. tip. (Katkov and Co.), 1867 (in Russian)].
8. Курукин И. *В. На пути в Индию: Персидский поход 1722–1723 гг.* М.: Русские витязи, 2015. [Kurukin I. V. On the Way to India: The Persian Campaign of 1722–1723. Moscow: Russkie vityazi, 2015 (in Russian)].
9. Лысцов В. П. *Персидский поход Петра I: 1722–1723.* М.: Изд. МГУ, 1951. [Lystsov V. P. The Persian Campaign of Peter I: 1722–1723.. Moscow: Izd. MGU, 1951 (in Russian)].
10. Мельгунов Г. В. Поход Петра Великого в Персию. *Русский вестник.* 1874. № 3. С. 5–60. [Melgunov G. V. Peter the Great's Campaign in Persia. *Russkiy vestnik*. 1874. № 3, pp. 5–60 (in Russian)].
11. Миклухо-Маклай Н.Д. «Записки» С. Аврамова об Иране как исторический источник. *Ученые записки Ленинградского университета.* Вып. 128. Л.: ЛГУ, 1952. С. 88–103 [Miklukho-Maklay N.D. S. Avramov's "Notes" on Iran as a historical source. *Scientific notes of Leningrad University*. Issue 128. Leningrad: LGU, 1952, pp. 88–103 (in Russian)].
12. *Письма и указы государей: императора Петра Великого, императрицы Екатерины Первой, императора Петра Второго, императрицы Анны Иоанновны, императрицы Елизаветы Петровны и персидского шаха Тахмасиба к генерал-аншефу, сенатору и орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского кавалеру Василью Яковлевичу Левашову.* Москва: Тип. Платона екетова, 1808. [Letters and decrees of the sovereigns: Emperor Peter the Great, Empress Catherine the Great, Emperor Peter the Second, Empress Anna Ioannovna, Empress Elizabeth Petrovna and the Persian Shah

Tahmasib to the Chief General, Senator and Orders of St. Andrew the First-Called and St. Alexander Nevsky Cavalier Vasily Yakovlevich Levashov. Moscow: Printing house of Platon Beketov, 1808 (in Russian)].
13. *Российский государственный архив древних актов* (*РГАДА*). Ф. 9. Отд. I. № 30. [Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9. Otd. I. No. 30 (in Russian)].
14. *Российский Государственный архив древних актов.* (*РГАДА*). Ф. 9. Отд. II. № 54. Л. 645–646 об. [Russian State Archive of Ancient Acts. F. 9. Otd. II. No. 54. L. 645–646 ob. (in Russian)].
15. *Российский Государственный архив древних актов.* (*РГАДА*). Ф. 9. Отд. II. № 62. [*Russian State Archive of Ancient Acts*. F. 9. Otd. II. No. 62 (in Russian)].
16. Соловьев С. М. Петр Великий на Каспийском море. *Вестник Европы.* 1868. № 3. С. 163–202. [Solov'yev S. M. Peter the Great on the Caspian Sea // *Vestnik Evropy*. 1868. No. 3, pp. 163–202 (in Russian)].

Информация об авторе

Курукин Игорь Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, kurukin@mail.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена рецензентами 17.02.2023; принята к публикации 20.02.2023; опубликована 30.03.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Kurukin Igor V. — Dr. Sci. (Hist), Docent, Ass. Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, kurukin@mail.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 20.02.2023; published 30.03.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

HISTORY OF THE EAST
Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья Исторические науки
УДК 378(479.24)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-097-117

Становление востоковедных исследований в Азербайджане: история, традиции, школы (XIX–XX вв.)

Тамилла Сабир кызы Керимова-Коджаева
Институт истории Национальной Академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан
tomakerimova50@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2392-7381

Аннотация. Статья посвящена становлению и развитию востоковедения в Азербайджане. В ней отводится особое место его связи с тюркским миром и культурой Ближнего и Среднего Востока. Особое внимание в статье уделяется персоналиям, связанным с зарождением и становлением азербайджанского востоковедения со второй половины XIX в. вплоть до середины XX в., а также Первому тюркологическому съезду 1926 г.; научным учреждениям и ведомствам, в том числе Восточному факультету Бакинского государственного университета, Обществу обследования и изучения Азербайджана, Азербайджанскому государственному научно-исследовательскому институту, Азербайджанскому отделению Закавказского филиала АН СССР, Азербайджанскому филиалу АН СССР, развитию азербайджанского востоковедения в 1950–1960-е гг., исследованиям в области арабистики, тюркологии, иранистики, вкладу ученых Азербайджана в эти области востоковедения.

Ключевые слова: история науки, востоковедение, восточный факультет Бакинского госуниверситета, Средний Восток, Ближний Восток

Для цитирования: Керимова-Коджаева Т. С. Становление востоковедных исследований в Азербайджане: история, традиции, школы (XIX — первая половина XX столетия). *Ориенталистика*. 2023; 1(6):97–117. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-097-117.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Керимова-Коджаева Т. С., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-097-117

The Formation of Oriental Studies in Azerbaijan: History, Traditions, Schools (19th — First Half of the 20th Century)

Tamilla S. Kerimova-Kodjayeva

Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan
tomakerimova50@gmail.com,https://orcid.org/0000-0002-2392-7381

Abstract. The article is devoted to the formation and development of Oriental studies in Azerbaijan. It gives a special place to his connection with the Turkic world and the culture of the Near and Middle East. Particular attention is paid to the personalities associated with the origin and formation of Azerbaijani Oriental studies from the second half of the 19th century up to the middle of the 20th century, as well as the First Turkological Congress of 1926; scientific institutions and departments, including the Oriental Faculty of Baku State University, the Society for the Survey and Study of Azerbaijan, the Azerbaijan State Research Institute, the Azerbaijan Branch of the Transcaucasian Branch of the USSR Academy of Sciences, the Azerbaijan Branch of the USSR Academy of Sciences, the development of Azerbaijani Oriental studies in the 1950s and 1960s, research in the field of Arabic studies, Turkology, Iranian studies, the contribution of Azerbaijani scholars in these areas of Oriental studies..

Keywords: history of science, Oriental Studies, Oriental Faculty of Baku State University, the Middle and Near East

For citation: Kerimova-Kocayeva T. S. Stages of formation and development of oriental studies in the Azerbaijan SSR. *Orientalistica.* 2023;1(6):97–117 (in Russian). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-097-117.

Введение

Истоки востоковедения в Азербайджане, накопление знаний о соседних и отдаленных странах Востока и их обобщение уходят своими корнями вглубь веков. Это в значительной степени определялось всем ходом исторического развития Азербайджана, тюркского мира, а также стран Ближнего и Среднего Востока. Выдающиеся ученые и мыслители, такие как Абульгасан Бахманйар (XI в.), Катран Тебризи (XI в.), Хатиб Тебризи (1030–1018), Низами Гянджеви (ок.1141–1209), Афзаледдин Хагани (ок. 1126–1199), Насир ад-Дин Туси (1201–1274), Имадеддин Насими (1369–1417), Мухаммад Физули (ок. 1494–1556) и многие другие, оставили неизгладимый след в мировой истории, внеся вклад не только в развитие истории, литературы, философии Азербайджана, но и в мировую науку.

В XIX столетии на базе многовековой культуры, а также под влиянием европейской науки в Азербайджане появился целый ряд ярких ученых

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Kerimova-Kodjayeva T. S., 2023
© Orientalistica, 2023

и литераторов, заложивших основу азербайджанского востоковедения. В развитии науки и культуры Азербайджана неоспоримы заслуги мыслителей и ученых того периода, таких как Аббас-кули-ага Бакиханов (1794–1847), Мирза Фатали Ахундов (1812–1878), Мирза Казем-бек (1802–1870), Мирза Джафар Топчибашев и других (1790–1869). Эти люди также оказали значительное воздействие на развитие востоковедческой науки в России и в некоторых странах Европы. Тем не менее, зарождение академического востоковедения в Азербайджане приходится на советский период.

Становление советского востоковедения в Азербайджане

В апреле 1920 г. Азербайджан вступил в полосу советизации, и в жизни республики наступил новый период. Характерной чертой этого большого, семидесятилетнего исторического пути были потеря реальной независимости и вхождение республики в систему социалистического административного управления. За первое двадцатилетие советской власти были достигнуты и большие успехи в социально-экономическом развитии Азербайджана. За сравнительно короткий исторический период республика совершила большой скачок в экономическом развитии, превратившись из аграрной республики в индустриальную. Успехи были достигнуты и в области развития науки и культуры [Исмаилов, 2015 с. 14]. Россия стала непосредственно соседствовать с Ираном и Турцией. Издавна существовавшие торговые и экономические связи России со странами Юго-Западной Азии получили дополнительный стимул развития. В обществе нарастал интерес к Востоку, а «советская внешняя политика на Востоке проявила возросшую наступательность» [Шаститко, [б. д.]].

Начиная с 1920-х гг. в СССР шло становление советской науки, советского востоковедения, одной из приоритетных задач которого было изучение современной истории, языка, культуры стран Востока. Советское правительство сразу же объявило о намерении проводить особую политику в отношении стран и народов Ближнего и Дальнего Востока. Широко поставленные задачи и цели национальной и внешней политики советского государства требовали подготовленных кадров, в особенности востоковедов. Поэтому уже с первых лет советская власть стала проводить политику, нацеленную на создание новых востоковедных научно-образовательных центров[1] [Волхонский, 2019, с. 326].

[1] В 1921 г. был организован в Москве Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ), программа которого предусматривала «изучение экономики, структуры общественных и революционных движений как в автономных и независимых советских республиках, так и в зарубежных азиатских странах». В 1921 г. был создан Московский институт востоковедения, а в том же году в Ленинграде – Институт яфетических языков, в 1932 г. переименованный в Институт языка и мышления. В 1930 г. организация востоковедных исследований в СССР претерпела серьезные изменения. В мае того же года «по решению ВЦИК Азиатский музей был объединен с Коллегией востоковедов, Институтом буддийской культуры и Тюркологическим кабинетом в рамках Института востоковедения Академии наук СССР» [*История Института востоковедения…* [б. д.]].

В начале сентября 1920 г. в Баку состоялся I Съезд народов Востока, в котором приняли участие две тысячи делегатов из 30 стран. На съезде был избран Совет пропаганды и действия народов Востока, постоянным местом нахождения которого стал Баку. Первый съезд народов Востока, проводимый одной из крупнейших международных организаций своего времени — Коминтерном, по значимости обсуждаемых на нем вопросов, по числу и представительности своих участников и международному резонансу был и остается одним из самых крупных политических событий в истории Азербайджана того времени [Буланова, URL].

В 1920-е гг. в Азербайджане появились предпосылки для всестороннего развития востоковедения. В 1921 г. по предложению председателя СНК республики Н. Нариманова был создан Институт востоковедения и социальных наук — главное в крае научное учреждение, имеющее целью всестороннее изучение мусульманского Востока, прежде всего Азербайджана и прилегающих стран Кавказа, Средней, Передней Азии, а также смежных областей Ирана [*ГААР,* ф. 57. оп. 1. д. 174. л. 88, 94].

Большую работу в области развития востоковедения в республике проводил Бакинский университет (1919 г.), в 1920 г. реорганизованный в Азербайджанский государственный университет. 30 марта 1922 г. в университете был открыт Восточный факультет (с историческим и словесным отделениями, 22 кафедрами), который издавал свой журнал «Известия» [Атакишиев, 1989, с. 89, 92]. В связи с этим Наркомпрос признавал нецелесообразным дальнейшее существование в Баку Института востоковедения и социальных наук, созданного в 1920 г. по решению I Съезда народов Востока, Институт был срочно переведен в Москву [*ГААР,* ф. 1640, оп. 1, д. 27, л. 173].

Деятельность университета способствовала созданию научной школы специалистов-востоковедов, исследующих историю Азербайджана, стран Ближнего и Среднего Востока, а также их экономическую и социальную жизнь, язык, литературу, этнографию и религию. Восточный факультет недостаток научных сил старался восполнить путем приглашения крупных специалистов, в том числе владеющих азербайджанским языком [Маковельский, 1930, с. 108].

К описываемому периоду Баку становится одним из крупных центров научной и культурной жизни страны. Неслучайно именно в Баку проводились всесоюзные и международные съезды, конференции, здесь сделали первые шаги на поприще научной деятельности многие известные в будущем ученые. Кроме того, Баку в 1920-е гг. приобрел настолько широкую известность в академическом мире всего Советского Союза, что многие известные представители интеллигенции изъявляли свое согласие жить и работать там. Вместе с представителями небольшой еще тогда по численности азербайджанской интеллигенции они прилагали неимоверные усилия, отдавая весь свой богатый опыт и талант в организации первых вузов и научных учреждений, создании целых научных направлений и школ в Азербайджане, чтении лекций и оказания теоретической и практической помощи в организации научных изысканий, подготовке блестящей плеяды азербайджанских национальных научных кадров [Керимова, 2005, с. 50].

Неоценимую роль в становлении востоковедения в республике имело налаживание тесных контактов с такими светилами русской востоковедческой

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

науки, как академики В. В. Бартольд (1869–1930), С. Ф. Ольденбург (1863–1934), А. Н. Самойлович (1880–1938), А. Е. Крымский (1871–1942), член-корр. АН СССР В. А. Гордлевский (1876–1956), И. И. Мещанинов (1883–1967), Н. И. Ашмарин (1870–1933), А. А. Ромаскевич (1885–1942), Г. С. Губайдуллин (1887–1937), Б. В. Чобанзаде (1893–1937), Р. О. Шор (1894–1939) и другие, которые в 1923–1928 гг. проводили многосторонние исследования и издавали здесь свои труды в Баку.

В 1920-х — начале 1930-х гг. появились работы по древней и средневековой истории Азербайджана и других стран Востока (например курс лекций В. В. Бартольда «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», изданный в Баку в 1925 г.).

Член Академии материальной культуры И. И. Мещанинов в 1926 г. читал в университете курс по истории Древнего Востока, а доцент Р. О. Шор в 1928–1929 учебном году вела занятия по социологии языка на лингвистическом отделении факультета. Доцент Б. М. Данциг в том же году вел курс по экономической географии Ирана и Турции.

Для чтения лекций приглашались также видные ученые из стран Ближнего Востока. Так, в 1925 г. известный турецкий ученый, член-корреспондент Восточной Академии наук Мехмед Фуад Кепрюлюзаде прочитал курс по истории древнетюркской литературы.

На Восточный факультет был приглашен и Ибрагим Асадович Уаруар (1882–1971), уроженец Палестины, араб, приехавший в Баку из Киева в 1910 г. И. А. Уаруар был первым преподавателем арабского языка на Восточном факультете Азгосуниверситета. И. А. Уаруар — составитель учебника и хрестоматии по арабскому языку для студентов, переводчик различных рукописных работ с арабского на русский язык [Керимова, 2005, с. 77, 502–503]. По рекомендации П. К. Жузе на историко-филологический факультет университета был приглашен и Саид-Низами Абдуррахманов (Исмиханов), уроженец Египта, впоследствии — преподаватель арабского языка в аспирантуре Азербайджанского филиала АН СССР, переводчик в Союзе писателей Азербайджана. С. Н. Абдуррахманов — автор работы, посвященной истории арабской литературы [*АБГУ,* ф. 1, оп. 18, д. 54, л. 1–2].

В 1927–1928 учебном году для чтения спецкурсов пригласили проф. А. А. Ромаскевича (по кафедре ирановедения), акад. Н. Я. Марра, проф. В. А. Гурко-Кряжина (по кафедре истории Ближнего Востока), акад. В. В. Бартольда, проф. И. П. Петрушевского для прочтения курса по истории Средней Азии. По решению правления АГУ от 3 января 1928 г. в соответствии с ходатайством декана востфака проф. Г. С. Губайдуллина был приглашен проф. А. Н. Самойлович для чтения курса «Новейшие достижения в области изучения тюрко-татарских наречий». Следует отметить, что акад. Н. Я. Марр впервые в стенах азербайджанского университета (в 1928 г.) изложил общие принципы яфетидологии. Курс лекций, прочитанный Марром, был позже издан университетом.

На факультете вел большую и разностороннюю работу Пантелеймон Крестович Жузе (1871–1942) (урожденный Бендали бин Салиба ал-Джаузи) — известный историк, востоковед, правовед, один из создателей азербайджан-

ской школы советской арабистики. В 1920 г. по предложению председателя ЦИК Азербайджанской СССР С. Агамалиоглы П. К. Жузе (вместе с другими профессорами — А. Д. Гуляевым и А. О. Маковельским) был приглашен на работу в Баку. 21 сентября 1920 г. П. К. Жузе был избран Советом Бакинского Университета профессором кафедры арабского языка и литературы и при содействии I Съезда народов Востока 29 октября того же года вместе с семьей переехал в Баку и остался здесь навсегда [*ГААР*, ф. 1640, оп. 1, д. 40а, л. 4].

С именем П. К. Жузе связана инициатива создания и организации Восточного факультета при Бакинском университете, 19 апреля 1921 г. на заседании историко-филологического факультета был заслушан доклад его доклад об этом. Было отмечено, что открытие восточного факультета диктуется исключительно удачным положением Азербайджана, лежащего на рубеже Ближнего и Среднего Востока, исторически связанного с народами Поволжья. «Востфак на перекрестке между СССР и Ближним Востоком, — писал П. К. Жузе в докладной записке в Главпрофобр Наркомпроса, — должен служить переводчиком культуры и социальных реформ в вышеуказанные страны (Иран, Турцию. — *Т. К.*) и рассадником высокообразованных работников для них. Все эти задачи востфак сумеет осуществить, если он останется в Баку при АГУ и будет пользоваться вниманием, как центра, так и местных властей» [Маковельский, 1930, с. 108]. В 1920–1928 гг. профессор П. К. Жузе возглавил кафедру «История народов Востока», где читал лекции по мусульманскому праву, исламоведению и мусульманской философии.

Возглавив Восточный факультет, П. К. Жузе стал выдающимся лидером и организатором, объединившим старое и новое поколение востоковедческих кадров.

В 1925 г. в качестве педагогов Восточного факультета работали: приват-доценты А. З. Каради-Заде (история арабской литературы), М. Ибрагимов (история персидской литературы), преподаватели А. Б. Ахвердов (история тюркской литературы), Г. Б. Шахтахтинский (русский язык), М. С. Халфина (этнология тюркских народов), А. С. Букшпан (история Ближнего Востока и тюркских народов), А. Субханвердиханов (Архивоведение), лекторы И. Ахундзаде (тюркский язык), Али Джабар Мирзоев (персидский язык), М. Мамедов, Г. Оруджалиев, Ю. Везиров, Ф. Шабанов, М. Байрамов и др. [Ализаде, 2011, с. 35].

Заслугой факультета явилось создание библиотеки. С целью ее пополнения профессор П. К. Жузе был отправлен в научную командировку в январе 1921 г. в Иран и в 1924 г. в Турцию, откуда привез большое количество книг, арабских и персидских рукописей. На средства, выделенные правительством республики, им было приобретено для библиотеки более двух тысяч книг. К концу 1920-х гг. библиотечные фонды Восточного факультета включали в себя уже более тысячи томов сочинений по Среднему и Ближнему Востоку, на многих восточных и европейских языках [Маковельский, 1930, с. 107–108]. За несколько лет факультет выпустил четыре тома «Известий Восточного факультета».

Время становления востоковедения совпало со сложным периодом перестройки науки и высшей школы в стране и в республике. С одной стороны, перед учеными открылись новые возможности для работы. Научная атмосфе-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ра времен НЭПа была свободной, как никогда. Но с другой — эпоха 1920–1930-х гг. была очень тяжелой, порой трагической для судеб азербайджанского востоковедения. Работе университета препятствовали проводимые реформы. Востоковедение приобретало прикладной характер и выводилось за пределы университета в созданные научные общества, институты, ячейки и т. д. Отношение властей к классическому исламоведению и исторической арабистике становилось все хуже и в 1928 г. Восточный факультет был закрыт.

Общество обследования и изучения Азербайджана (1923–1929)

Одним из основных центров научной работы в республике стало Общество обследования и изучения Азербайджана (1923–1929). Общество проводило огромную научно-исследовательскую работу по всем направлениям науки и жизни республики в целом, создав на базе секций и комиссий различные отрасли науки и культуры, сформировало молодые кадры научной интеллигенции из коренного населения. Общество с самого начала своей деятельности рассматривало себя как прообраз будущей Академии наук, оно объединило большинство бакинских ученых, старой интеллигенции, работавших в различных государственных и научных организациях и учреждениях республики.

Для проведения глубоких и целенаправленных исследований по конкретным областям знания при секциях Общества обследования и изучения Азербайджана (историко-этнографической, экономической и естественнонаучной, позже — тюркологической) были созданы комиссии и подкомиссии, а также ряд бюро. Общество развило и интенсивную издательскую деятельность, публикуя с 1925 г. «Известия Общества обследования и изучения Азербайджана», ставшие одним из самых важных научных изданий в республике в те годы.

В области общественных наук, исследуемых Обществом, важное значение имела разработка востоковедческих проблем. В октябре 1928 г. СНК республики принял решение об организации при Обществе Бюро Зарубежного Востока, которое ставило своей основной задачей всестороннее изучение близлежащих к Азербайджану стран Востока [*ГААР,* ф. 389, оп. 1, д. 30, л. 1, 2, 6; ф. 411, оп. 1, д. 1339, л. 3]. Бюро Зарубежного Востока вело повседневное исследование жизни отдельных стран, происходящей там политической борьбы, вопросов бытового и культурного строительства, проблем внутренней и внешней политики. При Бюро существовали турецкая, персидская, индийская, афганская, арабская секции, которые занимались изучением экономического, финансового, торгового, религиозного положения этих стран, развития научной мысли, национального движения, дорожного строительства, отношений между государствами, женского движения, вопросами истории, географии, этнологии, народного образования, прессы и печати [*ГААР,* ф. 389, оп. 1. д. 30, л. 1–5]. Бюро издавало информационные бюллетени по странам Востока, руководило отделами Востока всей местной прессы, снабжало их материалами и статьями, а также поддерживало тесную взаимосвязь с соответствующими отделами прессы всего СССР. Также организовывались научные экскурсии в соседние страны, осуществлялся книгообмен с различными обществами и организациями всего мира. При Бюро была создана фундаментальная библиотека по

Востоку и выписывались все газеты и журналы мира, так или иначе связанные с Востоком. На заседаниях Бюро Зарубежного Востока Общества за 1928–1929 гг. были зачитаны различные доклады: П. К. Жузе — «О своих впечатлениях от поездки по странам зарубежного Востока (в Персию и Турцию)», Г. Султановым — «О современном положении Афганистана», проф. Ю. М. Бочаровым, руководителем кафедры печати Московского института журналистики, — «Международная выставка печати в Кельне», В. А. Гурко-Кряжиным — «Современное положение Афганистана», А. Букшпаном — «О событиях в Палестине» и др. [*ГААР*, ф. 389, оп. 1, д. 27, л. 4; ф. 389, оп. 1, д. 180, л. 11, 39, 74, 97, 144].

В этот же период здесь зародились и осуществлялись идеи перехода тюркоязычных народов с арабского на латинский алфавит. Инициатива латинизации алфавита была проявлена в Азербайджане, а затем в других тюркоязычных республиках и областях Советского Союза, а также в соседней Турции. Отдельные мероприятия по переходу на латинскую графику в Азербайджане были проведены еще в 1922 г.

Важной вехой культурной жизни тюркских народов явилось проведение в городе Баку Первого Всесоюзного тюркологического съезда по вопросу о реформировании арабского алфавита на латинской основе и другим историко-этнографическим проблемам тюркских народов. Съезд состоялся во Дворце тюркской культуры 26 февраля — 5 марта 1926 г. На Съезд из всех союзных тюркоязычных республик, областей страны приехал 131 делегат с решающим голосом. Кроме них собралось около 600 делегатов научной общественности республик и областей бывшего СССР [Багиров, Чобанзаде, 1936, с. 423–426]. О значимости Съезда свидетельствует список учреждений, проводивших его по Союзу: Академия наук СССР, Ассоциация востоковедения, Московский институт востоковедения им. Н. Нариманова, Казанский, Ташкентский, Бакинский, Ленинградский, Крымский университеты и др. [*ГААР*, ф. 389. оп. 1, д. 37, л. 4–5].

Хотя тюркологический съезд и назывался всесоюзным, по числу делегатов и проблемам, стоящим перед учеными, он, по существу, должен был называться международным. На нем, помимо русских востоковедов, присутствовали крупнейшие ученые востоковеды стран Ближнего и Среднего Востока и Западной Европы: Мехмет Фуад Кепрюлюзаде, Алибек Гусейнзаде, Сами Руфет, Неджиб Асим, Фуад Раиф, Бурсалы Мехмед Тахир-бей, Ферид Хуршуд, Шемседдин бей, Этхем бей (Турция), Теодор Менцель, Мут Гартман, Гизе, Пауль Витек, Вальтер Радебольд, В. Банг, Г. Якоб, Г. Штумме (Германия), Юлиус Мейсарош, Игнац Кунош, Ю. Немет, Б. Мункачи, М. Гортен (Венгрия), Меджид Солтанэ, Ибрагим Шабистари (Иран), Ж. Дени (Франция), Л. Бонелли (Италия), Сэтэлэ (Финляндия), Свен Гедин (Швеция). Было заслушано 40 докладов видных зарубежных и советских ученых-востоковедов, посвященных изучению истории, этнографии, тюркских языков, краеведческой работы, научной терминологии и орфографии, исторической литературы, изобразительного искусства тюркских народов. На съезде имели место резкие столкновения мнений по обсуждению принципиальных вопросов, касающихся путей культурного развития тюркских народов, а также создания единой письменности на осно-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ве латинской графики. Наряду с решением съезда о переводе письменности с арабского на латинскую графику и разработкой ряда важных языковых и историко-этнографических проблем, съезд сыграл важную роль в духовном объединении тюркских народов, заложил основу нового этапа в их культурном развитии [Керимова, 2016, с. 20].

Большое научно-историческое и культурное значение имело издание Обществом в 1926 г. труда выдающегося азербайджанского историка XIX в. А. А. Бакиханова «Гюлистан-и Ирам» на русском языке, а также работы Абдул-Латифа Эфенди «История шекинских ханов», летописи — «Гарабаг-наме» [Ализаде, Левиатов, 1947, с. 125], произведений Керим ага Фатеха «Краткая история шекинских ханов» и Хаджи Саида Абулгамида «Родословная шекинских ханов и их потомков». Членами исторической секции были переведены с французского книги востоковеда-ираниста профессора Копенгагенского университета А. Христенсена «Сасаниды» и «Коммунизм маздакидов», представляющие определенный интерес для изучения азербайджанского средневековья [*Из истории развития науки и научных учреждений в Азербайджане…* 1984, с. 37].

В конце 1920-х гг. в связи с началом «великого перелома», развития административной и командной систем организации науки и, особенно, идеологизацией научной деятельности Общество обследования и изучения Азербайджана прекратило свое существование.

Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (1929–1932)

9 октября 1929 г. постановлением АзЦИКа Общество обследования и изучения Азербайджана было реорганизовано в Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт (АзГНИИ) [*Наука и техника Советского Азербайджана*… 1987 с. 45]. ЦИК республики утвердил Положение об АзГНИИ, в котором было отмечено, что «Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт является высшим научным учреждением республики и состоит при АзЦИКе» [Мусабеков, 1929, с. 2]. На организованном заседании действительных членов АзГНИИ было создано семь отделений. При АзГНИИ действовало отделение истории Востока, которое состояло из четырех отделов: иранский (сюда входил и Афганистан), турецкий, арабских стран (Сирия, Палестина, Ирак, Тунис, Алжир, Северная Африка, Египет), советского Востока (финны, уйгуры, тюрки, татары, некоторые иранские народы). Перед созданным отделением выдвигалась задача всестороннего изучения на основе марксистско-ленинской методологии проблем колониального, полуколониального Ближнего и советского Востока [Şərif, 1930, s. 48–49].

Ученые АзГНИИ публиковали свои работы в сборниках, выпускаемых Институтом: «Ближний Восток», «Пути изучения Азербайджана» и «Азербайджанский научный фронт».

Научные достижения АзГНИИ распространялись далеко за пределы республики. Со многими научными учреждениями союзных республик и западных стран были установлены сотрудничество и обмен научными достижениями. Так, научные достижения Азербайджана вызывали интерес Прусской академии

наук (Берлин), Брюссельской Академии наук, лейпцигского научного издательства “Verlag der Asia Major”, итальянского Института восточных языков, Общества обследования Азии, Тюркологического института и литературного факультета Стамбульского университета в Турции, а также АН СССР, Всеукраинской ассоциации востоковедческих наук, Азиатского музея АН СССР, Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, Новочеркасского музея, Востоковедческой научной ассоциации СССР и многих других.

Были установлены контакты с председателем Французского Общества по изучению Азии проф. Сильвеном Леви и с учеными Национальной школы живых восточных языков в Париже. 28 ноября 1929 г. советник полномочного представительства Франции в СССР обратился с письмом, в котором говорилось: «Уважаемые товарищи, полученные нами труды вашего научного общества и журнал “Известия Общества обследования и изучения Азербайджана” пересланы нами через французский комитет научной связи с СССР председателю французского общества по изучению Азии проф. Сильвен Леви… Помимо общества изучения Азии имеется во Франции еще один центр по изучению Востока, а именно Национальная школа живых восточных языков. Оба этих научных центра охотно установят с Вашим Обществом связи для взаимного обмена информацией и материалами» [*ГААР*, ф. 387, оп. 1, д. 45, л. 11–12, 13, 18].

В целях лучшего использования зарубежного опыта и достижений мировой науки и техники в Азербайджан приглашались иностранные ученые и специалисты. Так, многие гости, приехавшие в Москву на празднование 200-летия Академии наук СССР, были приглашены и в другие города СССР, побывали они и в Баку. Среди них — крупные востоковеды: уже упомянутый М. Ф. Кепрюлюзаде (Турция), профессор Бомбейского университета санскритолог Дживаджи Джамшеджи Моди, директор Физического института в Калькутте профессор Раман, филолог Браганца Куна (Индия), профессор, тюрколог Теодор Менцель, Пауль Витек (Германия), председатель Французского общества по изучению Азии Сильвен Леви, Анри Перрен (Франция) и др. [Иоффе, 1975, с. 126–127].

Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР (1932-1935)

В мае 1934 г. Институт востоковедения АН СССР и Эрмитаж организовали сессию, посвященную 1000–летию величайшего персидского поэта Абдульгасыма Фирдоуси. В связи с широко отмечаемым юбилеем Фирдоуси в стране, Азербайджанским отделением Закавказского филиала АН СССР (АзОЗФАН) были переведены и изданы избранные поэмы поэта под общей редакцией Р. Ахундова. АзОЗФАН отмечал юбилей Фирдоуси организацией выставки лучших образцов персидской литературы и искусства, устройством торжественного собрания, докладами во Дворце тюркской культуры [Rəfili, s. 49].

Историками АзОЗФАНа в тот период особое внимание уделялось сбору и публикации материалов по истории Азербайджана. В этих целях проводи-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

лась работа по изучению и переводу трудов античных, арабских, персидских, грузинских, русских, западноевропейских и азербайджанских историков, географов, путешественников об Азербайджане, выявлялись архивные материалы по отдельным вопросам истории республики. Профессором П.К. Жузе был подготовлен к изданию «Географический словарь» арабского географа XIII столетия Якута аль Хамави с русским переводом; подготовлены к изданию материалы из архивов Азербайджана, Грузии, Ленинграда, Москвы по докапиталистической нефтяной промышленности в Азербайджане (до 70–х годов XIX в.) и архивные материалы, характеризующие феодальные отношения в Азербайджане в XIX в. [*АЦННПНАНА,* ф.3, оп.1, д.129, л.16].

Азербайджанский филиал АН СССР (1935–1945)

По постановлению Президиума АН СССР от 25 октября 1935 г. на базе Сектора истории был организован Институт истории, археологии и этнографии Азербайджанского филиала АН СССР (АзФАН) директором, которого был назначен академик И. И. Мещанинов [*АЦННП НАНА,* ф. 3, оп. 1, д. 129, л. 72]. Создание института стало важным шагом в деле изучения не только истории Азербайджана, но и в области изучения истории сопредельных стран.

Одной из главных работ Института словарей АзФАН был перевод словаря Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-турк». Первым им занялся Халид Саид Ходжаев — талантливый тюрколог, впервые в СССР осуществивший в сентябре 1935 г. перевод и комментарий этого лингвистического словаря XI в. Труд объемом приблизительно 70–80 п. л. был подготовлен к изданию в апреле 1937 г. А 4 июня 1937 г. Х. С. Ходжаев был арестован органами НКВД республики. Вместе с другими его работами был уничтожен и перевод его словаря [Ашнин, 2002, с. 120].

Президиум АзФАН организовал в 1939 г. группу по составлению научно-критического текста произведений Низами Гянджеви, в которую вошли Е. Э. Бертельс, А. Ализаде, А. Алескерзаде, Ф. Бабаев, Л. Хетагуров, О. Смирнов и ученые Института литературы и языка им. Низами АзФАН. При активном содействии коллег из Института востоковедения АН СССР коллективом научных сотрудников института были подготовлены подстрочные и поэтические переводы произведений Низами Гянджеви. Также было подготовлено к печати юбилейное академическое издание произведений Низами в шести томах [*НАИИ НАНА,* ф. 1, оп. 18, д. 8370, л. 124].

При ближайшем участии чл.- корр. АН СССР проф. Е. Э. Бертельса, возглавившего группу, институт, на основе известных всему научному миру древнейших рукописей произведений Низами, составил научно-критический текст «Хамсэ» («Пятерицы») Низами, который явился первой в мире значительной и наиболее полной версией текста. В 1940 г. Е. Э. Бертельс опубликовал книгу «Великий азербайджанский поэт Низами. Эпоха — Жизнь — Творчество». Согласно Е. Э. Бертельсу, к 1948 г. «в СССР была создана новая наука — низамиведение, а работы, написанные о Низами за последнее десятилетие, во много раз превосходят то, что Западная Европа смогла написать за полтора века». В 1948 г. А. Ализаде и Е. Э. Бертельс за научно-критический текст произведения Низами Гянджеви «Шарафнамэ» получили Государственную пре-

мию СССР [Дадашзаде, 1942, с. 62; *Azərbaycan şərqşünaslıq elminin banisi akademik Əbdülkərim Əlizadə*… 2005, s. 99].

Академик А. Е. Крымский по договоренности с АзФАН работал над монографией «Низами и его современники». Окончив работу, он переслал ее в Баку. Но начавшаяся Великая Отечественная война в 1941 г. помешала осуществлению юбилейных мероприятий. Естественно, задержалось и издание монографии А. М. Крымского.

Собрание рукописей Института литературы и языка им. Низами АзФАН является богатейшим среди мировых рукописных фондов в части сбора и хранения оригинальных рукописей азербайджанских писателей и поэтов. Рукописное собрание института составлялось на основе коллекций библиотеки Азербайджанского педагогического института, АзФАН и Государственного музея, и регулярно обогащалось материалами, собранными АзФАН по районам Азербайджана. Кроме того, институтом были выписаны фотокопии материалов по азербайджанской литературе и культуре из мировых собраний рукописей Великобритании, Франции и других стран Европы, а также из ленинградских рукописных собраний. В начале 1940-х гг. отдел рукописей Института литературы и языка им. Низами располагал более 10 тыс. восточных рукописей [Дадашзаде, 1942, с. 62]. После создания АН Азербайджана отдел рукописей Института литературы им. Низами был реорганизован в самостоятельное научное учреждение — Республиканский рукописный фонд АН республики (в дальнейшем — Институт рукописей НАНА).

В Азербайджанский филиал АН СССР (АзФАН) в Институт истории был приглашен упомянутый выше арабист П. К. Жузе в 1938 г., где стал работать старшим научным сотрудником. В последние годы жизни он по поручению Азгосмузея и Азербайджанского филиала АН СССР сосредоточил усилия на переводах и издании важнейших источников по истории Азербайджана периода арабского завоевания. Большим достижением ученого является осуществление переводов рукописных арабских источников историков и географов ал-Йакуби «История», ат-Табари «Сведения об Азербайджане и Армении», ал-Баладзури «Книга завоевания стран», Йакута ал-Хамави «Му’джам ал-булдан» (алфавитный перечень стран), Ибн ал-Асира «Тарих ал-Камил» («Полного свода истории»), Ибн Мискавейха, Мухаммада ан-Насави «Биография султана Джелал ад-Дина Манкбурны» и др.

Среди важнейших исследований П. К. Жузе — труды по истории Азербайджана периода арабского завоевания. Таковыми являются «Азербайджан под властью арабов VII–IX вв.», «Папак и папакизм (К истории коммунистического движения в Азербайджане в IX в. по Р. Х.)», «Появление на исторической сцене тюркской нации», «К вопросу о научной терминологии у современных арабов», «К выяснению значения слова «Тат», «Мутагаллибы в Закавказье в IX–X вв.», «К истории феодализма в Закавказье», «Расселение арабских племен по Закавказью и дальнейшая их судьба», «Мазъядиты-шейбаниты в Азербайджане. Историко-биографический очерк», «Материалы по эпохе Низами (арабские авторы) из книги Мухаммеда Насеви «Биография султана Джалаладдина Мангуберта», «Арабские племена в Закавказье», «Религиозная идеология населения Азербайджана до начала XIX в.». В статье

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

«Диван лугати турки» (1926) он впервые упоминает о словаре Махмуда Кашгари. Ему принадлежит перевод анонимного арабского источника, посвященного описанию военных столкновений войск Джаро-Белоканского союза со своими противниками — «Хроника войн Джара в XVIII столетии» (редактором книги был В. Хулуфлу, а автором комментариев — Е. А. Пахомов) [Керимова, 2014, с. 46].

Наследие ученого является ярким свидетельством формирования классического востоковедения в Азербайджане, которое в середине XX в. представляло взаимосвязанное комплексное гуманитарное университетское образование и академическую науку о Востоке. Медиевистика Азербайджана обязана П. К. Жузе постановкой проблемы по изучению процессов расселения арабских племен в Закавказье, складывания феодальных отношений, а также переводу на русский язык важных арабских источников по истории средневекового Азербайджана.

Востоковедение в послевоенные годы. Деятельность Азгосуниверситета, Института Востоковедения Академии наук Азербайджана, новый этап

Исследовательская работа в сфере востоковедения оживилась с начала 1950-х гг. Она осуществлялась в Институте истории Академии наук Азербайджанской ССР, где имелся специальный отдел истории стран зарубежного Востока, в Институте литературы и языка им. Низами, в секторах экономики и философии, в Рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР, на факультете востоковедения Азгосуниверситета им. С. М. Кирова, в других научных учреждениях и вузах республики.

В этот период философы Азербайджана также издали ряд работ по истории философской и общественно-политической мысли стран Ближнего и Среднего Востока. В их числе монографии акад. А. О. Маковельского о маздакизме, проф. А. К. Закуева о философском учении ан-Наззама, о психологических воззрениях Насреддина Туси, о философских воззрениях Бахманйара, о социологических воззрениях Ибн Халдуна, о сущности и происхождении суфизма, о психологических воззрениях Ибн Сины.

Плодотворная работа по изучению литератур и языков народов Востока осуществлялась факультетом востоковедения Азгосуниверситета. Опубликованы были учебник персидского языка для I и II курсов вузов, учебное пособие по каллиграфии, учебник персидского языка для средних школ, труды факультета, ряд статей в «Ученых записках» университета.

В 1954 г. при Институте истории АН Азербайджанской ССР был создан Отдел истории стран зарубежного Востока. В 1958 г. решением Совета Министров Республики на базе соответствующих отделов и групп, действующих в различных общественных институтах АН Азербайджанской ССР, был сформирован Институт востоковедения (называвшийся с 1967 по 1984 г. Институтом народов Ближнего и Среднего Востока). Соответственно Институт востоковедения был создан в составе четырех отделов: Ирана, Турции, арабских стран, публикации источников [*НАИИ НАНА,* ф. 6, оп. 2, 199, л. 84]. С этого периода начался качественно новый этап развития востокове-

дения в Азербайджане: были определены основные направления исследований, а также географический ареал исследуемой тематики. Институт востоковедения — это признанный центр азербайджанской ориенталистики, где работают высококвалифицированные научные кадры, проводятся интересные научные исследования. Главной задачей Института стало тщательное изучение и анализ закономерностей и особенностей исторического, общественно-политического, экономического и культурного развития стран Ближнего и Среднего Востока.

Значительно активизировал свою деятельность и факультет востоковедения Азгосуниверситета. В дополнение к существующим иранскому и турецкому отделениям на факультете в 1957 г. было открыто арабское отделение, первый выпуск которого состоялся в 1963 г. Институт востоковедения Академии наук Азербайджанской ССР и факультет востоковедения Азгосуниверситета поддерживал тесную связь с востоковедческими учреждениями Закавказья, с Институтом народов Азии Академии наук СССР. Темы научных исследований при составлении тематического плана согласовывались с соответствующими отделами Института народов Азии.

Востоковеды республики принимали активное участие во всесоюзных и международных востоковедческих форумах. Их доклады прозвучали на I Всесоюзной научной конференций востоковедов в Ташкенте, Объединенной сессии республик Закавказья (1957 г.), Всесоюзной научной конференции арабистов в Ленинграде в 1960 г., Всесоюзной научной сессии по иранской филологии (1961 г.). Сотрудники Института востоковедения также выступили с докладами и научными сообщениями на II Всесоюзной конференции арабистов в Ленинграде (1962 г.). Доклады азербайджанских ученых были представлены на XXIV (Мюнхен, 1957 г.) и XXV (Москва, 1960 г.) Международных конгрессах востоковедов. В 1961 г. академик А. Ализаде выступил с докладом на VI конгрессе Турецкого исторического общества (Анкара). Активно участвовали ученые республики также в работе Всесоюзной конференции по иранской филологии, состоявшейся в июле 1963 г. в Баку.

По мере роста высокопрофессиональных кадров и научного потенциала тематика востоковедения обогатилась и расширилась. Основное внимание коллектива было направлено на комплексное исследование актуальных проблем истории, экономики, общественно-политической мысли и филологии стран Ближнего и Среднего Востока, а также на исследование и публикацию письменных памятников народов Востока. Одновременно в Институте осуществлялись исследования и перевод арабоязычных и персоязычных памятников азербайджанских авторов. До обретения Азербайджаном независимости востоковедческая наука республики развивалась как составная часть советского востоковедения. Так, тематика проводимых Институтом исследований, в частности, ряд тем, связанных с общественно-политическими и идеологическими проблемами стран современного Востока, изучалась в соответствии с требованиями доминирующей в то время марксистской идеологии, что служило проведению в жизнь политики Советского Союза на Востоке. При этом тесная связь с ведущими востоковедными центрами бывшего Союза, обмен научным опытом, возмож-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

ность получения научных и научно-информационных сведений способствовало развитию науки. Не случайно азербайджанское востоковедение в 70–80-х гг. прошлого столетия занимало одно из ведущих мест в Союзе, а специалисты в этой области заслуженно обрели мировую славу. Видные азербайджанские ученые-востоковеды академики Абдулкерим Ализаде, Зия Буниятов, Алисохбат Сумбатзаде, Гамид Араслы, Наиля Велиханлы, член-корреспондент Беюкага Гусейнов, профессоры Рустам Алиев, Акрам Джафар, Мубариз Ализаде, Аида Имангулиева, Рауф Сеидов, Шовкет Тагиева и многие другие обрели всемирную известность.

В этот период расширяются исследования в области иранистики. В ряде работ исследуются аграрные отношения, социально-политические процессы в Иране, анализируются социальные пласты иранского общества конца XIX–начала XX в., зарождение рабочего движения и политических организаций, актуальные проблемы взаимоотношений Ирана с соседними восточными государствами, экономическое развитие и правовая система Ирана.

В трудах ученых-тюркологов Азербайджана особое внимание уделялось изучению актуальных проблем социально-политического развития Турции в новое и в новейшее время, а также важным аспектам социально-политического и культурного развития страны в XIX–XX вв. В этих произведениях важное место занимают вопросы государственного устройства и правовой системы в Турции, темы зарождения и развития движения младотурков, социально-экономического и политического положения Турции в период Первой Мировой войны, проблемы отношений Турции с Советским Союзом, просветительской и общественной мысли Турции, государственного капитализма в Турции и пр.

Основоположником школы арабской медиевистики в республике явился акад. З. М. Буниятов. Его труды посвящены исследованию истории Азербайджана и стран Ближнего Востока периода Халифата и позднего средневековья[2]. В 60–80-е гг. XX в. появляется ряд работ, связанных с изучением различных исламских течений на Арабском Востоке, народных движений в период Халифата и общественно-политической ситуации в странах, образовавшихся в результате распада государства Аббасидов. В произведениях акад. Наили Велиханлы и др. подробно исследуются вопросы зарождения и распространения ислама, восстаний в Аббасидском Халифате, изучаются труды арабских географов-путешественников, содержащие сведения об Азербайджане.

На азербайджанский язык были переведены такие произведения, как «Калила и Димна», поэма Амира Хосрова Дехлеви «Хосров и Ширин», рубаи Омара Хайяма, произведения Саади «Бустан» и «Гюлистан», газели Хафиза, «Юсуф и Зулейха» Джами, а также «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Нахчивани и др.

[2] В его монографии «Азербайджан в VII–IX вв.» (Баку, 1989) история Азербайджана исследуется как на основе письменных памятников периода раннего средневековья, так и на основе богатого археологического и нумизматического материала. Другой его труд «Азербайджанское Государство Атабеков (1136–1225)» (Баку, 1985), охватывающий историю Азербайджана и соседних с ним государств на протяжении двух веков, в 1980 г. был удостоен Государственной премии Азербайджанской ССР.

Азербайджанскими учеными были достигнуты значительные успехи в сфере изучения лингвистики народов Ближнего Востока. Были проведены важнейшие по научной значимости исследования лексики, лексикографии, фонетики, морфологии и синтаксиса арабского, турецкого и персидского языков, подготовлены к печати дидактическая литература средних веков и комментарии к ней.

Наряду с Институтом Востоковедения НАН Азербайджана масштабные исследования в области арабской, персидской и турецкой филологии велись и на факультете востоковедения Бакинского государственного университета. В организации обучения, в подготовке кадров, в достижении успехов в области арабистики, иранистики и тюркологии на факультете востоковедения огромные заслуги принадлежали А. Дж. Мамедову, М. А. Ализаде, Р. С. Султанову, Р. А. Рустамову, Г. Ш. Махмудову, М. Р. Махмудову, Ю. З. Ширвани и др.

Заключение

В 1991 г., в связи с восстановлением национальной независимости и образованием Азербайджанской Республики, перед Институтом открылись большие горизонты и появились новые задачи, коренным образом изменились цели и проблематика проводимых научных исследований. В 1998 г. Институту востоковедения было присвоено имя академика З. М. Буниятова.

Сотрудники Института представляли азербайджанское востоковедение на многих международных конгрессах, конференциях и симпозиумах. В настоящее время Институт имеет тесные научные контакты с такими странами как Турция, Россия, Германия, Голландия, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Арабская Республика Египет и др. Институт является также координатором по Азербайджану Международного института исследований по Центральной Азии при ЮНЕСКО.

Для Азербайджанской Республики, самостоятельно определяющей свою зарубежную политику, расширение экономических, политических и культурных связей на сегодняшний день является крайне важной проблемой. Учитывая зарубежную стратегию Азербайджана, изучение общественно-политического и экономического положения стран Ближнего и Среднего Востока представляет собой серьезную необходимость.

Сокращения / Abbreviations

АБГУ — Архив Бакинского государственного университета.

АзГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт.

АзОЗФАН — Азербайджанское отделение Закавказского филиала АН СССР.

АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук.

АЦННП НАНА — Архив Центра научного наследия Президиума НАНА.

ГААР — Государственный архив Азербайджанской Республики.

НАИИ НАНА — Научный архив Института истории НАНА.

НАНА — Национальная академия наук Азербайджана.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Список литературы / References

1. Ализаде А. А., Левиатов В. Н. Историческая наука в Азербайджанской ССР (К XXX-летию Великой октябрьской социалистической революции). *Известия Академии наук Азербайджанской ССР.* 1947. № 10. С. 136–140. [Alizade A. A., Leviatov V. N. Historical Science in the Azerbaijan SSR (On the 30th Anniversary of the Great October Socialist Revolution). *News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.* 1947. No. 10, pp. 136–140 (in Russian)].
2. Ализаде З. А. *Развитие высшего исторического образования и подготовка кадров историков в Азербайджанской ССР (1920–1941 гг.).* Баку: Şərq-Qərb, 2011. [Alizade Z. A. *Development of higher historical education and training of historians in the Azerbaijan SSR (1920–1941)*. Baku: Şərq-Qərb, 2011 (in Russian)].
3. *Архив Бакинского государственного университета (АБГУ)*. Ф. 1. Оп. 18. Д. 54. Л. 1–2. [Archive of the Baku State University (ABGU). Fund 1. Case 18. Inv. 54. P. 1–2 (in Russian)].
4. *Архив Центра научного наследия Президиума НАНА (АЦННП НАНА)*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 16, 72. [Archive of the Scientific Heritage Center of the Presidium of ANAS (ATSNP NANA). Fund 3. Case 1. Inv. 129. P. 16, 72 (in Russian)].
5. Атакишиев А. М. *История Азербайджанского государственного университета*. Баку: Издательство АГУ. 1989 [Atakishiyev A. M. *History of Azerbaijan State University.* Baku: Izdatel'stvo AGU. 1989 (in Russian)].
6. Ашнин Ф. Д. Халид Саид Ходжаев. *Восток. (Oriens).* 2002. № 3. С. 118–126 [Ashnin F. D. Khalid Said Khodjaev. *East. (Oriens)*. 2002. No. 3, pp. 118–126 (in Russian)].
7. Багиров Г., Чобанзаде Б. Языковое строительство в АССР. Наука АССР за 15 лет. *Труды Азербайджанского филиала Академии наук СССР*. Баку, 1936. № 30. [Bagirov G., Chobanzade B. Language construction in the ASSR. Science of the ASSR for 15 years. *Proceedings of the Azerbaijan Branch of the Academy of Sciences of the USSR.* Baku, 1936. No. 30. (in Russian)].
8. Буланова О. *Как это было: Первый съезд народов Востока в Баку (1920 г.)* [Bulanova O. *How it was: The First Congress of the Peoples of the East in Baku (1920)* (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: https://azerhistory.com/?p=13641&ysclid=liiu5fpxoy158517944 (дата обращения: 07.01.2023).
9. Волхонский М. А. Советская власть и российское востоковедение: Создание Московского института востоковедения. 1917–1921 гг. *Центральная Евразия. Кавказ в прошлом и настоящем (общество, политика, экономика, культура)*. 2019. № 1 (3). С. 325–342. [Volkhonsky M. A. Soviet power and Russian oriental studies: Creation of the Moscow Institute of Oriental Studies. 1917–1921. *Central Eurasia. Caucasus in the past and present (society, politics, economy, culture).* 2019. No. 1 (3), pp. 325–342 (in Russian)].
10. *Востоковедение в России* [*Oriental studies in Russia* (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/

VOSTOKOVEDENIE_V_ROSSII.html. https://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/ (дата обращения: 07.01.2023).

11. *Востоковедение* [*Oriental studies* (in Russian)]. – Электронный ресурс: URL: http://ensiklopediya.gov.az/az/terms/20290/cild/12http://ensiklopediya.gov.az/az/terms/20290/cild/12 (дата обращения: 07.01.2023).
12. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 1640. Оп. 1. Д. 27. Л. 173. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund. 1640. Case 1. Inv. 27. P. 173 (in Russian)].
13. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 1640. Оп. 1. Д. 40а. Л. 4. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR)*. Fund 1640. Case 1. Inv. 40a. P. 4 (in Russian)].
14. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 387. Оп. 1. Д. 45. Л. 11–12, 13, 18. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR)*. Fund 387. Case 1. Inv. 45. P. 11–12, 13, 18 (in Russian)].
15. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 389. Оп. 1. Д. 27. Л. 4. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund 389. Case 1. Inv. 27. P. 4 (in Russian)].
16. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 389. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–5. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund 389. Case 1. Inv. 30. P. 1–5 (in Russian)].
17. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР*). Ф. 389. Оп. 1. Д. 30. Л. 1, 2, 6. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund 389. Case 1. Inv. 30. P. 1, 2, 6 (in Russian)].
18. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 389. Оп. 1. Д. 37. Л. 4–5. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund 389. Case 1. Inv. 37. P. 4–5 (in Russian)].
19. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 389. Оп. 1. Д. 180. Л. 11, 39, 74, 97, 144. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund 389. Case 1. Inv. 180. P. 11, 39, 74, 97, 144 (in Russian)].
20. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР*). Ф. 411. Оп. 1. Д.1339. Л. 3. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR).* Fund 411. Case 1. Inv. 1339. P. 3 (in Russian)].
21. *Государственный Архив Азербайджанской Республики (ГААР).* Ф. 57. Оп. 1. Д. 174. Л. 88, 94. [*State Archive of the Republic of Azerbaijan (GAAR)*. Fund 57. Case 1. Inv. 174. P. 88, 94 (in Russian)].
22. Дадашзаде М. А. Институт литературы и языка им. Низами. *Известия Азербайджанского филиала Академии наук СССР.* Баку. 1942. № 11. [Dadashzade M. A. Institute of Literature and Language. Nizami. *Proceedings of the Azerbaijan Branch of the Academy of Sciences of the USSR.* Baku. 1942. No. 11. (in Russian)].
23. Из истории развития науки и научных учреждений в Азербайджане (1921–1945 гг.). *Азербайджанские архивы.* 1984. № 1. [From the history of

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

the development of science and scientific institutions in Azerbaijan (1921–1945). *Azerbaijan Archives,* 1984. No. 1. (in Russian)].

24. *Институт Востоковедения имени акад. З. М. Буниятова Национальной Академии наук Азербайджана* [*Institute of Oriental Studies named after acad. Z. M. Buniyatov of the National Academy of Sciences of Azerbaijan* (in Russian)]. – Электронный ресурс: URL: http://www.orientalstudies.az/ru/index (дата обращения: 07.01.2023).
25. Иоффе А. Е. *Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917–1932 гг.* М.: Наука, 1975 [Ioffe A.E. *International relations of Soviet science, technology and culture. 1917–1932.* Moscow: Nauka, 1975 (in Russian)].
26. Исмаилов Э. *История «большого террора» в Азербайджане*. М.: Политическая энциклопедия, 2015 [Ismailov E. *The history of the "great terror" in Azerbaijan.* Moscow: Politicheskaya encyclopedia, 2015 (in Russian)].
27. *История Института востоковедения Российской академии наук* [*History of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*]. – Электронный ресурс: URL: https://www.ivran.ru/about-institute/history (дата обращения: 07.01.2023).
28. Керимова Т. Бакинский период в жизни и научном творчестве Пантелеймона Крестовича Жузе. *Современная научная жизнь России.* М., 2014. №1. С. 85–92 [Kerimova T. The Baku period in the life and scientific work of Panteleimon Krestovich Zhuze. *Modern scientific life in Russia.* Moscow, 2014. No. 1, pp. 85–92 (in Russian)].
29. Керимова Т. *Из истории Национальной Академии наук Азербайджана.* Баку: Тахсил, 2005 [Kerimova T. *From the history of the National Academy of Sciences of Azerbaijan*. Baku: Takhsil, 2005 (in Russian)].
30. Керимова Т. Съезд, объединивший тюркский мир (посвящается 90-летнему юбилею Первого Всесоюзного Тюркологического съезда). *Известия Национальной академии наук Азербайджана*. Серия Общественных наук. Баку, 2016. № 3. С. 20–34 [Kerimova T. Congress that united the Turkic world (dedicated to the 90th anniversary of the First All-Union Turkological Congress). *Proceedings of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Social Sciences Series.* Baku, 2016. No. 3, pp. 20–34 (in Russian)].
31. Керимова Т. Репрессированная наука Азербайджана (30-е годы XX столетия). *Azərbaycan Tarixi Muzeyi-2005.* Bakı, 2005. С. 326–342. [Kerimova T. Repressed science of Azerbaijan (30s of the XX century). *Azərbaycan Tarixi Muzeyi-2005*. Bakı, 2005, pp. 326–342 (in Russian)].
32. Маковельский А. О. *Азербайджанский Государственный университет им. Ленина. Первое десятилетие. 1919–1929.* Баку: Издательство АГУ, 1930. [Makovelsky A. O. *Azerbaijan State University Lenin. First decade. 1919–1929*. Baku: Izdatel'stvo AGU, 1930 (in Russian)].
33. Мусабеков Г. Привет научному центру Азербайджана! Новое достижение на культурном фронте. *Бакинский рабочий.* 1929. 22 октября [Musabekov G. Greetings to the scientific center of Azerbaijan! A new achievement on the cultural front. *Bakinskiy rabochiy.* 1929. October 22 (in Russian)].

34. *Наука и техника Советского Азербайджана. Летопись важнейших событий (1920–1987 гг.)*. Под. ред. акад. Т. Н. Шахтахтинского и др. Баку: Элм, 1987. [*Science and technology of Soviet Azerbaijan. Chronicle of the most important events (1920–1987)*. Under. ed. acad. T. N. Shakhtakhtinsky and others. Baku: Elm, 1987. (in Russian)].
35. *Научный Архив Института истории НАН Азербайджана (НАИИ НАНА)*. Ф. 1. Оп. 18. Д. 8370. Л. 124. [*Scientific Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (NAII NANA).* Fund 1. Case 18, Inv. 8370. P. 124 (in Russian)].
36. *Научный архив Института Истории Национальной Академии наук Азербайджана (НАИИ НАНА*). Ф. 6. Оп 2. Д. 199. Л. 84 [*Scientific Archive of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (NAII NANA).* Fund 6. Case 2. Inv. 199. P. 84 (in Russian)].
37. *Первый Всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля – 6 марта 1926. Стенографический отчет.* Баку: Бакинский рабочий, 1926. [*First All-Union Turkological Congress. February 26 — March 6, 1926. Verbatim record*. Baku: Bakinskiy Rabochiy, 1926 (in Russian)].
38. Шаститко П. М. *Востоковедение в России* [Shastitko P. M. *Oriental studies in Russia* (in Russian)]. — Электронный ресурс: URL: http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/c7090e4d-38d6-b57e-889a-fb5af9d3b53e/1010378A.htm (дата обращения: 05.01.2023).
39. *Azərbaycan şərqşünaslıq elminin banisi akademik Əbdülkərim Əlizadə (sənədlər, məktublar, xatirələr)*. Red. prof. Y. M. Yaqubov. Bakı: Elm, 2005. [*Academician Abdulkarim Alizadeh, the founder of Azerbaijani oriental studies (documents, letters, memories)*. Ed. prof. Y. M. Yagubov. Baku: Elm, 2005, p. 99 (in Azerbaijani)].
40. Rəfili M. Şahnamə (Firdovsinin anadan olmasının 1000 illiyi). *İnqilab və mədəniyyət*. Bakı, 1934. № 9–10. [Rafili M. Shahnameh (1000th anniversary of Ferdowsi's birth). *Revolution and culture.* Baku, 1934. No. 9–10 (in Azerbaijani)].
41. Şərif Ab. Azərbaycanda böyük elmi mərkəz. *İnqilab və mədəniyyət*. Bakı, 1930. № 2–3. S. 48–49 [Sharif Ab. A large scientific center in Azerbaijan. *Revolution and culture*. Baku, 1930. No. 2–3, pp. 48–49 (in Azerbaijani)].

Информация об авторе

Керимова-Коджаева Тамилла Сабир кызы — кандидат исторических наук, доцент Института истории им. А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджан, *tomakerimova50@gmail.com*

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена рецензентами 01.03.2023; принята к публикации 15.03.2023; опубликована 30.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Kerimova– Kojayeva Tamilla Sabir kizi — PhD (Hist.), Leading Researcher, Associate Professor of the Institute of History named after A. Bakihkanov of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan, *tomakerimova50@gmail.com*

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 15.03.2023; published 30.03.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

PHILOSOPHY OF THE EAST
ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

- Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

  Философская антропология, философия культуры

- Philosophy of Religion and Religious Studies

  Философия религии и религиоведение

Научная статья Философские науки
УДК 930.272
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-119-142

Российский «ориентализм» против корейского «позитивизма»: к переводу биографий (Ёльчон) из «Исторических записей Трёх государств (Самгук саги)» на английский язык[1]

Александр Валерьевич Соловьёв

НИУ Высшая школа экономики, Москва, Россия,
alexsolovievster@gmail.com, http//orcid.org/0000-0003-2897-0909

Аннотация. Недавнее (2018–2020) появление объемного (хотя и неполного) корпуса комментированных переводов биографического раздела «Исторических записей Трёх государств (Самгук саги)» — древнейшей из сохранившихся корейских летописей — на английский язык делает актуальным его сопоставление с переводом отечественных корееведов, выполненным в 2000–2002 гг. Сопоставительный анализ позволит выделить характерные особенности обоих стилей, выявить разночтения в передаче исторических реалий периода Трёх государств и нюансы трактовки и интерпретации некоторых базовых историко-философских понятий и принципов. В первую очередь нас будут интересовать вопросы мироустроительного характера (включая принципы управления государством, сочетания конфуцианского, даосского и буддийского духовного субстратов в общей философии текста, особенности выделения тех или иных добродетелей у героев исторического нарратива), а также манифестации сверхъестественных сил и явлений. В заключении мы предложим аргументы как в пользу, так и против идеи, вынесенной в ее заголовок.

Ключевые слова: «Самгук саги», «Ёльчон», комментированный перевод, сравнительный анализ, разночтения, интерпретация, контекстность, конструктивизм, позитивизм, репрезентация

[1] Тезисы этой статьи были апробированы на научно-практическом семинаре «История и историография древней и средневековой Кореи», посвященного 30-летию Международного центра корееведения МГУ 17 сентября 2022 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Соловьёв А. В., 2023
© Ориенталистика, 2023

Для цитирования: Соловьёв А. В. Российский «ориентализм» против корейского «позитивизма»: к переводу биографий (Ёльчон) из «Исторических записей Трёх государств (Самгук саги)» на английский язык. *Ориенталистика*. 2023;6(1):119–142. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-119-142.

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-119-142

Russian orientalism vs. Korean positivism: reflections on the translation of biographies (Yŏlchŏn) from the Historical Records of the Three Kingdoms (Samguk Sagi) into English

Alexander V. Solovyov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
e-mail: alexsolovievster@gmail.com, http://orcid.org/0000-0003-2897-0909

Abstract. The recent (2018–2020) appearance of a voluminous (though incomplete) corpus of annotated translations of the biographical section of the Historical Records of the Three Kingdoms (Samguk sagi) — the oldest surviving Korean chronicle — into English warrants us to compare it with the Russian translation undertaken in 2000–2002. A comparative analysis will allow us to highlight the characteristic features of both styles, identify discrepancies in the representation of historical realities of the Three Kingdoms period and the nuances of interpretation of basic concepts and principles of historical philosophy. First, we will take on the primary aspects of world-building (including principles of state management, combination of Confucian, Taoist and Buddhist spiritual substrata in the general philosophy of the text, features of allocation of certain virtues to the heroes of historical narration), as well as manifestations of supernatural forces and phenomena. We will conclude by offering arguments both for and against the idea put in its title.

Keywords: “Samguk sagi”, “Yŏlchŏn”, annotated translation, comparative analysis, varied readings, interpretation, contextuality, constructivism, positivism, representation

For citation: Solovyov A. V. Russian “Orientalism” vs. Korean “Positivism”: some notes on the translation of Biographies (Yŏlchŏn) from the Historical Records of the Three Kingdoms (Samguk Sagi) into English. *Orientalistica*. 2023;6(1):119–142(in Russian). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-119-142.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Solovyov A. V., 2023
© Orientalistica, 2023

Введение

Летопись «Самгук саги (Исторические записи Трёх государств)», составленная группой придворных историографов периода Корё под руководством Ким Бусика (1075–1151) в середине XII в., описывает события на Корейском полуострове и вокруг него с I в. до н. э. по IX в. н. э. и во многом определяет сегодняшнее восприятие древней и раннесредневековой истории и культуры Кореи — хотя бы потому, что является древнейшим из сохранившихся до наших дней историческим текстом о том периоде. Дискуссия об уровне надежности этой летописи как исторического источника продолжается, фактически, и сегодня — см., например: [Best, 2016; Byington, 2016], хотя важность и аутентичность «Самгук саги», пожалуй, уже не оспаривается [Na et al, 2018, p. 193]. После выхода в свет в 2002 г. третьего тома русского перевода «Исторических записей» [Ким Бусик, 2002] отечественный трехтомник[1] до сих пор остается единственным полным комментированным переводом этого памятника средневековой корейской историографии на какой-либо язык, кроме корейского.

Западные (прежде всего англоязычные) корееведы, разумеется, также вели кропотливую работу по переводу «Самгук саги». Так, в 2006 г. Джонатан Бест представил комментированный перевод «Летописей Пэкче (Annals of Baekje)» [Best, 2006], а в 2011 и 2012 гг. вышли, соответственно, «Летописи Когурё (Annals of Goguryeo)» и Летописи Силла (Annals of Silla)» в совместном переводе Эдварда Шульца и Хью Кана [Shultz and Kang, 2011; 2012]. Следующим шагом стал перевод раздела биографий[2], причем авторы этого перевода — группа корейских историков, собранная под эгидой Академиии корееведения (Academy of Korean Studies, 한국학중앙연구원, AKS) — отмечают, что в силу «богатства содержания и разнообразия исторических фигур», чьи жизнеописания представлены в биографическом разделе, первод *Ёльчон* «должен был бы стать приоритетной задачей» [Na et al, 2018, p. 194]. Отдельные фрагменты этого раздела переводились на английский и раньше (полный их перечень см. [Na et al, 2018]), но проект Академии корееведения предполагал системный, последовательный комментированный перевод.

---

[1] Работа по переводу и изданию третьего тома «Самгук саги» велась под руководством выдающегося отечественного корееведа М. Н. Пака (первые два тома этого памятника — «Летописи Силла» [Ким Бусик, 1959, 2001] и «Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы» [Ким Бусик, 1995] М. Н. Пак перевел и подготовил к изданию в 1959 и 1995 гг. соответственно). В работе над третьим томом участвовали Л. Р. Концевич, А. Ф. Троцевич, Р. Ш. Джарылгасинова, С. В. Волков, В. М. Тихонов, А. В. Соловьёв.

[2] Следуя в основном структурному образцу, заложенному в «Ши цзи» («Исторических записках») китайского историографа Сыма Цяня (145–87? до н. э.), «Самгук саги» состоят из следующих разделов: «Летописи (или Основные записи)» (本紀; кор. — *Понги),* передающие основные политические события в государствах по годам правления корейских ванов, «Хронологические таблицы» (年表; кор. — *Ёнпхё),* «Различные описания» (雜志; кор. — *Чапчи)* и «Биографии (в востоковедной литературе также часто употребляется термин «Жизнеописания») (列傳; кор. — *Ёльчон)».*

В 2018 г. появились первые результаты проекта — в журнале *The Review of Korean Studies* вышел английский перевод первых трех глав (или свитков — *квонов*)«Биографий», главным героем которых был выдающийся полководец и государственный деятель периода расцвета государства Силла Ким Юсин [Na et al, 2018]. Затем, в том же году, появился перевод 4-й и 5-й глав [Lee, Shin, 2018], в 2019 г. — шестой [Na, Shin, 2019] и в 2020 г. — седьмой главы [Kwon, Shin, 2020][3]. Появление нового корпуса переводов позволяет сравнить подходы к интерпретации первоисточника отечественных и зарубежных корееведов (тем более, что при переводе третьего тома на русский активно использовалось пятитомное издание комментированного перевода «Самгук саги» на современный корейский язык, осуществленное AKS под руководством Чон Губока в конце XX в. [Чон и др., 1996–1998]). Сопоставление переводов полезно и для анализа самого оригинала, и для выявления особенностей различных школ корееведения.

Начав с общих соображений о принципах и подходах к переводу, мы выделим характерные особенности обоих стилей, указав некоторые причины разночтений и передачи реалий периода Трёх государств. Затем обсудим нюансы трактовки и интерпретации эпизодов, относящихся к вопросам общественных взаимоотношений (включая управление государством), а также манифестации сверхъестественных сил и явлений. В заключении статьи мы предложим аргументы как в пользу, так и против идеи, вынесенной в ее заголовок.

Структурно-синтаксические и стилистические различия

Сама подача — репрезентация — оригинального хамунного (иероглифического) текста в английском переводе сильно облегчает задачу сравнения. Оригинальный текст адаптирован (разбит на предложения и фразы, снабжен точками и другими знаками препинания[4] — все эти элементы в самом оригинале, естественно, отсутствуют). Он разделен на фрагменты (абзацы), также отсутствующие в оригинальном тексте. За каждым таким абзацем идет перевод с комментариями, которые даются в виде постраничных сносок[5]. В отечественном переводе такого разбиения на абзацы нет — макроструктура текста следует структуре оригинала, зато представлены средства навигации по тексту: знаком «//» в тексте перевода обозначается переход страниц оригинала, а на полях указывается номер страницы ксилографа.

Общей чертой обоих переводов можно считать нарративный подход — и отечественные, и корейские переводчики скорее предлагают близкое

[3] На этом проект пока, к сожалению, приостановился. Работая над этой статьей, автор списался с руководителем проекта — профессором Син Джонсу — и тот подтвердил, что перевод оставшихся трех глав отложен (как он надеется, временно).

[4] В *квонах* 41–45 (главы 1–5 *Ёльчон*) смысловые единицы отделены друг от друга пробелами, в *квонах* 46 и 47 — запятыми с пробелами.

[5] Как представляется, это делает английский перевод очень перспективным учебным материалом для преподавания курсов ханмуна.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

к тексту переложение, литературный пересказ[6]. Этот подход серьезно отличается от принятой, скажем, Ю. В. Болтач строгой передачи исходного текста памятника, «чтобы каждое слово китаеязычного оригинала имело соответствие в русском варианте, и наоборот — чтобы все добавленные нами слова… были четко отграничены от текста памятника» [Ирён, 2018, с. 62]. Такой подход требует не только лексической, но и грамматической строгости — вплоть до «калькирования грамматики» и стилистики, повтора шероховатостей, нарушения порядка слов и т. п. [Ирён, 2018].

Строгий подход, в отличие от нарративного, позволяет намного точнее передать синтаксическую структуру памятника, но несколько затрудняет восприятие самого повествования. Нарративный — делает текст более литературным и читабельным. В принципе, нарративный подход можно считать вполне легитимным в рамках традиций отечественного востоковедения, тем более — при переводе биографий, жанрово и структурно основанных на китайской традиции составления биографических описаний *Ле чжуань*, которые «больше, чем любой из пяти разделов «Ши цзи», демонстрируют собой единство истории и литературы» [Вяткин, 1996, с. 22].

Такая модель позволяет и отечественным, и корейским переводчикам определенные «вольности» — в частности, они далеко не всегда сохраняют оригинальную разбивку на предложения, структурируя текст перевода в соответствии скорее с литературным вкусом языка перевода. Наиболее заметно это проявляется при работе с объемными повествовательными фрагментами. Вот типичный пример такого подхода:

羅人患無以知人 欲使類聚羣遊 以觀其行義 然後擧用之. 遂取美貌男子 粧飾之 名花郎 以奉之 徒衆雲集. 或相磨以道義 或相悅以歌樂 遊娛山水 無遠不至. 因此知其邪正 擇而薦之於朝[7].

“The people of Silla worried only that they would not recognize talented men. They allowed young men to associate with one another and observed their behavior and intentions. Then they were assigned tasks, and eventually the good-looking men were chosen. They were adorned, their faces powdered. And they were called *hwarang*. People looked up to them and flocked to them like clouds. Sometimes they cultivated moral principles amongst themselves; other times they delighted in song and music. They went everywhere, traveling across mountains and rivers. Because of this, the people knew who was proper, and would make recommendations to the royal court” [Kwon, Shin, 2020, p. 361].

«Озабоченные тем, как бы не проглядеть [достойных] людей, в Силла стали собирать [молодых людей] для совместных развлечений и, наблюдая за их поведением, затем отбирали [среди] них [подходящих] для использования на службе. Так отбирали прекрасных обликом молодых людей, наряжали их, называли их хваранами (“цветущая молодежь”) и почитали их. Группы

[6] При этом нельзя утверждать, что отечественный перевод следует модели AKS — в гораздо большей степени он воспроизводит подход М. Н. Пака к переводу первого и второго томов «Самгук Саги».

[7] Иероглифические фразы в статье приводятся в соответствии с их написанием в соответствующих англоязычных статьях ([Na et al, 2018; Lee, Shin, 2018; Na, Shin, 2019; Kwon, Shin, 2020]), если не указано иное.

[хваранов] собирались, подобно облакам (во множестве); одни совершенствовались в моральных принципах, другие развлекали себя музыкой и песнями, они любили путешествия по горам и рекам, и не было даже самых отдаленных мест, где бы они не побывали. Таким образом узнавали их достоинства и недостатки, чтобы отобрать [лучших] и представить ко двору (на службу)» [Ким Бусик, 2002, с. 178].

Как правило, общий смысл оригинала при переводе передается достаточно точно и серьезных расхождений в отечественном и английском вариантах не возникает. Различия могут формироваться на уровне синтаксиса — и в этих случаях время от времени возникают довольно заметные структурные расхождения.

Так, в комментарии историографа (史論) к биографии Ким Юсина цитирование китайских классических произведений в оригинальном тексте — 論曰 唐李絳對憲宗曰 “遠邪佞 進忠直 與大臣言 敬而信 無使小人參焉 與賢者遊 親而禮 無使不肖預焉” 誠哉 斯言也 實為君之要道也. 故書曰 「任賢勿貳 去邪勿疑」— переводчики воспринимают по-разному. В результате в англоязычном переводе даются две цитаты, разбитые дидактическим замечанием самого историографа [Na et al, 2018, p. 258–259], а в отечественном — весь отрывок выглядит как единая цитата из биографии Ли Цзяна (из «Синь Тан шу»), внутри которой скрыта цитата из «Шу цзин» [Ким Бусик, 2002, с. 140]:

“Commentary: Li Jiang of Tang said in front of Emperor Xianzong, ‘Stay away from the wicked and sycophantic, and employ the loyal and upright. When speaking with high officials, treat them with respect and trust. Do not have petty men participate in government. When associating with worthies, be intimate yet courteous. Do not allow unworthy men to interfere’. How trustworthy this saying is! Truly this is the essential way for the ruler. Hence, the Book of Documents says, ‘In your employment of men of worth, let none come between you and them. Cast aside evil without hesitation’ ”.

«Во времена Тан Ли Цзян сказал [императору] Сянь-цзуну (805–820): “Отдалять порочных и льстивых, выдвигать преданных и прямых; вести уважительные и доверительные беседы с высшими сановниками и делать так, чтобы мелкие людишки (*сяо жэнь*) в них не участвовали; развлекаться вместе с мудрыми, приближать их с соблюдением приличия и делать так, чтобы недостойные в этом не участвовали — о, сколь истинны эти слова, они действительно определяют путь поведения, необходимый государю! Вот почему в Шу [цзине] говорится: ‘Давая поручения мудрому, не [думайте] о другом кандидате! Устраняя порочного, не сомневайтесь!’ ”...».

Однако в некоторых случаях различия становятся не только структурно-синтаксическими, но и смысловыми. Так, в отечественном переводе композиция комментария историографа к биографии Чан Бого (*квон* 44) аналогична той, что предлагается в английском переводе из предыдущего примера (между цитатами из «Фаньчуань (вэнь) цзи» Ду Му и «Синь Тан шу» располагается комментарий самого Ким Бусика [Ким Бусик, 2002, с. 151–152]), тогда как в английском переводе — это просто два последовательных комментария, компиляция из китайской классики, в которой нет ни слова от

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

самого Ким Бусика [Lee, Shin, 2018, p. 206–210][8]. Разнятся и передача причинно-следственных связей, и мотиваций героев эпизода. Так, в российском переводе отрывок 保皐任年事 出於己 年且饑寒 易為感動 выглядит так: «То, что [Чан] Бого предоставил [Чон] Нёну службу, было его собственным решением, так как нужда и голод [Чон] Нёна легко [могли] растрогать [Чан] Бого» [Ким Бусик, 2002, с. 152], а в английском — так: “Bogo entrusted Nyeon with the task on his own decision. Nyeon, in the grip of hunger and cold, was easily moved by this” [Lee, Shin, 2018, p. 208][9]. Отличается и передача ключевых добродетелей, определявших поведение героев в этом эпизоде: понятие 常情 в отечественном варианте переводится как «сострадание», а в английском — как “decency” («благопристойность, добронравие»).

Разночтения подобного рода можно обнаружить, например, при описании встречи Ким Юсина с таинственным старцем в пещере горы Чунак в *квоне* 41. Беседа двух героев в оригинале завершается так: 言訖而辭 行二里許 追而望之 不見. Переводные версии существенно различаются в деталях: “Having thus spoken, the old man took leave and walked for about two *ri*. Yusin pursued him, but he was nowhere in sight” [Na et al, 2018, p. 208] — «Закончив разговор, они попрощались. Не пройдя и двух ли, [Юсин] обернулся, чтобы взглянуть вслед [старику], но его не было видно» [Ким Бусик, 2002, с. 121]. Однако на общем сюжете такие различия, как правило, почти не сказываются[10].

Для полноты картины стоит, пожалуй, отметить еще несколько разночтений. Любопытный пример — перевод выражения 流血浮杵. Английский вариант предлагает достаточно легко читаемую метафору ожесточенной битвы: “blood flowed so heavily that shields floated in it” [Na et al, 2018, p. 255], в то время как отечественный — довольно странную конструкцию: «кровь текла [такими потоками, что] могли поплыть пестики от ступок» [Ким Бусик, 2002, с. 128]. При этом русскоязычный вариант гораздо ближе к оригиналу: у иероглифа 杵действительно есть значение «пестик». Однако у него есть и другое значение — «палица, боевая дубина» (а значения «щит» (“shield”)

[8] В силу разницы семантических трактовок в российском переводе не оговаривается, что этот комментарий историографа является полной компиляцией.

[9] При оценке этого эпизода нужно учитывать весь контекст самого комментария, в котором отношения Чан Бого и Чон Нёна сопоставляются (с точки зрения проявления конфуцианских добродетелей) с взаимоотношениями их китайских аналогов эпохи правления танского императора Сюань-цзуна во время мятежа Ань Лушаня (755 г.) — Го Фэньяня и Ли Линьхуая. Учитывая годы жизни Чан Бого (787–846), их можно назвать почти современниками. Еще одна подобная историко-литературная пара «друзей-соперников» — центурионы Тит Пулон и Луций Ворен, упомянутые в «Записках о галльской войне».

[10] Список таких разночтений можно продолжать (頗多釀辭 — “too many invented stories” [Na et al, 2018, p. 285] — «много лишних слов» [Ким Бусик, 2002, с. 140]; 目挑之 — “He cast his eyes on her” [Na et al, 2018, p. 204] — «Он взглядом привлек ее к себе» [Ким Бусик, 2002, с. 120]; 竇 — “opening” [Na et al, 2018, p. 204, прим. 29] — «окошко» [Ким Бусик, 2002, с. 121]; 六陣兵法 — “six formations” [Na et al, 2018, p. 256] — «шесть колонн» [Ким Бусик, 2002, с. 140]). Однако, как уже было сказано, на общий ход повествования и на восприятие текста они почти не влияют.

у него нет). И при использовании его «боевого» значения метафора могла бы стать еще выразительней[11]. Расхождений такого рода в переводах совсем немного, но для исследователя, полагаем, они представляют особый интерес.

Еще одна группа разночтений обязана своим появлением разнописям в резных версиях оригинала, к которым обращались переводчики. Если корейские ученые полагаются на издание 1512 г. (*Чондок пон*), которое они считают наиболее близким к оригиналу, то отечественные традиционно используют экземпляр «Самгук саги» из коллекции видного российского дипломата и востоковеда П. А. Дмитревского, хранящийся в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге.

Типичный пример такого расхождения можно встретить в биографии Кодо в 44 *квоне*. Фразы в *Чондок пон* и в тексте из коллекции Дмитревского отличаются одним иероглифом (выделен полужирным. — *А. С.*): 時人稱為馬**技** — 時人稱為馬**叔**. Соответственно, отличается и перевод: “People at that time came to call this play the feats of horsemanship” [Lee, Shin, 2018, p. 181] — «Люди того времени называли его “лошадиным дядькой”» [Ким Бусик, 2002, с. 144]. Порой в результате таких расхождений в тексте оригинала смысл фразы может измениться на противоположный: 所不與師**同**好者 — 所不與師**相**好者 (“this would be something from which neither one of us could take enjoyment” [Lee, Shin, 2018, p. 177] — «…мы вместе разделим радость [встречи]» [Ким Бусик, 2002, с. 144]).

Еще одна группа отличий явно отражает разницу в подходах. В отечественном переводе чины и должности как правило не переводятся, а транскрибируются, в английском — переводятся по смыслу (дословно): «Юсин, занимавший [должность] *чунан танджу*» — “Yusin was the Commander of the Central Banner”; «стал военным правителем…» — “became adjutant grand commander”; “pacification commander of Daeryang-ju Various Military Affairs” — «командующий войсками области Тэрянджу (*анму Тэрянджу чегунса*)» и т. д.[12] В отечественной традиции приняты оба подхода — так, в переводе «Ши цзи» встречаются и переводы должностей и званий, и транслитерация, а Ю. В. Болтач в «Самгук юса» переводит практически все чины и многие титулы, следуя разработанной выдающимся отечественным китаистом В. М. Рыбаковым системе перевода танских административных терминов на русский [Ирён, 2018, с. 55; Рыбаков, 2009]. У каждого из них есть свои достоинства и недостатки. Так, названия некоторых чинов, упоминаемых в «Самгук саги» — *тэса* или *саджи*, например, полностью совпадают с названиями распространенных должностей [Ким Бусик, 2002, с. 268], что может запутать неподготовленного читателя. С другой стороны, дословный перевод того же военного звания *танджу* («начальник знамени») мало что дает для понимания места его носителя в командной цепочке, ибо различных вариантов *танджу* было довольно много (в «Различных описаниях» упоминаются 11 видов *танджу* [Ким Бусик, 2002, с. 110–112]) и в разных военных частях

[11] Вообще, выражение 流血浮杵 — очевидная аллюзия на выражение 血流漂杵 из «Шу цзин» (с тем же значением — «реки крови [в ожесточенном бою]»).

[12] Впрочем, иногда перевод должности появляется и в российском варианте — например, «начальник знамени (*танджу*)» [Ким Бусик, 2002, с. 12].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

танджу был облечен разным объемом власти. Кроме того, в английском переводе один и тот же чин / должность может соответствовать разным чинам / должностям оригинала: так, «заместителем командующего (adjutant grand commander)» называют и Ким Мурёка, бывшего военным правителем (道行軍摠管) области Синджу [Na et al, 2018, p. 203][13], и Ким Юсина, бывшего командующим (大摠管) [Na et al, 2018, p. 222], и Ким Сохёна, бывшего правителем (摠管) области *Янджу [Na et al, 2018, p. 245].

Разночтения встречаются также и при передаче личных имен: Им Ённи — Immalli; Тхэджон-Мурёль — Taejong-Muyeol; Пинёнджа — Biryeongja; Чхонджэ — Cheonjon; Гао Сюэлинь (ошибочно) — Gao Helin; Чхубок (ошибочно) — Chwibok; Кучхахю — Gujahyu (ошибочно). Есть разночтения и при передаче топонимов: Инбаксан (горный массив в 35 ли к югу от Кёнджу) — Mount Yeolbak (Yeolbak Pass in Ulsan, Ulju.); Чансэк — Jangsae; гора Косан — high mountain.

Наконец, в английском переводе названия годов правления после принятия государыней Чиндок в 650 г. н. э. китайского календаря даются в китайской транскрипции (например, Yonghui [Na et al, 2018, p. 226]). В русском же переводе и после этого названия годов даются в корейской транскрипции (этот год назван годом Юн-си) [Ким Бусик, 2002, с. 129].

Стоит также отметить стилевые расхождения. В русском переводе метафоры оригинала часто переводятся дословно; в англоязычном — передается их смысл: 龍顔 — Драконий лик [Ким Бусик, 2002, с. 137] — Your Majesty's face [Na et al, 2018, p. 247]. Русский перевод более склонен к «высокому стилю», английский — к упрощенной передаче: 居柒夫少 跅弛有遠志 — «С малых лет Кочхильбу, отринув суетное[14] и лелея высокие устремления» [Ким Бусик, 2002, с. 143] — "When he was young, Geochilbu followed his whims but had far-reaching ambitions" [Lee, Shin, 2018, p. 176]. Схожий пример — перевод отрывка 精神朗秀 器宇深沈 из биографии Ким Хына (44-й *квон*): «…человек ясного и выдающегося ума, глубоко нравственный и великодушный» [Ким Бусик, 2002, с. 149] — "…had a mind of great capacity, making him qualified for the job" [Lee, Shin, 2018, p. 198]. В этом случае русский перевод представляется более корректным. В других случаях — таких, например, как биография Садахама в 44 *квоне* [Ким Бусик, 2002, с. 152–153; Lee, Shin, 2018, p. 210–211] или обстоятельства болезни *каккана* Чхунгона в биографии *Нокчина в 45 *квоне* [Ким Бусик, 2002, с. 156–157; Lee, Shin, 2018, p. 218–222] более корректной представляется англоязычная версия.

Впрочем, иной раз именно русский перевод стремится как можно точнее передать структуру оригинала, что сказывается на стиле не лучшим образом. Так, отрывок 故紂有億兆人 離心離德 в отечественном варианте передан следующим образом: «Поэтому иньский Чжоу Синь, обладая мириадами людей без людских сердец и без добродетелей…» [Ким Бусик, 2002, с. 126]. В английском — так: «Therefore, in the past, King Zhou had millions of men, but they were

[13] При этом в комментарии к этому сообщению та же должность переводится как military governor [Na et al, 2018, p. 203, прим. 14].

[14] Здесь, к сожалению, в отечественном переводе допущена досадная оплошность: сочетание 跅弛означает «распущенный, не знающий удержу».

divided in heart and practice» [Na et al, 2018, p. 220–221]. Стилистически более выигрышен был бы, пожалуй, оборот «между ними не было единодушия и единства», но даже этот вариант не в состоянии обыграть очень важную конфуцианскую максиму о единстве намерений и действий, на которую намекает оборот из «Шу цзин» 離心離德, дословно действительно означающий «разобщенный (лишенный) в сердце и в добродетели», то есть находящийся в моральном разладе с обществом и самим собой.

Иной пример такого рода — перевод отрывка из клятвы Чхандока из биографии Хэрона в 47 *квоне*. Перед лицом существенно превосходящего по силе противника, Чхандок восклицает: 與其無義而生, 不若有義而死. Оба перевода передают эту речь достаточно точно: “I would rather die with honor[15] than live with disgrace!” [Kwon, Shin, 2020, p. 344] и «Чем жить без чести *(муый)*, лучше умереть, исполняя долг!» [Ким Бусик, 2002, с. 172]. Но в русском сохранена синтаксическая структура оригинала, хотя вариант «Чем жить в позоре, лучше умереть [с честью], исполнив [свой] долг!» представляется еще более выразительным.

В целом можно сказать, что фундаментальных структурно-синтаксических или стилистических отличий между русским и английским переводами нам выявить не удалось. Тем не менее, обнаруженные расхождения (в статье приведены далеко не все) должны стимулировать корееведов к дальнейшему изучению текста источника, к уточнению и возможной корректировке имеющихся переводов.

Контекстуальные и интерпретационные различия

Прежде всего, в английском переводе стоит отметить существенно больший объем и масштаб комментариев. Переводчикам AKS удалось выявить и указать гораздо больше расхождений с «Основными записями», чем в русском издании. Комментарии предлагают более широкую историко-политическую перспективу (так, например, объясняется, почему Гао-цзун в 70-х гг. VII в. принял извинения и подношения вана Мунму и оставил попытки покарать государство Силла за неповиновение — дело в том, что в тот период Танскую империю гораздо сильнее беспокоили постоянные атаки тибетцев на Сычуань [Lee, Shin, 2018, p. 190, прим. 90]). Кроме того, каждой биографии переводчики предпосылают подробные биографические справки в примечаниях о предках и родственниках героев «Биографий». Наконец, очень разнообразны и богаты историографические заметки об источниках, использованных Ким Бусиком.

Однако самыми интересными нам представляются различия в репрезентации в переводах ключевых принципов общественных отношений и взаимодействий. Конфуцианское летописание изначально призвано не только передавать хронологию исторических событий. Летопись должна быть своего рода гигантским «консультационным справочником», предназначенным для содействия управлению государством. Если определять государство как

[15] Канонический перевод названия одной из базовых конфуцианских добродетелей 義 — righteousness.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

систему, то можно сказать, что основной задачей летописи становится системное консультирование — предоставление нужных сведений, основанных на исторических прецедентах, классических управленческих концепциях и рекомендациях (также прецедентного характера).

Основной целью конфуцианского историографа, создающего инструмент государственного управления, всегда был предметный показ исторических уроков из жизни предшествовавших поколений для того, чтобы современники и потомки могли делать из этого правильные выводы. Задача летописи, сформулированная самим Ким Бусиком в письме при поднесении вану «Исторических записей “Трёх государств”», состояла в том, чтобы исправить ситуацию, когда «нынешние мудрые мужи…, когда речь заходит о делах нашего государства, оказываются в полном невежестве, не знают ни начала их, ни конца», а древние записи «из-за грубого и несовершенного слога, из-за больших пропусков в фактических сведениях… непригодны для выявления добродетели и зла государей и государынь, преданности и предательства вассалов, умиротворения или смуты в государстве, благополучия или мятежности в народе, что могло бы служить назиданием для потомков», в то время как китайские хроники этого периода «не содержат больших подробностей… об иностранных делах» [Ким, 1959, 2001, с. 61]. Таким образом, текст «Исторических записей…», как и любое сакрализованное историческое произведение, выполняет социально корректирующую функцию («умиротворение народа»). Соответственно, нюансы в современной передаче способов «назидания потомков» могут продемонстрировать различия в подходах национальных школ корееведения.

Прежде всего стоит отметить, что российский перевод явно тяготеет к подчеркиванию сакрализированных (ритуальных) аспектов управления государством, тогда как в английском переводе можно проследить стремление к более приземленному прагматизму. Это сказывается и лексике, и на стиле перевода. Так, уже пожилой Ким Юсин, давая совет в 43 *квоне* идущим в битву полководцам, в российском переводе выражается довольно цветисто и даже несколько напыщенно: «[Полководец], “среди стрел и камней” решая судьбу битвы, должен обрести небесное благословление (Небесный Путь — *Тяньдао*) сверху, опираться на Земные законы (*Чжили*) снизу и сочувствие человеческих сердец — посредине. Лишь только при этом можно добиться успехов» [Ким Бусик, 2002, с. 136]. В английском переводе эта же фраза выглядит далеко не так возвышенно: “He determines victory or defeat in the middle of fierce battle. Only when he attains the heavenly way, understands topographic features, and wins human hearts, can he command success” [Na et al, 2018, p. 244].

Напутствуя перед своей кончиной вана Мунму, Ким Юсин (в русском переводе) проводит прямую причинно-следственную связь между политической и природной гармонией: «…и поступайте так, чтобы наверху, в правительстве (при дворе), [царили бы согласие и] мир, а внизу народ и все сущее [пребывали бы] в благополучии и спокойствии. [Тогда] не будет ни стихийных бедствий, ни смут, и основы государственности останутся неувядаемыми. И Ваш слуга умрет без всякого сожаления!» [Ким Бусик, 2002, с. 137]. В английском переводе причинно-следственная связь совершенно иная: “Up

in the court make harmony, and down among the people and other creatures make peace. If calamities do not occur and the dynastic foundations last forever, then your subject can die with no regrets" [Na et al, 2018, p. 248] — Ким Юсин сможет умереть спокойно, если в государстве не будет потрясений[16]. Английский перевод формально более точен — в оригинальном ханмунном тексте[17] нет прямого указателя на то, что «народ и все сущее» будут пребывать в благополучии, если при дворе будет царить согласие и мир. Отечественные переводчики реконструируют, «достраивают» эту логику, прямо указывая на это своей вставкой. При этом они руководствуются каноническими конфуцианскими представлениями о сакральной роли государя-умиротворителя.

Расхождения между версиями встречаются и там, где даосско-конфуцианская логика выражена в тексте явно и открыто. Так, интерпретируя аллюзию Ким Бусика на четвертую гексаграмму «И цзин», российский перевод указывает, что она «символизирует нераскрывшийся потенциал молодости — поскольку необученный юноша следует наставлениям учителя, судьба ему благоприятствует», и далее утверждает, что «Ким Бусик характеризует Силла как «идеальное государство», в которой отношения государя и подданных подобны отношениям пожилого учителя и юноши-ученика» [Ким Бусик, 2002, с. 294, прим. 64]. Интерпретация английского перевода отличается кардинально. Гексаграмма истолковывается как указание на то, что готовность занимающего высокое положение вести себя подобно ребенку — т. е. принимать советы от посторонних (нижестоящих) — приносит благо. Таким образом, «добродетельные государи Силла испрашивали совета у своих подданных, поэтому смогли свершить великое деяние — объединить три государства» [Na et al, 2018, p. 294, прим. 64]. В такой трактовке усматривается отсылка к даосской по происхождению традиции ритуального «самоумаления» — готовности уступить другому («…большое царство возьмет малое, если будет ниже него. Малое царство все получит от большого, если поместит себя ниже него» [*Дао-Дэ цзин*, гл. 61]).

Так же противоположна трактовка отсылки к Пяти гегемонам[18] в биографии Пак Чесана в 45 *квоне*. Если российские переводчики считают, что те в конфуцианской традиции персонифицируют «сильных и благородных правителей» [Ким Бусик, 2002, с. 305, прим. 44], то в английском переводе комментаторы обращают внимание на то, что гегемоны «не пользовались особенным уважением ученых-конфуцианцев, поскольку прибегали к обману, уловкам и иными недостойным ухищрениям в своих политических целях» [Lee, Shin, 2018, p. 232, прим. 307][19]. Соответственно, и переводы этого фраг-

[16] Как бы сказал по этому поводу один европейский философ, очень интересовавшийся Востоком, — «человеческое, слишком человеческое».

[17] 使朝廷和於上 民物安於下 禍亂不作 基業無窮 則臣死且無憾.

[18] Пять гегемонов — пять сильнейших князей эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.).

[19] Оценка роли и места Пяти гегемонов в социальной истории и истории общественной мысли Китая до сих пор остается предметом дискуссий. С одной стороны, то, что Пять гегемонов отложились от царства Чжоу, делает их изменниками. С другой, первые гегемоны — циский Хуань-гун и цзиньский Вэнь-гун получили титулы гегемонов официально от царей царства Чжоу.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

мента[20] противоположны по смыслу: «Обмен… сыновьями в качестве заложников не только не достоин поведения Пяти гегемонов…» [Ким Бусик, 2002, с. 160] — “Exchanging hostages makes us look inferior even to the Five Hegemons” [Lee, Shin, 2018, p. 232].

Стоит остановиться еще на одном принципе социальных взаимоотношений, который комментаторы как русского, так и английского перевода несколько обошли вниманием. Речь идет о довольно сложном для перевода понятии 遊 (кит / кор: *ю*)[21]. В английском тексте его всегда переводят как *associate with* (водить компанию с кем-то, вращаться в неких кругах, общаться)[22] [Na et al, 2018, p. 238, 258–259; Lee, Shin, 2018, pp. 235–236; Kwon, Shin, 2020, p. 359, 361]. В русском же тексте единого варианта нет. Этот иероглиф переводят и как «игра» и «гуляние» [Ким Бусик, 2002, с. 133, 286–287], и «развлечение» [Ким Бусик, 2002, с. 140, 178], и «проводить время (иметь дело)» [Ким Бусик, 2002, с. 162], и «входить в свиту» [Ким Бусик, 2002, с. 177]. В комментарии к одному из эпизодов указывается, что «обычные занятия *хваранов*[23] часто описываются именно как “игры” (“гуляния” — 遊 *ю)* в горах, имевшие как ритуальный, так и воспитательный смысл» [Ким Бусик, 2002, с. 286–287]. Действительно, понятие, передаваемое иероглифом 遊 — очень емкое. У Конфуция оно означает «практиковать искусства», приличествующие благородному мужу [Малявин, 2017, с. 69]. У классика даосской философии Чжуан-цзы это слово было любимым и означало «странствие» — как способ существования философа [Малявин, 2017, с. 69]. Он даже вкладывал его в уста Конфуция именно в этом значении, рассказывая о том, что Конфуций наставлял Янь Хоя «войти в его (правителя. — *А. С.*) ограду и гуляй с ним» [Малявин, 2017, с. 229]. Метафора «собирались подобно облакам» (徒衆雲集) и описание характера обучения *хваранов*, направленного на то, чтобы раскрыть потенциал человека в процессе непринужденного общения и путешествий, — носят отчетливые следы влияния даосского мировоззрения.

---

[20] 若交質子 則不及五霸.

[21] Автор искренне благодарен В. В. Малявину за ценнейшие советы и благожелательные наставления в этом вопросе.

[22] При этом авторы английского перевода тем же словом (*associate with*) передают понятие 近 [Lee, Shin, 2018, p. 240; Na, Shin, 2019, p. 291], которое хоть и близко по смыслу, но все же отличается и означает способность быть близким людям, радушие, способность войти в чье-то положение. Как обратил внимание автора в переписке В. В. Малявин, этот термин родственен важному у даосов термину «привечать» (待), т. е. предвосхищению грядущего в любовном внимании к миру. Фигурирует он и в переводе евангельского «возлюби ближнего». Таким образом, используемые в русском переводе варианты «стать близким» [Ким Бусик, 2002, с. 133] и «приближать к себе» [Ким Бусик, 2002, с. 171] представляются более корректными.

[23] Хвараны (花郎) — учрежденная в государстве Силла при правлении вана Чинхына (540–575) уникальная организация аристократической молодежи, члены которой были связаны узами культа Будды-Майтрейи, получали разностороннее образование и должны были выступать своего рода государственным служилым «резервом». Ван Чинхын был убежденным буддистом и считал одной из своих основных задач построение буддийского рая на земле своего государства. В его плане *хваранам* отводилась едва ли не основная сакральная роль.

Учитывая, с одной стороны, оригинальный синкретический характер института *хваранов*[24], вобравший в себя и конфуцианские, и даосские, и буддийские принципы [Соловьев, 1991], а с другой — его целевое назначение как своеобразного «кадрового резерва» госаппарата («Таким образом узнавали их достоинства и недостатки, чтобы отобрать [лучших] и представить ко двору (на службу) [Ким Бусик, 2002, с. 178]»), представляется, что в данном случае для передачи смысла иероглифа 遊 наилучшим образом подходит выражение «практиковать искусства»[25]. Тем более, что в тексте *Ёльчон* он используется не только применительно к *хваранам* (его в упомянутой выше цитате из «Синь Тан шу» употребляет в своем наставлении императору Сяньцзуну Ли Цзян [Ким Бусик, 2002, с. 140]). Применима такая трактовка, как полагает В. В. Малявин, и к самому Чжуан-цзы, который «практиковал Дао» [Малявин, 2017, с. 69].

С трактовкой даосского же культурного элемента связано еще одно расхождение в переводах, на которое хотелось бы обратить внимание. В стихотворном послании когурёского полководца Ыльчи Мундока китайскому командующему Юй Чжунвэню, приведенному в 44 *квоне*[26], вторая строка (妙算窮地理) переводится так: «Искусны расчеты, учитывающие земные дела» [Ким Бусик, 2002, с. 143]. Английский перевод (“And subtle reckoning has spanned the earth” [Lee, Shin, 2018, p. 174]) не предлагает, в отличие от русского, коннотаций, связанных с особой, сакральной (или мистической) проницательностью, просто отмечая тонкое владение топографией. Учитывая аллюзию на «Дао-Дэ цзин» в четвертой строке этого стихотворения, а также явно сакрально-ритуальное значение первой, в этом письме (в русском переводе) можно усмотреть своего рода магическую игру, в то время как в английском переводе письмо — это просто письмо.

Вообще, складывается впечатление, что авторы английского перевода стараются избегать или обходить моменты, связанные со сверхъестественным, в то время как в русском мистические моменты даже подчеркиваются[27]. Так, молодой Ким Юсин, прежде чем отправиться на подвиги во славу своей

[24] Любопытно, что в китайском языке, по словам В. В. Малявина, первый компонент названия *хваранов* (花郎) имеет скорее негативные коннотации и означает не столько «цветущий», сколько «цветистый», относящийся к вычурным, но бессодержательным жестам.

[25] Более детальное рассуждение на тему вариантов передачи смысла понятия 遊 см: [Соловьёв, 2023].

[26] В нем Ыльчи Мундок предлагает китайскому командующему остановить завоевательный поход и отвести войска обратно в Китай. Полный текст русского перевода выглядит так: «Священна политика, постигающая величие Неба, искусны расчеты, учитывающие земные дела, и [ваши] заслуги в военных победах высоки, [поэтому] хочется сказать: “Остановитесь, довольствуясь [достигнутым]”» [Ким Бусик, 2002, с. 143]. Текст оригинала: 神策究天文 妙算窮地理 戰勝功旣高 知足願云止.

[27] Вообще, репрезентация сверхъестественного в конфуцианской летописи (а «Самгук саги» является именно официальным летописным сводом) — тема отдельного исследования, выходящего за рамки этой статьи. Поэтому мы здесь остановимся на этой теме лишь для того, чтобы продемонстрировать разницу подходов в двух переводах.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

страны, просит у встреченного им таинственного старца, который «не имея постоянного жилья, скитается и останавливается по обстоятельствам», научить его «искусству волшебства» (授之方術) [Ким Бусик, 2002, с. 121]. В английском переводе этот совершенно даосский по своему антуражу эпизод завершается просьбой дать средство (рецепт) от невзгод, охвативших страну (“Give me a prescription [for the ills of my country]” [Na et al, 2018, p. 207]). Правда позже, в биографии потомка Ким Юсина Ким Ама слово 方術 переводится уже как «мистические/таинственные искусства» — occult arts [Na et al, 2018, p. 255]. В русском переводе Ким Ам «знал искусство магии» [Ким Бусик, 2002, с. 139].

Сходным образом различаются и комментарии. Так, очередное обращение Ким Юсина за помощью к божественным силам (天官垂光，降靈於寶劒) в отечественном переводе адресуется Небесному властителю (天官) — даосскому божеству, которое вместе с Земным и Водным властителями управляет ходом дел на Земле [Ким Бусик, 2002, с. 282, прим. 27]. В английском переводе Ким Юсин обращается в “Office of Heaven”, т. е. к какой-то «большой звезде» [Na et al, 2018, p. 208, прим. 47].

Показательно различается и передача в переводах трактовки самим Ким Юсином знамений. Когда во время мятежа сановников против государыни Чиндок, едва взошедшей на престол, верные трону войска оказались в смятении после знамения, которое они посчитали неблагоприятным (в крепость, где стояли войска, упала звезда), Ким Юсину пришлось выступить в качестве толкователя этого явления. В числе прочего он сказал: «Я глубоко сомневаюсь и не могу поверить в то, что Небо может быть равнодушным к этим [событиям] и даже [ниспослать] как зловещее [знамение] звезду в государеву крепость. Великое Небо лишь следует за людскими желаниями, воздавая добром за добро и злом за зло. Так не посрамим же духов!»[28] [Ким Бусик, 2002, с. 125]. Английский вариант гораздо более приземлен и подает всю ситуацию несколько иначе: “…But now, Heaven does not seem to care about this situation and instead, an ominous star appeared in the royal fortress. This is what I, as your subject, am confused about and do not understand. May the majesty of Heaven, according to what we people hope for, love the good and shun the evil, and let nothing occur to your shame!” [Na et al, 2018, p. 218–219]. Здесь Ким Юсин — вовсе не проницательный лидер, способный постичь волю Неба, а сомневающийся, неуверенный в себе человек (снова демонстрация «слишком человеческого»). Вряд ли такое напутствие серьезно воодушевило бы войска.

Примечательна также трактовка в переводах очень многозначного иероглифа 陰 (кит: *инь*, кор: *ым*). Лучше всего он известен как «темная» часть монады инь-ян. Однако он может означать и нечто потустороннее, тайное, мистическое. К таким потусторонним силам обращается Ким Юсин, когда осажденные в крепости врагом силлаские войска оказываются в безвыходном положении: «Человеческие силы уже исчерпаны, но неведомые — могут помочь [нам]» (人力既竭，陰助可資) [Ким Бусик, 2002, с. 131]. В английском переводе в этом случае используется выражение “divine intervention” («боже-

[28] Оригинал: 今 天若無意於此 而反見星怪於王城 此臣之所疑惑而不喻者也。 惟天之威 從人之欲 善善惡惡 無作神羞.

ственное вмешательство)» [Na et al, 2018, p. 232]. В аналогичном случае [Na et al, 2018, p. 236–237] в русском переводе появляется «всевышняя помощь» [Ким Бусик, 2002, с. 133].

Сродство Ким Юсина с мистическими знаниями можно обнаружить и во фрагменте, когда Ким Юсин передавал подчиненным некий «тайный план» (庾信授之陰謀, в английском переводе — secret stratagem [Na et al, 2018, p. 242]) [Ким Бусик, 2002, с. 135]. При этом комментарии к этому эпизоду говорят, соответственно, об использовании магии [Ким Бусик, 2002, с. 288, прим. 1] и о «необычайной мудрости» (“extraordinary wisdom”) [Na et al, 2018, p. 242, прим. 1]. Дом Ким Юсина охраняет «дружина духов»[29] (陰兵) [Ким Бусик, 2002, с. 137], которая в английском переводе называется “the troops from the underworld”[30] [Na et al, 2018, p. 247]. Уход этой дружины из дома знаменует скорую смерть Ким Юсина[31].

Справедливости ради, надо отметить, что авторы английского перевода не чуждаются сверхъестественной тематики вовсе. Так, в своей предсмертной клятве (проклятии) погибающий при обороне крепости Каджам силлаский военачальник Чхандок восклицает, что он хотел бы «после смерти стать огромным (ужасным) демоном и поглотить (пожрать) людей Пэкче (願死爲大厲, 喫盡百濟人)» — “I wish that I would die and become a huge demon that would devour the Baekje people and regain this fortress” [Kwon, Shin, 2020, p. 344]. В отечественном переводе это пожелание звучит так: «Хочу погибнуть и стать злейшим духом, чтобы покарать и полностью уничтожить людей Пэкче» [Ким Бусик, 2002, с. 172].

---

[29] Они упоминаются также и в тексте «Летописей Силла» в сообщении от 14 года правления *исагыма* Юре (297 г.) как «посторонние» и «незримые» войска [Ким, 1959, 2001, с. 105].

[30] Выбор именно этого слова нам представляется не совсем удачным, поскольку слово underworld в английском языке, хотя и обозначает потусторонний мир, несет явную коннотацию с христианской преисподней, адом — иными словами, злом. В тексте же «Самгук саги» это духи-хранители, которые всегда действуют в интересах героя. Вероятно, тут лучше бы подошло слово netherworld с тем же значением. Более того, эта коннотация создает дисгармонию с ранее употребленным термином «божественное вмешательство» (divine intervention). Разумеется, пантеон дальневосточных духов и божеств очень богат, и непосредственное участие, предположим, правителя ада князя Яньло в земных делах тоже будет «божественным вмешательством».

[31] Возможно, стремление избежать обращения к сверхъестественному заставило переводчиков выпустить иероглиф 隱 при переводе фразы 則隱然若長城, которой ван Мунму описывает значение уже престарелого Ким Юсина для государства Силла. В российском переводе это звучит так: «…он неприметно будет служить нам великой крепостью» [Ким Бусик, 2002, с. 136], в английском — так: “he is like a great wall” [Na et al, 2018, p. 217]. Теми же причинами, возможно, объясняется и оценка характеристики Ким Юсина, которую дает В. М. Тихонов, назвавший Ким Юсина «выдающимся администратором (чиновником), военным, дипломатом, разведчиком, а также шаманом-покровителем и духовным лидером своего общества» [Тихонов, 1995, с. 257]. Корейские исследователи посчитали такое внимание к шаманскому — т. е. подчеркнуто доконфуцианскому субстрату образа Ким Юсина «несколько амбивалентным» [Na et al, 2018, p. 200].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Нам даже удалось обнаружить эпизод, в котором трактовки обратны: русский перевод вполне приземлен, а английский, наоборот, говорит о потустороннем. Этот эпизод в принципе связан со сверхъестественным: приближенный вана Чинпхёна Ким Худжик беспрестанно увещевал государя, который чрезмерно увлекался охотой (ссылаясь при этом, кстати, на слова Лао-цзы). И даже после своей смерти верный министр не оставил попыток отвратить государя от порока. И как-то раз, когда государь, по своему обыкновению отправился на очередную охоту, его путь пролег рядом с могилой Ким Худжика, откуда вдруг раздался голос: «Не езди!». Ван был потрясен, раскаялся и отказался от охотничьих забав. При этом слова раскаяния государя (若終不改，其何顔於幽明之間耶) отечественная версия передает так: «Если я наконец не прекращу увеселений, то — живой или мертвый — каким я предстану перед людьми?!» [Ким Бусик, 2002, с. 156], а английская — так: “How shall I face him in the underworld?” [Lee, Shin, 2018, p. 217].

Заключение

В целом, и российский, и английский переводы адекватно передают и форму (пусть и не строго), и содержание оригинала. Вместе с тем, нам удалось выделить несколько серьезных отличий этих переводов. Если английский перевод стремится скорее к более позитивистскому изложению, то русский можно назвать (с некоторой долей условности)«конструктивистским». Об этом свидетельствует прежде всего склонность к «высокому стилю» с определенными архаизмами («ныне», «сей преданный муж даже после смерти не оставил увещеваний», «сокровенный меч», «драконий лик» и т. п.), призванному (вполне в духе отечественной востоковедной традиции) передать историчность текста. Вторая отличительная черта — подчеркнутое внимание русского перевода к манифестации сверхъестественного. Английский перевод часто обходит такие эпизоды или толкует их во вполне обыденной манере, отчего производит впечатление «рационального» и «приземленного». Достаточно большое количество подобных расхождений (рамки статьи не позволяют привести их все, поэтому мы отобрали те, которые посчитали наиболее выразительными) все же позволяет говорить скорее о культурной и мировоззренческой, чем о концептуальной разнице подходов[32].

Отечественных переводчиков можно упрекнуть в особого рода «ориентализме». Разумеется, мы не имеем в виду «ориентализм» в том смысле, который в него вкладывал главный популяризатор этого термина — Эдвард Саид, т. е. в стремлении к колониальному «доминированию, реконструированию и обретению власти над Востоком» [Саид, 2006, с. 10]. Автор не намерен здесь обсуждать академическую состоятельность (или несостоятельность)

[32] Возможно, эта разница вызвана особенностями взаимодействия высококонтекстных и низкоконтекстных культур и соответствующей репрезентации текстов, принадлежащих одной культуре в рамках другой. Китайско-конфуцианскую (а значит и корейскую) культуру, как и русскую, относят к высококонтекстным, а англо-саксонскую — к низкоконтекстным (подробнее об этом см., например: [Hall, 1996]). Однако для квалифицированного развития этого тезиса потребуется отдельное глубокое исследование.

этой концепции — дискуссия о ней известна достаточно широко, и здесь нет нужды принимать в ней участие.

Необходимо лишь отметить, что коллектив российских корееведов под руководством выдающегося советского / российского ученого М. Н. Пака трудно заподозрить в попытках целенаправленного поиска и конструирования «Другого», направленных на то, чтобы подчеркнуть его инаковость, даже чуждость (и продемонстрировать превосходство «своего»). Скорее, при переводе древнего текста — именно в силу искреннего интереса и уважения к корейской истории и традиции — может формироваться некий «симбиоз “своего” и “другого”»[33], который ван дер Ойе считал «очень интересной чертой ориентализма в русской культуре» [ван дер Ойе, 2019, с. 75]. Иными словами, в представлении переводчика (а перевод, тем более комментированный — все же до некоторой степени является способом репрезентации самого переводчика) может сложиться определенный образ, и этот «сконструированный образ может оказаться сильнее реальности»[34] [Тесля, б. д.]. Возможно, поэтому в русском переводе Корея Ким Бусика выглядит более «таинственной» и «мистической», а в английском переводе — более «рациональной» и «прагматичной». Российский подход, пожалуй, уместнее будет вслед за японистом Е. Штейнером назвать «востоковедным романтизмом» [Штейнер, 2009]. При этом стоит оговориться, что выбор между (условно) конструктивистским и (условно) позитивистским подходом к интерпретации текста отнюдь не детерминирован принадлежностью к отечественной или «англо-саксонской» школе корееведения[35].

---

[33] Пример подобного симбиоза, на наш взгляд — распространенная практика перевода иероглифического компонента «ран / лан» (郎), входящего в названия многих китайских и корейских должностей былинным словом «мóлодец» (при переводе «Самгук саги», как упоминалось выше, названия должностей, как правило не переводились, но при переводе «Самгук юса» Ю. В. Болтач использует именно этот вариант).

[34] Пожалуй, подспудным желанием переводчика отстоять достоинство Ким Бусика в виртуальной дискуссии с корейскими националистическими историками, обвинявшими того в «низкопоклонстве перед Китаем» [Ким Бусик, 1995, с. 28–31] можно объяснить и некоторые неточности перевода. Так, один из отрывков, касающихся союза танского Китая и Силла в период войн за объединение полуострова, в российском переводе передан так: «[корейский ван Тхэджон-Мурёль] просил разрешения оказать помощь в преодолении трудностей одной страны (т. е. Китая)» [Ким Бусик, 2002, с. 167–168]», «конструируя» тем самым в чем-то преимущественное положение Силла перед Танской империей (хотя, конечно, «одна страна» — это Силла, и «трудности» испытывала именно она, а не Китай).

[35] Ричард МакБрайд, например, переводя один из эпизодов «Биографий», в котором употреблялся иероглиф遊 (о сложностях его перевода речь шла выше), выбрал довольно поэтичный (если не сказать фривольный) вариант: 此天下之奇**遊**壯觀也 — wondrous **frolicking** under Heaven [McBride, 2010, p. 75], тогда как отечественных переводчиков этот отрывок откровенно поставил в тупик и иероглиф 遊 остался без перевода вовсе [Соловьев, 2023, с. 79]; а для перевода термина 仙郎 (обозначавшего, как считает МакБрайд, последователей *хваранов*, действовавших уже во времена государства Корё), он выбрал вполне «сказочный» термин *sylph* [McBride, 2010, p. 58] (сильф — в средневековом европейском фольклоре дух воздуха, иногда отождествляемый с эльфами).

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Тут уместно задаться вопросом, насколько вообще адекватно передает перевод реалии раннесредневековой Кореи (в целом основные записи «Самгук саги» охватывают временной период примерно с I в. до н. э. по 935 г., а *Ёльчон* в биографии Кён Хвона описывают и события 936 г.), опосредованные текстом, составленным в XII в. по указу государя уже другой династии, да еще и отражавшим определенные политические и этические установки самого историографа [Ким Бусик, 1995, с. 16; Na et al, 2018, p. 195]. Фактически, создавая формальный канон летописания, Ким Бусик занимался — почти по Хобсбауму — «изобретением традиции», фиксируя «…формальные атрибуты и ритуализованные практики, сопровождающие… реальные (substantial) действия [Hobsbawm, Ranger, 1983, p. 3]. В итоге историограф создает нечто большее, чем «просто» исторический текст (исторический нарратив). То, что выходит из-под его кисти, можно описать метафорой, предложенной много позже, в 60-х гг. XX в. канадским социологом Маршаллом Маклюэном для описания медиа: "The Medium is the Message"[36] [McLuhan, 1964]. В нашем случае создаваемый историографом канон начинает «сам» диктовать принципы отбора и обработки текста, становится нормативной методологией, которая ограничивает и самого историографа, и его последователей.

Таким образом, одна из главных задач переводчика — понять принципы, которые определяет этот канон. Получается, что переводчик «реконструирует» конструкцию историографа, а перевод классических дальневосточных текстов всегда сопряжен с определенными трудностями «угадывания» смыслов высококонтекстного языка и культуры. Перевод при этом, как заметил Е. Штейнер, «может быть только приблизительным, необязательным и иносказательным» [Штейнер, 2009]. Разумеется, исторический текст, в котором описываются вполне обыденные и, как правило, происходившие в действительности события, в меньшей мере подвержен такой интерпретации, чем, скажем, текст буддийского коана или философский трактат о сокровенных истинах. Однако же и при толковании исторического текста (а тем более — биографий, которые, как уже было сказано, «демонстрируют единство истории и литературы» [Вяткин, 1996, с. 22]), возникает соблазн сопоставить историографа с бартовским скриптором.

Ведь текст «Самгук саги» и *Ёльчон* действительно представляет собой «многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников…», а его автор «может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; в его власти только смешивать разные виды письма, сталкивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них» [Барт, 1989, с. 387].

Разумеется, структуралистская (и постструктуралистская) оптика Барта направлена, прежде всего, на современные ему литературные тексты и публицистику. И в «Летописях (Основных записях)» «Самгук саги» определить «исходный вид письма», пожалуй, все же можно: это исторические запи-

[36] Эта метафора стала уже настолько расхожей, что ее даже не переводят на русский (тем более, что ее дословный перевод — «средство / носитель информации само / сам является информацией» — и громоздок, и неточен).

си, которые велись в каждом из трех государств, а также сочинение «Ку самгукса» 舊三國史 («Старая история трех государств»), упомянутая Ли Гюбо [Ch'oe Yŏng-ho, 1980, p. 2–5; Ким Бусик, 2002, с. 10–11]. В «Биографиях», правда, это сделать уже сложнее.

Препятствует бартовской «смерти автора» и сама структура летописи — историограф не только «смешивает разные виды письма», он обладает формализованным инструментом репрезентации собственного «я» — «рассуждениями историографа» (史論 *сарон),* в которых автор давал свою оценку тем или иным событиям, поступкам персонажей или самим персонажам в целом[37]. Более того, в отличие от бартовского обезличенного постмодернистского читателя, который «всего лишь *некто,* сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст», [Барт, 1989, с. 387] читатель у Ким Бусика вполне определен: в первую очередь это государь, затем — его ближайшие сановники, и далее — конфуцианцы-книжники, которые, по выражению самого Ким Бусика, «часто хорошо знают и способны разъяснить Пять классических книг, сочинения мудрецов, а также историю о прошедших эпохах Цзинь и Хань, но когда речь заходит о делах нашего государства, оказываются в полном невежестве, не знают ни их начала, ни их конца» [Ким Бусик, 1995, с. 61].

Может ли в принципе переводной текст адекватно передать исторические реалии той или иной эпохи? В какой-то мере это возможно при сопоставлении различных переводов (даже без углубления в дебри семиотики) и различных источников[38] — и в этом смысле работа ученых Академии корееведения чрезвычайно важна и актуальна для отечественной науки.

Список литературы / References

1. Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика.* Пер. с фр. Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989 [Bartes R. *Selected works: Semiotics, Poetics.* Transl. from French by G. K. Kostikov. Moscow: Progress, 1989 (In Russian)].

[37] Правда, как уже было показано, в некоторых «рассуждениях», Ким Бусик не столько репрезентирует, сколько «прячет» себя, компилируя (вполне в духе сказанного Бартом) их из фрагментов китайских исторических сочинений. В этой связи, на наш взгляд, представляет серьезный интерес попытка проанализировать текст «Самгук саги» (вкупе с процессом его создания) и роль историографа в контексте «мономифа» (или «Пути героя») – концепции, предложенной американским литературоведом и культурологом Джозефом Кэмпбеллом в книге "The Hero with a Thousand Faces" [Campbell, 2008]. Эта задача выходит далеко за рамки нашей статьи, поэтому здесь мы ограничимся лишь предположением о том, что в рамках мономифа бартовская метафора «смерти автора» может оказаться вполне применима для описания как состояния историографа в процессе написания своего труда (когда он как бы «умирает» для профанного мира, занятый составлением канона), так и для описания состояния историографа после завершения своего труда.

[38] Пример эффективной компаративистики, которая позволила прояснить обстоятельства гибели вана Пэкче Мённона в 554 г., представлен в глубокой статье А. Пастухова [Пастухов, 2003].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

2. ван дер Ойе Д. С. *Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции.* Пер. с англ. П. С. Бавина. М.: РОССПЭН, 2019 [van der Oye D. S. *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press, 2010 (In Russian)].
3. Вяткин Р. В. Вступительная статья. *В:* Сыма Цянь. *Ши цзи (Исторические записки)*. Т. VII: *Ле чжуань — Биографии*. М.: Восточная литература, 1996 [Vyatkin R. V. Introduction. *In:* Sima Qian. *Shiji (Records of the Grand Historian)*. Vol. VII: *Lezhuan – Biographies*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1996].
4. *Дао-Дэ цзин*, гл. 61 (пер. В. В. Малявина) [*Tao Te Ching*, ch. 61 (trans. by V. V. Malyavin)]. – Электронный ресурс: URL: http://transgear2009.narod.ru/te_tzin.html (In Russian).
5. Ирён. *Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса).* Пер. с ханмуна, вступ. ст., коммент. и указ. Ю. В. Болтач. СПб.: Гиперион, 2018 [Iryon. *The Remaining Evidence [about] the Three States (Samguk yusa)*. Trans., introduction and annotation by Yu. Boltach. Saint Petersburg: Hyperion, 2018 (in Russian)].
6. Ким Бусик. *Самгук саги.* Т. 1: *Летописи Силла.* Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М. Н. Пака. М.: Восточная литература, 1959, 2001 (2-е изд.) [Kim Busik. *Samguk sagi.* Vol. 1. *Annals of Silla.* Trans., introduction and annotations by Mikhail N. Pak Moscow: Vostochnaya literatura, 1959, 2001 (2nd ed.) (in Russian)].
7. Ким Бусик. *Самгук саги. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы.* Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. М. Н. Пака. М.: Восточная литература, 1995 [Kim Busik. *Samguk sagi. Annals of Koguryo. Annals of Paekche.* Trans., introd. and annot. by M. N. Pak. Moscow: Vostochnaya literatura, 1995 (in Russian)].
8. Ким Бусик. *Самгук саги*. В 3 т. Т. 3: *Разные описания. Биографии.* Изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общ. ред. М. Н. Пака и Л. Р. Концевича. М.: Восточная литература, 2002 [Kim Busik. *Samguk sagi.* In 3 vols. Vol III: *Monographs. Biographs*. Gen. ed. by M. N. Pak and L. R. Kontsevich. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002 (in Russian)].
9. Малявин В. В. *Даосские каноны. Философская проза.* Кн. 2. Ч. 1. *«Чжуан-цзы». Внутренний раздел.* Пер., коммент. и вступ. ст. — В. В. Малявин. Иваново: Роща, 2017 [Malyavin V. V. (transl., comment., introd.) *Taoist canons. Philosophical prose.* Book II. Part I. *"Chuang Tzu". Internal section.* Ivanovo: Rostcha, 2017 (in Russian)].
10. Пастухов А. *К одному вопросу военной истории и межгосударственных отношений эпохи Троецарствия*. 2003 [Pastukhov A. *On one question of military history and interstate relations of the Three Kingdoms era.* 2003. (In Russian)]. — Электронный ресурс: URL: http://xlegio.ru/ancient-armies/far-east-warfare/three-kingdoms-problem/ (accessed: 15.05.2023).
11. Рыбаков В. М. *Танская бюрократия*. Ч. 1: *Генезис и структура.* СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009 [Rybakov V. M. *Tan Bureaucracy.* Part I:

Genesis and Structure. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2009 (in Russian)].

12. Саид Э. В. *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский Міръ, 2006 [Said E. W. *Orientalism: Western Concepts of the Orient* (London: Penguin, 2006 [1978] (in Russian)].
13. Соловьёв А. В. Проблема самосовершенствования человека в традиционной культуре Кореи (социально-этическое учение хваранов VII–IX вв.). *Вестник Московского университета.* Сер. 13. *Востоковедение.* 1991. № 3. С. 52–58 [Solovyov A. V. The Problem of Self-Development in Korean Traditional Culture (Socio-Ethical Teachings of the Hwarans of the 7th–9th Centuries). *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. Ser. 13. *Oriental studies.* 1991. No. 13, pp. 52–58 (in Russian)].
14. Соловьёв А. В. Игры, в которые играли хвараны: категория *ю* (遊) и ее интерпретации в «Самгук саги» Ким Бусика. *Корееведение в России: направление и развитие*. 2023. Т. 4. № 2. С. 73–84 [Solovyov A. V. Games Played by the Khwarangs: Cathegory *You* (遊) and Her Interpretations in “Samguk Sagi” by Kim Busik. *Koreevedenie v Rossii: napravlenie i razvitie* (*Korean studies in Russia: direction and development*). 2023. Vol. 4. No. 2, pp. 73–84].
15. Тесля А. А. *Ориентализм «Ориентализма» Э. В. Саида* [Teslya A. A. *Orientalism of Edward Said’s “Orientalism”.* No date. (In Russian)]. — Электронный ресурс: URL: http://www.hrono.ru/libris/pdf/tesla_aa_orientalism.pdf (accessed: 15.05.2023).
16. Тихонов В. М. «Самгук саги» Ёльчон Ким Юсинджога нэпхоханын ыйи (Значение биографии Ким Юсина в «Самгук саги» (『三國史記』列傳 金庚信條가 內包하는 意義)). *Инхва сахак ёнгу*. 1995. № 22. С. 225–258 (на кор. яз.) [Tikhonov, Vladimir M. “*Samguk sagi* yeoljeon Kim Yusin joga naepohaneun uiui” (Significance of the Biography of Kim Yusin). *Ihwasahak yeongu.* 1995. No. 22, pp. 255–258 (in Korean)].
17. Чон Губок (鄭求福), Но Джонгук (盧重國), Син Донха (申東河), Ким Дэсик (金泰植), Квон Догён (權悳永). *Ёкчу Самгук саги* (Аннотированные «Исторические записи трех государств» (譯註 三國史記)). Пер., коммент., критич. текст. Т. 1–5. Соннам: Академия корееведения, 1996–1998 [Jeong Gubok, Jung-guk No, Dongha Sin, Taesik Kim and Deogyeong Gwon. *Yeokju Samguk sagi* [Annot. transl. of the *Samguk sagi*]. 5 vols. Seongnam: The Academy of Korean Studies Press, 1996–1998 (in Korean)].
18. Штейнер Е. *Ориентальный миф и миф об «Ориентализме»*. Публичная лекция. 2009 [Shteiner E. *Oriental Myth and Myth about “Orientalism”*. Public lecture. 2009]. — Электронный ресурс: URL: https://polit.ru/article/2009/01/22/oriental/ (accessed: 15.05.2023).
19. Best J. W. *A History of the Early Korean Kingdom of Paekche — Together with an Annotated Translation of the Paekche Annals of the* ***Samguk sagi***. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2006.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

20. Best J. W. Problems in the *Samguk sagi*'s Representation of Early Silla History. *Seoul Journal of Korean Studies.* 2016;29(1):1–6.
21. Byington M. Some Problems with Early Koguryŏ-Silla Relations Described in the *Samguk sagi*. *Seoul Journal of Korean Studies.* 2016;29(1):115–132.
22. Campbell J. *The Hero with a Thousand Faces*. 1st ed. Bollingen Foundation, 1949. 2nd ed. Princeton University Press. 3rd ed. New World Library, 2008.
23. Ch'oe Yŏng-ho. An Outline History of Korean Historiography. *Korean Studies*. 1980. Vol. 4, pp. 1–27.
24. Hall E. T. *Beyond Culture*. Anchor Books, 1976.
25. Hobsbawm E., Ranger T. (eds) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
26. Kwon Jee-eun, Shin Jeongsoo. Chapter 47 of the *Samguk sagi*: An Annotated Translation of Biographies of Haeron and Others. *The Review of Korean Studies.* 2020;23(1, June):337–376.
27. Lee Soyun, Shin Jeongsoo. Chapters 44 and 45 of the *Samguk sagi*: An Annotated Translation of Biographies of Eulji Mundeok and Others. *The Review of Korean Studies.* 2018;21(2, December):165–245.
28. McBride R. D. Silla Buddhism and the Hwarang. *Korean Studies.* 2010. Vol. 34, pp. 54–89.
29. McLuhan H. M. *Understanding Media: The Extensions of Man.* New York: McGraw-Hill, 1964.
30. Na Sanghoon, Shin Jeongsoo. Chapter 46 of the *Samguk sagi*: An Annotated Translation of Biographies of Gangsu and Others. *The Review of Korean Studies.* 2019;22(2, December):263–300.
31. Na Sanghoon, You Jinsook, Shin Jeongsoo. Chapter 41, 42, and 43 of the *Samguk sagi*: An Annotated Translation of Biography of Kim Yusin. *The Review of Korean Studies.* 2018;21(1, June):191–262.
32. Shultz E. J., Hugh H. W. Kang, (transl.). *The Koguryŏ Annals of the Samguk sagi*. Seongnam: The Academy of Korean Studies Press, 2011.
33. Shultz E. J., Hugh H. W. Kang, (transl.). *The Silla Annals of the Samguk sagi*. Seongnam: The Academy of Korean Studies Press, 2012.

Информация об авторе

Соловьёв Александр Валерьевич — заместитель главного редактора, журнал «Россия в глобальной политике»; приглашенный преподаватель, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия, alexsolovievster@gmail.com.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена рецензентами 12.02.2023; принята к публикации 13.03.2023; опубликована 30.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Alexander V. Solovyov — Deputy Editor-in-Chief, Russia in Global Affairs magazine; Visiting Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, alexsolovievster@gmail.com.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 13.03.2023; published 30.03.2023.

The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

LITERATURE OF THE EAST
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Folklore
Фольклористика

LITERATURE OF THE EAST
Folklore
ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА
Фольклористика

Научная статья Филологические науки
УДК 398.2
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157

Китайские предания о строительной жертве в VIII–IX вв. и поклонение богиням кузнечного горна

Аглая Борисовна Старостина
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
abstarostina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2421-2484

Аннотация. Легенды о так называемых *тоу лу шэнь* – женщинах, бросившихся в плавильную печь и ставших после этого покровительницами кузнечного и литейного дела – известны в Китае с VIII в. Культы таких богинь были распространены во многих регионах в течение тысячи лет с лишним. Тем не менее происхождение их до сих пор не было известно. Параллели первой записи легенды о богине кузнечного горна (из сборника «Цзи вэнь» – «То, что слышал», составленного Ню Су) находятся среди включенных в свод «Тайпин гуан цзи» танских рассказов и посвящены строительству стен городов – соответственно Фэньчжоу и Балха. В свою очередь, разбор этих двух рассказов по мотивам позволяет установить их родство с группой сюжетов о замурованной жене, распространенных в наши дни в Индии и в Восточной Европе.

Ключевые слова: «Тайпин гуан цзи», строительная жертва, покровители профессий, китайский фольклор, китайские народные верования, миграция сюжетов

Для цитирования: Старостина А. Б. Китайские предания о строительной жертве в VIII–IX вв. и поклонение богиням кузнечного горна. *Ориенталистика*. 2023;6(1):144–157. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Старостина А. Б., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article Philological studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157

Chinese Legends about the Construction Sacrifice in the 8th — 9th Centuries and Worship of the Smithing Goddesses

Aglaia Borisovna Starostina

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, abstarostina@gmail.com, https://orcid.org/0000-0002-2421-2484

Abstract. Legends of women who threw themselves into a smelting furnace and became patron goddesses of blacksmiths and founders (so-called *tou lu shen*) have existed in China since the 8th century. Cults for such goddesses have been common in many regions for more than a thousand years, but their origins remain unknown. Two Tang stories about the construction of city walls in Balkh and Fenzhou, respectively, must be considered as parallels to the first surviving record of the legend of a goddess of the furnace. Identifying the motifs that make up these stories in turn allows us to establish their affinity with a group of Indian and Eastern European tales of walled-up wives.

Keywords: "Taiping guang ji", foundation sacrifice, patrons of professions, Chinese folklore, Chinese folk beliefs, plot migration

For citation: Starostina A. B. Chinese Legends about the Construction Sacrifice in the 8th — 9th Centuries and Worship of the Smithing Goddesses. *Orientalistica*. 2023;6(1):144–157 (in Russian). https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-144-157.

Введение

Со второй половины эпохи Тан в китайской письменной традиции появляются упоминания о женщинах, которые бросились в печь с расплавленным металлом и стали в результате духами — покровительницами кузнечного и литейного дела или духами колоколов (их общее название — *тоу лу шэнь* 投爐神, духи бросившихся в печь). К XIII–XIV вв. верования в этих богинь распространяются во многих регионах Китая, а в XX в., вслед за промышленным переворотом, постепенно затухают. Эти культы описаны, от них остались письменные и архитектурные свидетельства на территории от Пекина до Гуандуна [Ли, 2008, с. 3], [Ли, 2013, с. 171–173], но как они появились в Китае, пока неизвестно. Чтобы ответить хотя бы предположительно на вопрос об их возникновении, обратимся, прежде всего, к первому известному тексту, в котором сообщается о таком культе [Ли, 2013, с. 171], во-вторых — к его параллелям в современных ему памятниках, в-третьих — к более широкой перспективе, включающей материалы индийской и восточноевропейской традиций. Основной метод, применявшийся в ходе исследования, — мотивный анализ с помощью классического указателя С. Томпсона [Thompson, 1955–1958].

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Starostina A. B., 2023
© Orientalistica, 2023

Ли Э — почтительная дочь

Фрагмент из «Цзи вэнь» 紀聞 («То, что слышал») — составленного Ню Су 牛肅 во второй половине VIII в. сборника рассказов об удивительном (об этой книге подробнее см.: [Алимов, 2014, с. 258–265]) — сохранился в составе посвященного почтительным дочерям раздела[1] «Тайпин юй лань» («Высочайше просмотренной [энциклопедии годов] Тайпин», законченной в 982 г.). В нем две части: сначала автор сообщает о храме Ли Э 李娥 — почтительной дочери, расположенном в заповедном горном лесу в уезде Цинъян области Сюаньчэн (сейчас уезд с тем же названием на юге провинции Аньхуэй); затем рассказывает легенду об этой девушке. Действие происходит во времена Великого государя У[2], т. е. Сунь Цюаня 孫權 (182–252), первого правителя У — одного из трех царств в период Троецарствия (220–280 гг.); Сунь Цюань провозгласил себя императором в 229 г. Ли Э была пятнадцатилетней дочерью чиновника, который отвечал за выплавку железа. Однажды в литейной мастерской печь, заполненная железной рудой, перестала плавить металл. «В то время законы в У, — замечает Ню Су, — были весьма суровы». За порчу казенной руды в большом количестве полагалась казнь с конфискацией имущества. Ли Э в отчаянии бросилась в печь, где пылал огонь. Пламя вспыхнуло до самого неба, и наконец началась плавка. На поверхность расплавленного металла всплыли туфли девушки, тело же ее растворилось в металле. Железо потекло из печи и текло двадцать ли (т. е. от 6 до 10 км), пока не дошло до реки. До наших дней в прожженном потоком русле сохранилось железо. Поэтому жители У всякий раз, когда начинают плавку, ставят храм в честь Ли Э и молятся ей [Ли, 1995, с. 1916].

Здесь присутствуют такие мотивы по указателю С. Томпсона, как S263.5 («Жертвенное самоубийство»), D1766.2 («Чудесные результаты жертвоприношения»), F774.2 («Горящий столб достигает неба»), F1015. («Необычные события, связанные с туфлями»), F715.2 («Река из необычной жидкости»), A451.1.1. («Богиня кузнечного дела»). У Томпсона отсутствует мотив «Печь, нагруженная рудой, не выплавляет металл», который был бы в некотором смысле противоположен D2178.7 («Все, что ювелир предполагает изготовить, появляется в кузнице само по себе») и близок D2192 («Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью»). Его место в указателе должно быть где-то между ними.

Поступок Ли Э непонятен в том случае, если она не знала каким-то образом о том, что ее смерть может спасти отца. Поскольку автор с самого начала называет ее «почтительной дочерью», это заставляет предположить, что такое знание у нее действительно было (D1812, «Магическая способность прорицать»).

В более поздних и более распространенных вариантах легенды девушка прыгает в расплавленную руду, чтобы отец смог изготовить колокол с чистым звуком. Такие истории связаны не только с литейными мастерскими, но и с колокольнями, около которых часто помещались кумирни богини — женщины, отдавшей жизнь за колокол (в Пекине, в частности, она была известна

[1] 415 цзюань.

[2] У Да ди 吳大帝.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

как Матушка колокольного литья — Чжучжун нянняя 鑄鐘娘娘 [Ли, 2013, с. 172]). Во всех вариантах этой «ремесленной» легенды, объясняющей происхождение богини-покровительницы, силы природы требуют от человека платы за успех в деле. Это требование часто не произносится вслух, да и о субъекте его в большинстве случаев ничего неизвестно, но будущая добровольная жертва — чаще дочь, но иногда и жена — каким-то образом знает о том, что должна сделать.

Некоторые мотивы в сюжете вполне привычны для китайской традиции. Так, брошенные туфли, особенно женские, как знак перехода в иной мир — обычный для рассказов об удивительном и агиографии образ. Когда тело императорской наложницы чудесным образом исчезает из гроба, в нем остается только пара шелковых туфель («Отдельные жизнеописания бессмертных» / «Ле сянь чжуань» 列仙傳 в 59 цз. «Тайпин гуан цзи»[3] [Ли, 2006, с. 366]). Бессмертная, улетев в небо, оставляет туфли на краю утеса («Наньянская царевна» / «Наньян гунчжу» 南陽公主 из «Записей о бессмертных Юнчэна» / «Юнчэн цзи сянь лу» 墉城集仙錄, в 59 цз. ТПГЦ [Ли, 2006, с. 366]) или под окном («Святая мать из Дунлина» / «Дунлин шэн му» 東陵聖母 из «Жизнеописаний бессмертных женщин» / «Нюй сянь чжуань» 女仙傳, в 60 цз. ТПГЦ [Ли, 2006, с. 374])[4]. Точно так же представление о том, что человеческое жертвоприношение делает металл прочнее, существовало в регионе У — Юэ уже давно — см. историю об изготовлении двух мечей под 1-м годом правления Хэ-люя 闔閭 в «Веснах и осенях У и Юэ» / «У Юэ чуньцю» 吳越春秋, историческом сочинении, автором которого традиционно считают Чжао Е 趙曄, I–II вв. н. э[5]. (подробнее об авторстве, структуре и содержании этой книги см. в предисловии к полному переводу на английский язык: [He Jianjun, 2021, p. 1–21]).

Однако сам рисунок сюжета для этого времени нетипичен. Смерть дочери спасает отца и позволяет получить металл, который без человеческой жертвы не то что получался низкого качества, а просто не выплавлялся. Одновременно девушка становится божеством и покровительствует местным литейщикам. Здесь стоит предположить некоторое внешнее влияние, приведшее сначала к появлению истории о Ли Э, а потом и целой группы мифологических повествований, связанных с культом божеств-покровителей. Для определения этого внешнего источника автор предприняла поиск родственных сюжетов,

[3] «Тайпин гуан цзи» 太平廣記 («Обширные записи годов Тайпин), далее ТПГЦ – свод рассказов и бессюжетных фрагментов прозы, созданных с начала новой эры и вплоть до X в., составленный несколько раньше «Тайпин юй лань» и посвященный необычным – как чудесным, так и вполне посюсторонним – явлениям. Подробнее о ТПГЦ и «Тайпин юй лань» см.: [Алимов, 2021, с. 114–116, 122–148].

[4] Сборник «Отдельные жизнеописания бессмертных» приписывается Лю Сяну 劉向 (77–6 гг. до н. э.), однако более вероятно, что он появился не ранее II в. н. э. [Penny 2008]. «Записи о бессмертных Юнчэна» – агиографический сборник, ныне утраченный; был составлен Ду Гуантином 杜光庭 (850–933) по материалам даосской житийной литературы и содержал жизнеописания бессмертных женщин. «Жизнеописания бессмертных женщин» – агиографический сборник, составленный в X в., также утрачен.

[5] URL: https://ctext.org/wu-yue-chun-qiu/he-lv-yuan-nian (accessed: 07.04.2023); также [He Jianjun, 2021, p. 70].

записанных примерно в тот же период. В результате были найдены два рассказа, связанные не с металлургией, но со строительством.

«Девица из Фэньчжоу» и «Дочь персидского царя»: тексты и мотивы

Цзюань 374 ТПГЦ под названием «Чудесные странности» («Лин и» 靈異) [Ли, 2006, с. 2967–2978] содержит 28 рассказов на разнообразные сюжеты: о рукотворном узоре из камней на речном берегу, который уже шестьсот или семьсот лет не могут смыть волны («План восьми боевых порядков», «Ба чжэнь ту» 八陣圖); о выловленном из воды существе в железном шлеме, которое подробно расспросило людей о местных топонимах, правящей династии и точной дате, а потом снова кануло в омут («Рыбак в горах Лушань», «Лушань юй чжэ» 廬山漁者); о пещере, полной сокровищ, которая исчезает, показавшись прохожему лишь однажды («Гуй Цунъи» 桂從義), о сидящей в горах монахине, рассыпавшейся в прах, как только до нее дотронулись («Дровосеки из Хунчжоу», «Хунчжоу цяожэнь» 洪州樵人) и пр.

Их объединение в один раздел кажется произвольным. Но в действительности все они посвящены необычным явлениям, рациональной подоплеки которых читатель не узнает. Это не проделки оборотней, не чудеса бессмертных и не волеизъявления стихийных духов.

Используя прилагательное *лин* 靈 «чудесный», составители ТПГЦ указывают на то, что все эти «странности» представляют собой различные проявления внутренней чудесной силы мироздания[6].

Два входа в этом разделе, десятый и одиннадцатый («Девица из Фэньчжоу», «Фэньчжоу нюйцзы» 汾州女子 и «Дочь персидского царя», «Босы ван нюй» 波斯王女), сюжетно близки друг к другу. В обоих рассказывается о гибели девушки ради возведения крепости. При этом механизм происходящего, как и во всех прочих рассказах этого раздела, непрозрачен. Никто не предлагает героиням жертвовать собой, неясно, какие силы в конечном счете обеспечивают возведение крепостных стен. Если исходить из самих текстов, можно сказать только, что речь идет об отражении какой-то разновидности строительной жертвы, явления, которое А. К. Байбурин называет «одной из этнографических универсалий» [Байбурин, 1979, с. 155].

Внутренняя логика этих рассказов, между тем, в целом совпадает с логикой рассказа о Ли Э, бросившейся в печь, чтобы добиться успешной выплавки железа. Рассмотрим мотивы, из которых складываются сюжеты «Девицы из Фэньчжоу» и «Дочери персидского царя».

«Девица из Фэньчжоу» и «Дочь персидского царя»: мотивы

«Девица из Фэньчжоу» извлечена составителями ТПГЦ из сборника «Обширные записки о пяти элементах в древности и современности», «Гуан гу цзинь у син цзи» 廣古今五行記 (конец VII — начало VIII в.). Это короткий рассказ, в котором не наберется и ста иероглифов:

[6] Рубрика с таким названием уже присутствовала в антологии «И вэнь лэй цзюй» 藝文類聚 («Классифицированная по разделам искусная словесность», VII в.) и тоже была довольно эклектичной.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

«В конце Суй строили городскую стену в Фэньчжоу, и только юго-западный угол не удавалось достроить. Утром закончат, — вечером обваливается. И так несколько раз. Одна девочка в городе, лет двенадцати или тринадцати, объявила своим родным: “Если меня не будет в стене, крепость выстроить не выйдет”. Семья ее словам не поверила, а соседи им смеялись. Затем, когда крепость снова возвели, и она снова обвалилась, девочка сказала: “Сегодня я умру. После этого положите меня в кувшин и похороните там, где строят стену”. Договорила и скончалась. Ее погребли, как она просила. Сразу после этого возвели крепостную стену, и более она не падала» [Ли, 2006, с. 2970–2971].

В рассказе можно выделить несколько мотивов по указателю С. Томпсона: D2192 («Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью»), S261 («Строительная жертва»), D1812 («Магическая способность прорицать») и его частный случай — D1812.0.1 («Предвидение смертного часа»), а также D1766.2 («Чудесные результаты жертвоприношения»).

Часто мотив строительной жертвы подразумевает замуровывание или закапывание в землю живого человека. Но в «Девице из Фэньчжоу» героиня фактически предлагает себя в жертву и умирает, только когда на ее просьбу не обращают внимания. Предсказав время своей смерти, она заставляет взрослых прислушаться и к остальным ее словам.

«Дочь персидского царя» — немного сокращенный фрагмент из «Пестрых заметок с южного склона горы Ю», «Юян цза цзу» 酉陽雜俎 (вторая половина IX в.), написанных Дуань Чэнши 段成式 (об этом сборнике см.: [Алимов, 2014, с. 387–410]):

«Крепость Фудие 縛底野 в тохарских странах 吐火羅國 построил древний персидский царь Усэдоси 烏瑟多習. Когда царь начинал ее строить, она немедленно разрушалась. Со вздохом он сказал: “Видно, я сбился с пути добродетели, раз Небо не дает мне выстроить эту крепость”. Младшая его дочь по имени Наси 那息 увидела, что отец печален и гневен, и спросила: “Царь, может быть, к границе пришли враги?” Царь сказал: “Я персидский царь и владею тысячью с лишним странами. Ныне, придя в Тохару, я захотел построить эту крепость, снискав заслуги среди многих грядущих поколений. Но желание мое исполнить не удается, и только поэтому я печален”. Девица сказала: “Не печальтесь, царь. Завтра утром велите строителям строить крепость там, где они увидят мои следы, и она будет стоять”. Царь был удивлен. Наутро девица пошла на северо-запад; отрубив себе мизинец на правой руке, она оставляла за собой кровавый след. Строители возводили стены там, куда капала кровь, и более крепость не разрушалась. Дева же стала духом озера. Это озеро по сей день находится у крепости. Вода в нем прозрачна и чиста как зеркало. В окружности оно имеет пятьсот с лишним шагов» [Ли, 2006, с. 2971].

В «Юян цза цзу» сообщается, что крепостные стены удавалось поднять только на два–три чи (примерно 60–90 см), после чего они рушились [Дуань, 2015, с. 1006]; это единственная деталь, выпущенная составителями ТПГЦ.

В этом рассказе присутствуют четыре мотива, общие с предыдущим: D2192 («Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью»), S261 («Строительная жертва»), D1812 («Магическая способность про-

рицать») и D1766.2 («Чудесные результаты жертвоприношения»). Формально в тексте не сказано о смерти девицы — она только отдает свою кровь для строительства крепости, а потом становится духом озера, — но ясно, что рана приводит к переходу в божественное состояние, и, таким образом, вполне может быть квалифицирована как смертельная. Мизинец выступает как заместитель всего человека[7].

Остальные мотивы в «Дочери персидского царя»: P455 («Строитель / каменщик»), S161.1 («Отрубание пальцев»), A920.1.0.1 («Происхождение определенного озера») и A920.1.11 («Женщина, превращенная в водоем»).

Итак, перед нами два мифологических текста на близкие сюжеты. К тому же в обоих случаях мы имеем дело с легендами о постройке; оба рассказа привязаны к определенному сооружению. при этом один — эксплицитно инокультурный. Они помещены в 374 цз. ТПГЦ рядом неслучайно: с одной стороны, составители заметили их сходство, с другой — признали невозможность однозначно определить, что обусловило описанные в них чудесные события.

Сравнив эти результаты с разбором рассказа о Ли Э, легко увидеть, что их сходство несомненно. В каждом случае имеет место добровольная смерть девицы ради успешного завершения ремесленного предприятия. Героиня знает о том, что ей следует совершить, без подсказок. Ее смерть приносит желаемые плоды. Есть и дополнительные параллели непосредственно с «Дочерью персидского царя»: после жертвоприношения девица обожествляется, и тело ее растворяется — в случае Наси в воде («Женщина, превращенная в водоем»), в случае Ли Э в реке расплавленного металла, которая соединяется с настоящей рекой.

География рассказов о строительной жертве

В первом рассказе строится крепостная стена административного центра округа Фэньчжоу 汾州. Время действия — конец эпохи Суй (581–619), то есть первая четверть VII в. Известно, что учрежденный в 598 г. Суйский округ Фэньчжоу был ликвидирован в 607 г., и вместо него была образована область Вэньчэн 文成. Административный центр и округа, и последующей области располагался на территории нынешнего уезда Цзи 吉 в провинции Шаньси.

Но когда был записан рассказ, т. е. в конце VII — начале VIII в., округ Фэньчжоу находился не там, где при Суй. С 620 г. его центр отстоял от прежнего к северо-востоку примерно на 200 км, что соответствует территории современного г. Фэньян 汾陽 тоже в Шаньси. Первый город находился на юго-западе нынешней Шаньси, второй — в центральной ее части[8]. Определить с полной уверенностью, какое из этих двух мест имел в виду составитель «Гуан гу цзинь

[7] Интересна параллель в нивхских сказках, где с помощью отрезанного мизинца человека можно перевести в иное онтологическое состояние: проколов палец иглой, женщина умирает и оказывается на небе женой небесного человека (причем на земле остается ее мертвое тело); других персонажей, напротив, оживляют с помощью отрезанного мизинца [*Нивхские мифы и сказки*…, 2010, с. 3–5, 92–93].

[8] Историко-географические данные приводятся по базе China Historical GIS (URL https://chgis.fairbank.fas.harvard.edu/) и сверены со службой Google Maps (дата обращения 28.03.2023).

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

у син цзи» (или редакторы ТПГЦ), нельзя, но здравый смысл подсказывает, что Фэньян более вероятен, иначе следовало бы ожидать авторского пояснения.

Время действия второго рассказа — это мифическая древность. В нем описано строительство крепости Фудие 縛底野 в Тохаристане (Тухоло го 吐火羅國, то же, что Духоло го 睹貨邏國/都貨邏國 в других танских текстах). Большинство исследователей с конца XIX в. до нашего времени убедительно отождествляют Фудие с Балхом (Бактрой), центром исторической Бактрии, который находился там же, где современный г. Балх (Афганистан) [Малявкин, 1989, с. 237–238; Balogh, 2020, p. 41–42; Дуань, 2015, с. 1007]. Имя царя Усэдоси 烏瑟多習 восстанавливается до древнеперсидского *Виштаспа* [Ma, Wang, 2018, с. 93; Waley, 1947, p. 238][9]. Древний правитель Виштаспа, упоминаемый в «Авесте», царствовал в Балхе и был покровителем Заратуштры [Гаты, 2009, с. 24].

Легенд об основании Балха немало. Говорили, в частности, что его построил первочеловек — или первый царь иранцев — Каюмарс (Гайа Мартан); или живший вскоре после него мифический царь Тахмурас; или живший через несколько поколений, но тоже мифический царь Лохрасп, отец Виштаспы [Яворский, 1992, с. 176]. В версии Дуань Чэнши строит Балх сам Виштаспа.

Другие редакции этой легенды, кроме китайской, неизвестны. Однако здравый смысл подсказывает, что у нее, в конечном счете, существовал какой-то иранский источник (о некоторых информантах Дуань Чэнши см.: [Santos, 2010]).

Происхождение китайских сюжетов о девице — строительной жертве

Наиболее близкие по структуре и содержанию к «Дочери персидского царя» («Девице из Фэньчжоу» из-за ее краткости — в меньшей степени) нарративы — это группа индийских народных баллад. В центре их сюжетов три мотива, присутствующие в обоих приведенных рассказах — «Выполненная днем работа волшебным образом уничтожается ночью», «Строительная жертва» и «Чудесные результаты жертвоприношения»; содержат они и мотив «Женщина, превращенная в водоем», который присутствует в легенде о стенах Балха.

Баллады записаны на юге и на северо-западе Индии, а также у цыган. В них женщину приносят в жертву во время строительства водоема или канала. Она может быть сестрой строителей, женой, невесткой и т. д. Котлован остается сухим, пока не приносят жертву. На том месте, где погибла женщина, немедленно появляется источник, и его вода наполняет резервуар. Иногда жертва бывает добровольной — женщина знает, что ее ожидает; иногда нет [Dundes, 2007, p. 113–120; Sharma, 2016].

На северо-западе Индии существовали предания о принесенной в жертву царской жене, которые тоже исполнялись как баллады [Sharma, 2016, p. 105]. Вода не текла в проведенный царем отводный канал, который должен был

[9] По базе С. А. Старостина *Chinese Characters* на сайте: URL: http://starling.rinet.ru – чтения иероглифов, образующих имя царевны, реконструируются как nâ-sjɨk (дата обращения 28.03.2023).

снабжать новый город водой, и когда царицу по ее желанию заживо погребли на дне сухого канала, в него сразу же хлынула вода [Hutchison, Vogel, 1933, p. 283–284].

После жертвоприношения в этих балладах в большинстве случаев жертва обожествляется как дух-покровитель водоема [Sharma, 2016, p. 111]. К сожалению, когда именно началось бытование этих баллад, не узнать; М. Шарма возводит по крайней мере часть из них к XVII–XVIII вв. [Sharma, 2016, p. 109], но можно предполагать и куда большую их древность.

Эти индийские сюжеты рассматривались как непосредственные родственники европейских баллад о замурованной жене (румынской «Мастера Маноле», греческой «Моста Арты», сербской «Постройки Скадара» и др.). Довести до конца строительство в них не удается, пока в стену не замуровывают женщину — чаще всего жену, сестру или дочь строителя. В европейских балладах речь в основном идет о сооружении моста, монастыря или крепости; часто они содержат упоминание об источнике, который появился у постройки после принесенной жертвы [Dundes, 2007, p. 115].

Сюжет о «замурованной жене» обладает несколькими слоями значений. Связь его со строительной обрядностью несомненна; указывали на то, что он описывает разные аспекты перехода и может обозначать брак, сковывающий свободу женщины и переводящий ее в иное социальное состояние, которое метафорически обозначается как инобытийное; смерть как переход в статус божества; близок сюжет и к мифам о творении многообразия вселенной из человеческого тела; и т. д. Кроме того, этот сюжет объяснял и появление женского божества-покровителя местности [Parpulova, 1984; Иванов, 2003; Kropej, 2011, p. 70].

Как писала Л. Парпулова, «замуровывание оказывается действием с амбивалентной семантикой: с одной стороны, оно эквивалентно разделению, с другой — объединению, созиданию нового — космоса, семьи» [Parpulova, 1984, p. 434].

Настойчивое появление в разных итерациях сюжета мотива источника, возникающего на месте жертвоприношения, как кажется, еще не было осмыслено концептуально, а на него стоило бы обратить отдельное внимание, в том числе в свете китайской истории о дочери персидского царя.

Как было сказано выше, она непосредственно или опосредованно восходит к иранскому источнику. В водяном духе — покровительнице Балха можно узнать черты иранской богини Ардвисуры Анахиты, источника мировых вод. Балх, в котором были сильны и зороастрийские, и буддийские традиции, во времена Дуань Чэнши уже около двухсот лет находился в руках мусульман, но культ этого божества сохранялся у иранцев и после исламского завоевания. С Ардвисурой Анахитой были связаны представления о возникновении вселенной, поскольку она была воплощением и источником всей воды мира [Boyce et al., 2011]. К этому же образу, синтезированному с локальной уской мифологией литейщиков, восходит и река расплавленного металла в истории о Ли Э.

Как видно из мотивного разбора, легенда о строительстве стен Балха из «Юян цза цзу» принадлежит к тому же дереву сюжетов, что и индийские и европейские баллады. Неизвестно, существовала ли она ранее индийских

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

версий. Во всяком случае, она еще не была описана как одна из разновидностей «Замурованной жены», и настоящая заметка восполняет этот пробел.

Отметим, что деталь китайского рассказа перекликается также с южнославянским этиологическим преданием, связанным с установкой пограничного камня: когда определяли границу между землями словенцев и хорватов, девице — виле отрубили палец, и кровь окрасила камень на столетия [Kropej, 2011, p. 70].

История же о строительстве стен Фэньчжоу, скорее всего, производна от схожего сюжета, но несколько изменена. Здесь стоит отметить, что регион с центром в Тайюане, к которому относился и округ Фэньчжоу, еще в VI в. был одним из центров расселения согдийцев и других выходцев из Центральной Азии [Чжоу, 2016, с. 122], и кто угодно из них мог принести повествования о женщине — строительной жертве и с территории нынешних Индии или Афганистана, и из других районов.

Что касается погребения в сосуде — яркой детали, которая не находится в других сюжетах группы, — для нее есть «археологическое» объяснение. На территории Шаньси находят захоронения детей и подростков в кувшинах, которые относятся как к неолиту, так и к временам Чжаньго и даже Хань [An Zhimin, 1996, p. 707; Bai, 2002, p. 34, 37][10]. Напрашивается предположение, что слух, легший в основание рассказа, возник при случайном обнаружении кувшинного погребения во время строительства для истолкования забытого значения этой практики.

О женщине — добровольной жертве плавильной печи, как говорилось выше, впервые упоминается в VIII в. в связи с землями древнего государства У, конкретно — с центральной частью нынешней провинции Аньхуэй[11]. Как известно, в том числе и по материалам «рассказов об удивительном», регион Аньхуэй — Цзянсу — Чжэцзян (как и Шаньси, где происходит действие «Девицы из Фэньчжоу») в это время был отмечен зороастрийским влиянием [Хай, 2019, с. 79; Чжан, 2010, с. 385–386; Старостина, 2013, с. 329–331]. Учитывая это, стоит предположить, что древняя местная вера в действенность человеческого жертвоприношения в литейном деле соединилась с иранской легендой о строительной жертве.

Заключение

Тематическая проработка и мотивный анализ «рассказов об удивительном», современных первой записи о женщине, бросившейся в плавильную печь, позволили найти два близких по структуре и содержанию повествования: «Дочь персидского царя» из «Юян цза цзу» и «Девица из Фэньчжоу» из «Гуан

[10] Также см., например, сообщение «Шаньси жибао» от 16 августа 2011 г. о раскопках в уезде Цзянсянь провинции Шаньси. – URL: https://www.chinanews.com.cn/cul/2011/08-16/3262326.shtml (дата обращения 28.03.2023).

[11] Второе упоминание о женщине – *тоу лу шэнь* содержится в написанной в 870-е гг. книге «У ди цзи» 吴地記 («Записки о землях У»), сочинении Лу Гуанвэя 陸廣微, где оно связано с нынешним г. Сучжоу [Юань, 1985, с. 311–312]. Впоследствии подобные верования будут зафиксированы в самых разных местах Китая (но не повсеместно; впрочем, картографирование их еще не было проведено).

гу цзинь у син цзи». Однако они посвящены строительной жертве и не связаны с литейным или кузнечным производством. В «Девице из Фэньчжоу» сохранились только некоторые черты инокультурного источника, поскольку центр тяжести в нем приходится на новый элемент — объяснение смысла древних кувшинных погребений. «Дочь персидского царя» сохраняет более старый рисунок сюжета и представляет собой изложение мифа какого-то иранского народа об основании г. Балх.

Как показывает разбор по мотивам, «Дочь персидского царя», в свою очередь, содержательно и структурно близка к индийским балладам о строительстве резервуаров, а также к европейским балладам о замурованной жене. При этом героиня рассказа из «Юян цза цзу» изображена дочерью легендарного основателя Балха и одновременно водной богиней, что в сочетании с некоторыми особенностями индийских баллад наводит на мысль о связи прообраза сюжета о замурованной жене с древними верованиями в женское водное божество, возможно — Ардвисуру Анахиту.

Легенды же о покровительницах кузнецов и литейщиков возникли из синтеза сюжета о женской строительной жертве и верований в необходимость человеческой жертвы для обеспечения успешной работы по металлу. Они развивались и изменялись в течение тысячелетия с лишним, составив особую группу сюжетов, подробное изучение которой — дело будущего.

Список литературы / References

1. Алимов И. А. *Записи о сокровенных чудесах: Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2014 [Alimov I. A. *The Notes of Innermost Miracles. A Concise History of the Chinese Xiaoshuo Prose of the 7–10th Centuries*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014 (in Russian)].
2. Алимов И. А. *Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошо об удивительном X–XIII вв.* СПб.: Петербургское востоковедение, 2021 [Alimov I. A. *The Cloudy Parlor. A Concise History of the Chinese Supernatural Xiaoshuo Prose of the 10–13th Centuries*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2021 (in Russian)].
3. Байбурин А. К. «Строительная жертва» и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян. *Проблемы славянской этнографии*. Л.: Наука, 1979. С. 155–162. [Baiburin A. K. Construction sacrifice and concomitant ritual symbols among the Eastern Slavs. *Problems of Slavic ethnography.* Leningrad: Nauka, 1979, pp. 155–162 (in Russian)].
4. *Гаты Заратуштры*. Пер., вступ. статья, коммент. и прилож. И. М. Стеблин-Каменского. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009 [*The Gathas of Zarathushtra*. Transl., intr., comm. and app. by I. M. Steblin-Kamensky. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedeniye, 2009 (in Russian)].
5. Иванов В. В. Происхождение и трансформации фабулы баллады о мастере Маноле. *Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли*. М.: Индрик, 2003. С. 422–436 [Ivanov V. V. The Origin and Transformation of the Plot of the Ballad about the Master Manole. *Slavic and Balkan linguistics. Man in the Space of the*

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

Balkans. Behavioral Scenarios and Cultural Roles. Moscow: Indrik, 2003, pp. 422–436 (in Russian)].

6. Малявкин А. Г. *Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования*. Новосибирск: Наука, 1989 [Malyavkin A. G. *Tang Chronicles about the States of Central Asia. Texts and Research*. Novosibirsk: Nauka, 1989 (in Russian)].
7. *Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной.* М.: Энерджи Пресс, 2010 [*Nivkh Myths and Tales from the Archive of G. A. Otaina*. Moscow: Energy Press, 2010 (in Russian)].
8. Старостина А. Б. Падающие демоны грома в средневековом Китае. *In Umbra: Демонология как семиотическая система*. Вып. 2. М.: Индрик, 2013. С. 319–337 [Starostina A. B. Thunder Demons Falling Down in Medieval China. *In Umbra: Demonology as a semiotic system.* Issue 2. Moscow: Indrik, 2013, pp. 319–337 (in Russian)].
9. Яворский И. Л. *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878–1879 гг.: из дневников И. Л. Яворского*. Т. 1. СПб.: Тип. д-ра М. А. Хана, 1882 [Yavorsky I. L. *Journey of the Russian Embassy in Afghanistan and the Bukhara Khanate in 1878–1879: from the Diaries of I. L. Yavorsky.* Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiia d-ra M. A. Khana, 1882. (in Russian)].
10. Дуань Чэнши (段成式). *Юян цза цзу* (Пестрые заметки с южного склона горы Ю 酉陽雜俎). Сверка и комментарии Сюй Иминя. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2015 [Duan Chengshi. *Youyang Za Zu* (Miscellaneous Morsels from Youyang). Comp. & comm. by Xu Yimin. Beijing: Zhonghua shuju, 2015 (in Chinese).
11. Ли Пэн (李鵬). Чжуцзао сишэн дэ миньсу цзеси (Фольклористический анализ жертвы при литье металла鑄造犧牲的民俗解析). *Бэйцзин лигун дасюэ сюэбао (шэхуэй сюэ бань)*. 2008. № 5. С. 3–6. [Li Peng. Zhuzao xisheng de minsu jiexi (Folk-Custom Interpretation of Foundry Sacrifice). *Beijing ligong daxue xuebao (shehuixue ban)*. 2008. No 5, pp. 3–6. (in Chinese)].
12. [Ли Фан (李昉) и др., сост.]. *Тайпин юй лань* (Высочайше просмотренная [энциклопедия] годов Тайпин 太平御覽). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1995 [[Li Fang et al., comp.]. *Taiping yu lan* (*Imperial Compendium of the Taiping Era*). Beijing: Zhonghua shuju, 1995 (in Chinese)].
13. [Ли Фан (李昉) и др., сост.]. *Тайпин гуан цзи* 太平廣記 (Обширные записи годов Тайпин). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2006 [[Li Fang et al., comp.]. *Taiping guang ji* (*Extensive Records of the Taiping Era*). Beijing: Zhonghua shuju, 2006 (in Chinese)].
14. Ли Цяо (李喬). *Ханъе шэнь чунбай: Чжунго миньчжун цзао шэнь юньдун яньцзю* (Поклонение божествам — покровителям профессий. Исследование созидания богов китайскими народными массами 行業神崇拜: 中國民眾造神運動研究). Пекин: Бэйцзин чубаньшэ, 2013 [Li Qiao. *Hangye shen chongbai: Zhongguo minzhong zao shen yundong yanjiu* (The Worship of Trade Patrons: Research on Chinese Folk God-making). Beijing: Beijing chubanshe, 2013 (in Chinese)].
15. Ма Сяохэ (馬小鶴), Ван Цзюань (汪娟). Цзитянь Фэн чжи моницзяо вэньсянь ханьцзы инь се яньцзю (Исследования Ёсида Ютака о транслитерациях посредством китайских иероглифов в манихейских текстах 吉田豐之摩尼

教文獻漢字音寫研究). *Дуньхуан сюэ* (Studies on Dunhuang). 2018. № 34. С. 79–100 [Ma Xiaohe, Wang Juan. Jitian Feng zhi monijiao wenxian hanzi yin xie yanjiu (Yoshida Yutaka's Research on Middle Iranian Transliterated into Chinese Characters in Manichaean Texts). *Dunhuang xue (Studies on Dunhuang)*. 2018. No 34, pp. 79–100. (in Chinese)].

16. Хай Либо (海力波). Цун Луцзян минь кань Тан дай чжигуай чжун дэ сянь цзяо иши (Зороастрийские ритуалы в танских рассказах об удивительном через призму «Луцзянского простолюдина» 從《廬江民》看唐代志怪中的祆教儀式). *Вэньхуа ичань.* 2019. № 1. С. 79–89 [Hai Libo. Cong Lujiang min kan Tang dai zhiguai zhong de xian jiao yishi (Zoroastrian Rites in Zhiguai Tales of Tang Period from the Perspective of the "Lujiang Commoner"). *Wenhua Yichan.* 2019. No. 1, pp. 79–89 (in Chinese)].
17. Чжан Сяогуй (張小貴). Сун дай Ми Фэй цзуюань цзи ци синьян (О генеалогии сунского Ми Фэя и его вере 宋代米芾族源及其信仰). *Чжунхуа вэньши луньцун*. 2010. № 3. С. 371–393 [Zhang Xiaogui. Song dai Mi Fei zuyuan ji qi xinyang (On the Genealogy and Belief of Mi Fu in the Song Period). *Zhonghua wenshi luncong*. 2010. No 3, pp. 371–393 (in Chinese)].
18. Чжоу Вэйчжоу (周偉洲). *Синь чуту чжунгу ю гуань хуцзу вэньу яньцзю* (Исследования вновь обнаруженных средневековых артефактов, имеющих отношение к народам *ху* 新出土中古有關胡族文物研究). Пекин: Шэхуэй кэсюэ, 2016 [Zhou Weizhou. *Xin chutu zhonggu you guan huzu wenwu yanjiu* (The Study about the Newly Unearthed Relics of Hu People in Medieval Times). Beijing: Shehui kexue, 2016 (in Chinese)].
19. Юань Кэ (袁珂). *Чжунго шэньхуа чуаньшо* цыдянь (Словарь китайских мифов и преданий 中國神話傳說詞典). Шанхай: Шанхай цышу, 1985 [Yuan Ke. *Zhongguo shenhua chuanshuo cidian* (Dictionary of Chinese Myths and Legends). Shanghai: Shanghai cishu, 1985 (in Chinese)].
20. An Zhimin. *China (3000–1600 BC). History of Humanity: Scientific and Cultural Development*. Vol. II. Ed. by A. H. Dani & J.-P. Mohen. UNESCO, 1996, pp. 703–724. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000119150 (accessed: 28.03.2023).
21. Bai Yunxiang. A Study of Urn-Burials in the Warring States and Qin — Han Periods. *Chinese Archaeology*. 2002. No 2(1), pp. 33–39.
22. Balogh D. (ed.) *Hunnic Peoples in Central and South Asia: Sources for Their Origin and History*. Groningen: Barkhuis, 2020.
23. Boyce M., Chaumont M. L., Bier C. ANĀHĪD. *Encyclopædia Iranica*. Originally published: December 15, 1989, last updated: August 3, 2011. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/anahid (accessed: 29.03.2023).
24. Dundes A. How Indic Parallels to the Ballad of the 'Walled-Up Wife' Reveal the Pitfalls of Parochial Nationalistic Folkloristics. *The Meaning of Folklore: The Analytical Essays of Alan Dundes*. Logan: Utah State University Press, 2007.
25. He Jianjun (transl., introd., comm.). *Spring and Autumn Annals of Wu and Yue. An Annotated Translation of Wu Yue Chunqiu*. Ithaca — London: Cornell University Press, 2021.
26. Hutchison J., Vogel J. Ph. *History of the Panjab Hill States*. Vol. 1. Lahore: Superintendent, government printing, 1933.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

27. Kropej M. Folk Storytelling between Fiction and Tradition: The “Walled-Up Wife” and Other Construction Legends. *Studia mythologica slavica*. 2011. No 14, pp. 61–86.
28. Parpulova L. The Ballad of the Walled-up Wife: Notes about its Structure and Semantics. *Balkan Studies*. 1984. No 25(2), pp. 425–439.
29. Penny B. Liexian zhuan. *Encyclopedia of Taoism*. Ed. by F. Pregadio. London: Routledge, 2008, pp. 653–654.
30. Santos D. M. *A note on the Syriac and Persian sources of the pharmacological section of the Yŏuyáng zázŭ*. Córdoba: Universidad de Córdoba, 2010.
31. Sharma M. State, Waterways and Patriarchy: he Western-Himalayan Legend of Walled-up Wife. *Himalaya, the Journal of the Association for Nepal and Himalayan Studies*. 2016. No 35(2), pp. 102–117.
32. Thompson S. *Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths etc*. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. 6 vols. Web version: URL: https://ia800408.us.archive.org/30/items/Thompson2016MotifIndex/Thompson_2016_Motif-Index.pdf (accessed: 07.04.2023).
33. Waley A. The Chinese Cinderella Story. *Folklore*. 1947. No 58(1), pp. 226–238.

Информация об авторе

Старостина Аглая Борисовна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Отдела Китая, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, abstarostina@gmail.com.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена рецензентами 16.03.2023; принята к публикации 19.03.2023; опубликована 30.03.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Aglaia B. Starostina — Ph. D. (Philos.), Senior Research Fellow, China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; abstarostina@gmail.com.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 08.02.2023; approved after reviewing 16.03.2023; accepted for publication 19.03.2023; published 30.03.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

CHRONICLE
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Events in world science
  Обзор конференции
- Review
  Рецензии

CHRONICLE
Events in world science
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Обзор конференции

Научная статья Исторические науки
УДК 94(063)(540+5)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-159-172

LXII Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения». «Текст и пространство культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия»

Елена Валерьевна Тюлина
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
tyulina57@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1758-8990

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор ежегодной конференции «Рериховские чтения». В 2022 году она была посвящена 120-летию со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда Ю. Н. Рериха (1902–1960), в память которого проводится эта конференция. В мемориальной части выступавшие рассказали о научных достижениях Рериха в области тибетологии и индологии. Тематика научной части соответствовала заявленной теме — «Текст и культурная динамика: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия» и охватывала географический ареал сферы научных интересов Ю. Н. Рериха. Докладчики представили свои новейшие исследования данного региона, относящихся к различным областям науки — филологии, литературоведенью, языкознанию, философии, истории культуры, религиоведению и искусствоведению.

Ключевые слова: тибетология, индология, перевод и интерпретация текстов, Ю. Н. Рерих

Для цитирования: Тюлина Е. В. Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения». «Текст и пространство культуры: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». *Ориенталистика*. 2023;6(1):159–172. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-159-172.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.
© Тюлина Е. В., 2023
© Ориенталистика, 2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Тюлина Е. В. LXII Ежегодная международная конференция «Рериховские чтения»
Ориенталистика. 2023;6(1):159–172

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-159-172

LXII George Roerich Annual International Meeting. Text and Cultural Dynamics: Ancient and Medieval India and Central Asia

Elena V. Tyulina

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tyulina57@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1758-8990

Abstract. This article is an overview of the George Roerich Annual International Meeting. In 2022, it was dedicated to the 120th anniversary of the birth of the outstanding Russian orientalist George Roerich (russ.: Yurii Nikolaevich Rerikh 1902–1960), in whose memory this conference is being held. In the memorial part, the speakers told about Roerich's scientific achievements in the field of Tibetology and Indology. The subject of the scientific part corresponded to the stated theme — "Text and cultural dynamics: Ancient and medieval India and Central Asia" and covered the geographical area of the sphere of scientific interests of George Roerich. The speakers presented their latest research of this region, related to various fields of science — philology, literary studies, linguistics, philosophy, cultural history, religious studies and art history..

Keywords: Tibet, studies, Indology, Texts, Tibetan, translation of, Texts, Indian, translation of, Roerich, George [Rerikh, Yurii Nikolaevich]

For citation: Tyulina E. V. LXII George Roerich Annual International Meeting. Text and Cultural dynamics: Ancient and Medieval India and Central Asia. *Orientalistica*. 2023;1(6):159–172. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-159-172 (in Russian).

Введение

7–9 декабря 2022 г. в Институте востоковедения РАН состоялись LXII Рериховские чтения «Текст и культурная динамика: Древняя и средневековая Индия и Центральная Азия». Они были посвящены 120-летию со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда Юрия Николаевича Рериха. Открыла чтения заместитель директора ИВ РАН по научной работе *Н. Г. Романова*. Она отметила, что Юрий Николаевич немного проработал в Институте востоковедения, однако масштаб его личности и талант настолько велики, что мы до сих продолжаем изучать его работы и проводим ежегодно эту конференцию. Она высоко оценила достижения русской школы индологии и буддологии, основы которой заложил Ю. Н. Рерих, и подчеркнула важность сохранения и развития ее традиций. С вступительным словом от организаторов конференции выступила *В. В. Вертоградова* (ИВ РАН). По ее

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Tyulina E. V., 2023
© Orientalistica, 2023

мнению, появившиеся в последнее время многочисленные публикации, касающиеся биографии Ю. Н. Рериха, имеют существенный недостаток. Они не дают полного представления об индивидуальности и научных достижениях Юрия Николаевич, так как в них он рассматривается лишь как один из членов семьи Рерихов. К сожалению, совершенно забыты оказались его лингвистические работы. Особенно Вертоградова отметила его монографии, посвященные тибетским диалектам [de Roerich, 1933; 1958]. Они являются серьезными теоретическими исследованиями разговорных языков, которые требуют изучения и дальнейшего продолжения.

Доклады

А. М. Шустова (ИВ РАН) в докладе «Дарджилингский период в научной карьере Ю. Н. Рериха» показала, что этот период стал для Юрия Николаевича Рериха важной вехой в его научной карьере. Рерихи приехали в Дарджилинг в самом конце 1923 г. и оставались там до отъезда в длительную экспедицию по Центральной Азии 1925 г. Здесь были замечательные условия для изучения тибетского языка, и под руководством аутентичных учителей тибетского, образованных тибетских лам, молодой ученый превратился в серьезного тибетолога, знатока тибетской истории и культуры. Именно в Дарджилинге начинается его работа по составлению тибетско-английского словаря. Однако Юрий Николаевич не бросает и занятий санскритом. В частности, он продолжил начатые еще в Гарварде переводы на русский язык «Иша», «Катха» и «Чхандогья» упанишад, а также «Гирлянды джатак». В Дарджилинге им была написана книга под названием «Тибетская живопись» [Roerich, 1925]. Это не только его первая научная монографию, но и вообще первое западное исследование тибетской живописи, в котором не только был дан исторический срез развития тибетского искусства, но и определены подходы к его изучению, а также поставлены общие вопросы. Главным из них является концепция единых истоков как восточного, так и западного искусства, а также единство развития художественных традиций. Именно в Дарджилинге Юрий Николаевич начинает активно собирать книги по восточной тематике, многие из которых находятся сейчас в мемориальном кабинете Ю. Н. Рериха в Институте востоковедения РАН.

Далее выступили ученые, продолжающие направления научной деятельности Ю. Н. Рериха. В начале конференции прозвучали доклады, посвященные **исследованию языков и истории Тибета.**

В докладе *А. И. Когана* (ИВ РАН) «К реконструкции языковых контактов в области Шангшунг в дотибетскую эпоху» был предложен ряд гипотез относительно языковых контактов в исторической области Шангшунг на северо-западе Тибета в эпоху, предшествовавшую завоеванию этой области тибетцами во второй половине I тыс. н. э. Язык дотибетского населения Шангшунга, известный, главным образом, по ряду фрагментов в средневековых тибетских текстах, относится к западногималайской группе тибето-бирманской ветви сино-тибетской языковой семьи. При этом, однако, в лексике этого языка докладчик выделил заметный по объему индоиранский этимологический пласт. Значительная часть слов, относящихся к дан-

ному пласту, по историко-фонетическим и / или семантическим причинам не может быть выведена из санскрита. Докладчик показал, что некоторые подобные слова обнаруживают точные соответствия в тибетских диалектах Ладакха и Балтистана. На основании анализа индоиранских элементов в шангшунгском языке им был сделан вывод о том, что дотибетское население области Шангшунг, вероятно, находилось в достаточно тесном контакте с арийскими (возможно, дардскими) по языку жителями областей, расположенных ниже по течению Инда.

Д. А. Кораблин (ИВ РАН) выступил с докладом «Трактат Марко Паллиса, предостерегающий Тибет о последствиях Кали-юги (об атрибутировании и содержании тибетского ксилографа из Архива музея Рерихов, филиала Государственного музея Востока)». Он отметил, что в конце 1940-х — начале 1950-х гг. кризис тибетской государственности сопровождался небывалым подъемом интереса к тибетологии и тибетской культуре в целом: многие европейские исследователи и путешественники устремились в Тибет и индо-тибетское пограничье, оставив не только значительное число научных работ, но также и ряд литературных и художественных произведений, сформировавших «образ Тибета» в культуре Запада. Докладчик проанализировал трактат, подготовленный британским исследователем Гималаев М. Паллисом (1895–1989), и рассказал об обстоятельствах его написания. Текст был опубликован на тибетском языке в виде развернутого комментария к политическому завещанию Далай-ламы XIII, и предполагалось, что его потенциальными читателями будут именно тибетцы. Своеобразие философского мировоззрения автора текста позволили докладчику проследить следы взаимопроникновения и пересечения воззрений европейской философии традиционализма и тибетских представлений о Кали-юге, а само появление текста рассматривать как результат разнообразных транскультурных коммуникаций, возникающих между носителями тибетской культуры и представителями западной философской мысли.

Большинство докладов на «Рериховских чтениях» было посвящено **исследованию древних и средневековых индийских произведений, проблемам формирования их текстов, вопросам интерпретации и перевода**.

Н. А. Корнеева (независимый исследователь, Москва) в докладе «Композиция “Апастамба-шраутасутры”: базовые ритуалы (prakṛti) и их модификации (vikṛti)» отметила, что содержание исследуемого текста достаточно систематизировано, как и у большинства шраутасутр. Текст «Апастамба-шраутасутры» охватывает предписания по проведению фактически всех шраутаритуалов школы Апастамбы Черной Яджурведы. Такое огромное количество материала представлено достаточно компактно, что говорит о том, что система ведийских жертвоприношений должна была быть тщательно разработана и традиционные руководства составлялись в соответствии с хорошо разработанными методами композиции. Предписания «Апастамба-шраутасутры» докладчица условно разделила на две части: *хавир-яджна* (havir-yajña) и *сома-яджна* (soma-yajña) и показала, что материал этого произведения организован по принципу перехода от общего к частному и исключениям. Причем этот принцип применяется не только

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

в каждой из двух частей текста, но часто и в отдельных разделах и подразделах. Первыми описываются базовые архетипы жертвенных церемоний — *пракрити* (prakṛti), затем следуют темы, требующие отдельного рассмотрения, далее отдельные жертвоприношения, которые являются модификацией базовых жертвенных церемоний — *викрити* (vikṛti). В докладе было показано, как соотносятся эти жертвоприношения и какие пояснения дает Апастамба по этому поводу.

Е. Г. Вырщиков (ИВ РАН) в докладе «Связка *текст — смысл — мышление* в “Артхашастре” Каутильи: уникальность и стандартность» коснулся особенностей стилистики исследуемого памятника. По мнению докладчика, «Артхашастра» отличается от *дхармасутр* и *дхармашастр* способом описания пространства, как географического, так и геостратегического. В последних (как и в палийском каноне) пространство задается преимущественно перечислением географизмов и этнографизмов как маркеров пространства по принципу «целое через значимые части». В «Артхашастре» же так задаются только части пространства, не входящие, собственно, в *джанападу*. Сама же *джанапада* предстает в тексте только как искусственно сконструированный объект, как и ее маркированные части (город, цитадель, *антахпура* и т. д.). При ее описании мы не встретим ни одного указания на этнографические или географические реалии. Это отделяет ее от окружающей дикой территории, выделяя как землю окультуренную. Докладчик показал, что такой способ порождения текста требует совершенно иного метода мышления, нежели тот, что мы видим в палийском каноне или, скажем, в литературе смрити. Подобное конструирование абстрактной реальности и исследование ее свойств по деятельностным установкам напоминает работу математика или инженера. Именно определенному форматированию мышления учеников, по мнению докладчика, призван служить сам текст «Артхашастры».

Доклад *Н. В. Александровой* (ИВ РАН)«Стилистика Амаравати и поэтика “Лалитавистары”» был посвящен буддийскому житийному нарративу в древней Индии, который вырабатывался не только в виде текста, но и в виде изображений, во множестве создававшихся в местах отправления культа. Эти две формы выражения предания существовали в определенном соотношении. В докладе предпринята попытка сопоставить стилистику изобразительного памятника (рельефы ступы в Амаравати) и текстового памятника («Лалитавистара»). На основе этого исследования докладчицей сделан вывод о следующих сходных чертах этих памятников буддийской культуры: 1) пространственные сферы передаются с помощью плотного заполнения фигурами; 2) экспрессия выражается через резкие, изломанные движения тел в сценах со множеством участников; 3) промежутки между сюжетными сценами заполняются формульными фрагментами.

Н. Р. Лидова (ИМЛИ РАН) в докладе «*Тригата* в “Натьяшастре”: религиозное и символическое значение» рассмотрела речевую сцену под названием *тригата*, охарактризованную в «Натьяшастре» в двух видах: 1) как один из элементов драмы жанра *витхи* и 2) как составная часть ритуала *пурваранги*, предваряющего представление пьесы. Докладчица проанализировала ритуальное содержание этой сцены и выявила статус и религиозное

значение каждого из ее участников: главного жреца — *сутрадхары*, его помощника *парипаршваки* и второго помощника, исполняющего в *тригате* роль *видушаки*.

В докладе «“Недосказанность / прерванность речи” в классической санскритской драме» *Е. А. Юдицкая* (ИВ РАН) показала, что в индийской драме ремарка *ityardhokte* (досл. «так сказав наполовину») встречается довольно часто, и при этом для речевых ситуаций, в рамках которых она появляется, характерна совершенно определенная, устоявшаяся форма. Обычно прерываемая фраза содержит ту или иную ошибку (оговорку, ослышку и т. д.), которую персонаж допускает бессознательно. Следом практически всегда идет объяснение этой ошибки, порой весьма изощренное с точки зрения современных представлений о работе сознания. Докладчица выделила три типа речевых ситуаций, маркируемых в санскритской драме данной ремаркой. Первый тип объединяет такие ситуации, при которых герой сам обрывает свою речь, осознав, что она звучит неуместно или содержит ошибку. Второй тип соотносится с эпизодами, где речь персонажа обрывается репликой другого героя. Третий тип представляет собой такие ситуации, при которых речь героя обрывают не зависящие от его воли обстоятельства — например, слезы, душащие героиню и мешающие продолжать говорить — мотив известный уже из пракритской лирики. Неоконченная фраза указывает на определенное психоэмоциональное состояние героя (соотносимое с понятием *бхрама* (досл. «ошибка», «смятение», «заблуждение», «ошибочное представление»), под воздействием которого он теряет контроль над собственным поведением, что выражается с помощью разного рода неосознаваемых ошибок в речи и ошибочных действиях.

В. В. Вертоградова (ИВ РАН) в докладе «Учение о цвете Ксенократа Сикионского и теория цвето-культурной компетенции *чхави* Древней Индии» сравнила древнегреческую и древнеиндийскую теории цвета. Докладчица много лет исследовала древнеиндийские трактаты по изобразительному искусству, в которых была разработана концепция *чхави* (chavi) — теория о том, как и по каким законам изменяются цвета по светлоте или тональности. Понять уникальность индийской концепции цвета докладчице помогло сопоставление с теорией живописи Ксенократа Сикионского, дошедшей до нас в пересказе Гая Плиния Старшего, которая также основывалась на тональной классификации. Однако между этими концепциями Вертоградова выявила существенное различие: греческая система использовала черный цвет в своих построениях, а в индийской черный вообще был исключен из кода основных цветов. У греков различные ступени светлоты лежат в плоскости между светом и блеском, с одной стороны, и абсолютной тьмой, чернотой – с другой. В Индии же вырабатываются законы, как преобразуются цвета (желтый, красный, зеленый и синий) без черного по степени убывания света и блеска. Применение этой системы модуляций докладчица продемонстрировала на примере живописи Аджанты (IV–V вв.),

Доклад *Е. В. Тюлиной* (ИВ РАН)«Представления о времени и пространстве в “Прета-канде” “Гаруда-пураны”» был связан с исследованием особенностей жанра пуран, в которых по сравнению с предшествующей литерату-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

рой большое внимание уделяется идее времени и формируются своеобразные «индийские» представления об истории. Косвенно протяженность во времени в пуранах оказывается связанной с «протяженностью» текста, что влияет на объем этих памятников: они включают в свой состав огромный корпус произведений. В их числе оказался огромный текст, посвященный культу предков. Это вторая книга «Гаруда-пураны», под названием «Прета-канда». Включение этого текста в состав пураны объясняется не только тем, что тема почитания предков соответствует представлениям об истории. Царем мира мертвых является Яма, на которого уже в древней литературе переносятся функции бога Времени — Калы *(kala)*, первоначально считавшегося отдельным божеством. В пуранах же Кала превращается в один из эпитетов Ямы. Это объясняется тем, что Яма ведает сроками жизни: он «тот, кто подсчитывает [продолжительность] жизни людей и прочих [существ]» (ГП II.23.27). Поэтому текст, посвященный Яме и его царству, является чрезвычайно важным для понимания представлений о времени. В докладе было показано, каковы особенности представлений о времени в «Прета-канде» и как они повлияли на концепцию времени в пуранах.

В докладе *О. П. Вечериной* (РУДН)«Философия и практики самоповреждающего поведения в тамильском бхакти» были рассмотрены философия и практики так называемого самоповреждающего поведения в древней тамильской культуре и особенно в тамильском шайва-бхакти на основе анализа жизнеописаний 63 тамильских святых — бхактов Шивы, описанных в «Перияпуранам» (Periyapurāṇam) Секкилара (XII в.) [McGlashan, 2006]. В ряду повреждающих телесных практик шайва-бхактов, зафиксированных Секкиларом и тесно связанных с практикой «жестокой любви» (*ваннанбу*), выделяют три разных вида, отличающихся разной мотивацией: 1) самоповреждающее поведение вплоть до суицида; 2) повреждение тел своих близких вплоть до их убийства и 3) особо жестокое убийство врагов [Hudson, 1989; Monius, 2004]. Рассматривая вариации таких самоповреждающих практик, докладчица показала их связь с предшествующей традицией ритуального самоубийства древних тамильских царей, а также с традициями бхактов, готовых к самоистязанию без всяких рассуждений. Совершение и завершение этого действия являются главной жертвой бхакта и знаком завершения перехода его «Я» и его тела в принципиально иное состояние бытия, из которого возврат к прежней жизни уже невозможен. В ритуальном поведении бхакта мотив самоповреждения — это еще и зримый маркер избранничества Шивой. В структуре сформировавшегося к XII в. канона именно эти бхакты удостоились индивидуального поклонения и особых праздников в свою честь.

Н. В. Гордийчук (ИВ РАН) выступил с докладом «Несколько замечаний о введении и первой части “Тирумантирама”». Он отметил, что трактат «Тирумантирам» средневекового тамильского святого Тирумулара считается одним из важных источников по истории йоги, а также наиболее ранним систематическим изложением основ философской системы шайва-сиддханты на тамильском языке. Содержание произведения весьма разнообразно — это и моральные наставления общего характера в духе тамильской дидакти-

ческой поэзии, и мифологические нарративы, и описания собственного мистического опыта. На материале введения и первой части (тантры) трактата докладчик рассмотрел некоторые проблемы определения жанровой принадлежности этого произведения, а также рассказал о трудностях его перевода и интерпретации.

С. О. Цветкова (СПбГУ) в докладе «Проявление чувств в лирике кришнаитского бхакти XVI в.» показала, что в средневековом ритуале поклонения Кришне важнейшее значение получает лирическое песнопение особого рода: оно представляет собой исповедь, изъявление глубоких эмоциональных переживаний, владеющих бхактом в его обращении к божеству. Характер этого выражаемого самозабвенного чувства зависит от типа бхакти, типа взаимоотношений бхакта с богом. Исключительно интенсивное эмоциональное переживание сознается бхактом как духовная жертва богу; изъявление его в песнопении приобретает характер ритуального «жертвоприношения чувств». При этом эмоциональное переживание бхакта должно оставаться контролируемым, правильно внутренне реализуемым, поскольку в высшем своем выражении достигает опасной точки экстаза. В этом отношении сам текст песнопения, создаваемый «по правилам», служил бхакту руководством. В связи с этим в докладе на основе песенных текстов известных представителей кришнаитского бхакти XVI в. (Миры Баи, Сурдаса и других поэтов) было рассмотрено, как выражались чувства, владеющие бхактом, и какими рамками формы выражения они были обусловлены.

Несколько докладов было посвящено **языкознанию и его истории**.

В докладе «Лексикализация дезидератива в классическом санскрите» *С. С. Тавастшерна* (СПбГУ) рассказал о попытках древнеиндийских языковедов еще до новой эры исчислить все глагольные корни санскрита (dhātu) — базовые семантические единицы языка (так называемые тексты *Dhātupāṭha*), а также представить их в виде десяти морфологических классов. Очевидно, что в эти классы попал целый ряд производных корней (деноминатив, каузатив, пассив, дезидератив). По мнению докладчика, нельзя говорить о том, что индийские языковеды не понимали производность данных единиц, скорее они фиксировали некую стадию лексикализации, когда в языковом сознании ряд производных глагольных корней уже воспринимался в качестве «исконных». В докладе был предложен анализ ряда употребительных глагольных лексем, исторически восходящих к дезидеративу, но прошедших ряд этапов лексикализации.

В докладе «Немногие сведения о Нилакантхадикшите-грамматисте» *Е. А. Уланский* (ИСАА МГУ) собрал воедино свидетельства о Нилакантхадикшите (*nīlalakaṇṭhadikṣita*), авторе свода метаправил грамматики Панини, называемого «Парибхашавритти» (*paribhāṣāvṛtti*). Собранная им информация позволяет утверждать, что Нилакантхадикшита жил в XVII в., предположительно в период с 1600 по 1675 г.

В докладе *А. А. Смирнитской* (ИВ РАН)«Полисемия в области терминологии родства — дравидийские и индоарийские языки» были рассмотрены термины родства в индоарийских и дравидийских языках, семантические переходы с участием данных терминов, их способность распространять

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

и экстраполировать свое значение. Был выявлен ряд как специфических для данных языков, так и более универсальных паттернов переходов и проанализирован механизм семантического развития, лежащий в их основе. Анализ полисемии показал, что большинство выделенных типов полисемии являются общими для индоевропейских и дравидийских языков.

Доклад *А. С. Крыловой* (ИВ РАН)«Этимологическая классификация лексики в индийской и европейской грамматической традиции на примере языка куллуи» был связан с ее работой над составлением этимологического словаря куллуи на основе полевых материалов, полученных в течение экспедиций 2014–2022 гг. Она продемонстрировала некоторые этимологии, свидетельствующие о сложности применения к конкретным лексическим единицам понятий как европейской этимологической традиции, так и панинийской грамматической традиции, в которой грамматика пракрита описывалась через перечисление отличий его от санскрита и через ряд фонетических правил передачи в нем санскритских слов.

Два доклада были посвящены изучению **индийской философии**.

Л. И. Титлин (ИФ РАН) выступил с докладом «К вопросу о русском переводе “Мимансака-парикальпита-атма-парикши” “Таттва-санграхи” Шантаракшиты (VIII в.), с комментарием Камалашилы “Панджика”». Рассматриваемый в докладе отрывок является самым обширным разделом 7-й главы «Таттва-санграхи», носящей название «Атмапарикша». Он посвящен дискуссии между буддистами и мимансаками по вопросу о существовании *атмана*. Камалашила, непосредственный ученик Шантаракшиты, написавший к его труду последовательный комментарий, отождествляет оппонентов своего учителя с последователями Джаймини (основателя мимансы, упоминаются и даже цитируются его «Миманса-сутры»). Полемика в основном ведется с Кумарилой Бхаттой (ок. 600–700 гг., автором «Шлока-варттики», целая глава которой посвящена учению об *атмане* («Атмавада»). Также упоминается Шабара (Шабарасвамин, ок. I в. до н. э.) — создатель «Миманса-сутра-бхашьи», наиболее авторитетного комментария на сочинение Джаймини. Докладчик рассказал об особенностях исследуемого текста, истории его обнаружения и исследования. Говоря о философском содержании «Мимансака-парикальпита-атма-парикши», он затронул вопрос о проблемах, возникающих при подготовке первого русского перевода этого текста.

Доклад *С. Ч. Офертаса* (ИВ РАН) «О предельном предмете в “Парамартхасаре” Абхинавагупты» был посвящен пояснению выражения из *мангалашлоки* Йогараджи, вступительного стиха, предваряющего его комментарий «Парамартхасары». Это выражение: «cidghano 'pi» докладчик истолковал с иллюстративным привлечением примеров метрической размерности, а также размерности топологической.

На чтениях выступили также ученые, занимающиеся **межкультурными влияниями и контактами** стран, входящих в ареал научных интересов Ю. Н. Рериха.

М. Б. Мейтарчиян (ИВ РАН) в своем докладе «Священные зороастрийские тексты и переписка парсийских жрецов с зороастрийскими жрецами Ирана» продолжила разработку темы о формировании зороастрийских ритуалов

[Мейтарчиян, 2001, с. 281–286]. Она коснулась тех изменений, которые претерпел ритуал почитания огня у зороастрийцев, после завоевания Ирана арабами перебравшихся в Индию, где их стали именовать парсами. Основным источником для доклада послужили «Персидские Риваяты», трактаты, содержащие переписку парсийских жрецов с зороастрийскими жрецами Ирана.

Б. У. Китинов (ИВ РАН) и *А. Г. Люлина* (ИВ РАН) выступили с совместным докладом «Стела монастыря Шакья (释迦院碑) в Монголии — изучение и анализ текста». Каменная стела с надписью на двух языках — монгольском и китайском — была обнаружена в 1953 г. на севере Монголии (аймак Хубсугул) в руинах монастыря. Согласно надписи, она была воздвигнута в 1257 г. ойратом по имени Балиту (Барс-Тог) в честь хана Мункэ. Китайский текст имеет отсылки к буддийским сутрам и конфуцианским канонам и может свидетельствовать о времени существования буддийской традиции у ойратов. Стела изучалась монгольскими и китайскими учеными в 60–70-х гг. XX в. Сейчас она находится в Государственном музее Чингисхана в г. Улан-Батор. С недавнего времени снова возрос интерес к тексту памятника. В докладе была представлена история изучения и реконструкции стелы, проведен анализ спорных мест в надписи и возможных вариантов прочтения поврежденных иероглифов, а также был предложен новый перевод надписи на русский язык и ее трактовка.

В докладе «Сообщение о смерти Чингис-хана в русских летописях» *Ю. И. Дробышев* (ИВ РАН) проанализировал рассказ из Галицко-Волынской летописи (Ипатьевский свод) о том, что Чингис-хан погиб в тангутском государстве. Он воспроизводится также с большими или меньшими изменениями в ряде других, более поздних летописей (Софийской Первой, Воскресенской, Типографской, Вологодско-Пермской, Холмогорской и в Московском великокняжеском своде 1479 г.). Однако из надежных источников известно, что Чингис-хан мирно скончался в своем походном шатре. Поэтому, по мнению докладчика, подобная информация могла исходить от покорившихся противников монголов, и в искажении фактов можно усматривать своеобразную месть Чингис-хану. Докладчик высказал предположение, что сведения о насильственной смерти Чингис-хана были почерпнуты в самом тангутском государстве, когда князь Даниил Галицкий посетил ставку Бату в 1245 / 1246 г. Человек из его окружения, фиксировавший происходящие события, разделил их как минимум на две части: 1) описание самого визита князя к Бату с живописными подробностями о свершавшихся там языческих ритуалах и 2) сообщение о войнах монголов после ухода с Калки, в том числе и о судьбе Чингис-хана. Не исключено также, что рассказ о калкской битве и его концовка с упоминанием Чингис-хана принадлежат разным людям. Докладчик также допустил, что будущий книжник сам принимал участие в том походе и уже позднее при дворе Даниила Галицкого в городе Холм записал свои воспоминания в конце 1240-х — начале 1260-х гг. в контексте жизни и деятельности своего князя.

А. А. Солька (независимый исследователь, Лозанна) в докладе «Да́ниэль Готтлиб Мессершмидт: его экспедиции в Сибирь 1719–1727 (текст на латыни о древней Монголии и сибирских языках» представил свою работу по изуче-

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

нию латинских комментариев Мессершмидта к текстам на древнемонгольском и сибирском языках, найденных во время его знаменитой сибирской экспедиции. Докладчик рассказал о малоизвестных филологических исследованиях этого немецкого ученого и их значении для европейской и русской культуры.

Доклад «“Жизнь Будды Ашвагхоши” и Серебряный век русской культуры» *А. Г. Мехакяна* (ММС) был посвящен тому резонансу, который произвел перевод К. Д. Бальмонта поэмы древнеиндийского поэта Ашвагхоши «Буддхачарита» («Жизнь Будды») [Асвагоша, 19913]. Известно, что многие деятели искусств проявили к ней большой интерес. Не миновало это и окружения Скрябина. Докладчик привел свидетельства о том, что в имении Беров в Петровском, где проживали А. Н. Скрябин и Ю. К. Балтрушайтис в 1913 г., собирались и читали эту поэму, вышедшую незадолго до этого. Среди посетителей имения были музыкальные деятели Н. С. Жиляев и Л. Л. Сабанеев, философ Б. Ф. Шлёцер, актер А. А. Подгаецкий (Чабров), поэт, теоретик символизма Вяч. И. Иванов; художник-мистик Н. В. Шперлинг [*Скрябин и современники…*, 2016, с. 34, 35, 39], портретист и известный театральный художник Н. П. Ульянов. К ним после длительного зарубежного путешествия приехал и К. Д. Бальмонт, который познакомился со Скрябиным еще в Москве. Известно, что Скрябин читал произведения Бальмонта и даже делал пометы карандашом (Рыбакова, 2002, с. 141). Докладчик отметил, что и отец Ю. Н. Рериха художник Н. К. Рерих также был знаком с этой книгой и восторженно отзывался о ней.

Е. О. Кузина (ГИИ)«Рецепция тантрического текста в современной культуре: случай Аллена Гинзберга» был посвящен влиянию тантрической традиции на молодежные движения середины XX в. Тантра как мистическая ветвь индуизма проповедует более легкий и быстрый путь к освобождению в неблагоприятную эпоху кали-юги. Это стало определяющим для так называемого бит-поколения, оказавшего влияние не только на хиппи, но и на более широкое антивоенное движение. Главными отправными фигурами движения «бит» были поэты Гэри Снайдер, Аллен Гинзберг и некоторые другие, например, популярные писатели Джек Керуак и Уильям С. Берроуз. Само слово «бит» понималось как производное от слова *beatitude*, которое подчеркивает стремление искать освобождение на границах различных традиций Запада и Востока. Эпизодом использования тантрической *биджа-мантры* (слог, не имеющий конкретного значения, но используемый как священный звук) как своего рода мистического оружия для тотального очищения коллективного разума общества стал Аллен Гинзберг, который возглавил толпу, скандируя слог «Ом» на массовом мероприятии *Human-be-in* в 1967 г. и распевая индийские мантры на Демократической национальной конвенции 1968 г. в Сан-Франциско. Все это было ненасильственным сопротивлением войне во Вьетнаме, подобно тому, к чему призывал Махатма Ганди во время борьбы Индии за независимость. Кроме того, докладчица показала, что бит-движение оказало влияние и на культуру Индии. Благодаря Гинзбергу, который в 1960-е гг. путешествовал по Индии, среди индийских поэтов появилось новое битническое направление. Некоторые их поэмы докладчица проана-

лизировала в своем выступлении. Также в докладе ею был использован перевод знаменитой поэмы Гинзберга «Вопль», выполненный Д. И. Жутаевым.

Заключение

На Рериховских чтениях, посвященных 120-летнему юбилею Ю. Н. Рериха, был по достоинству оценен его вклад в развитие тибетологии и индологии в России. На чтениях выступили 27 участников, продолжающих основные направления научной деятельности этого выдающегося ученого. Согласно традиции, большинство докладов было посвящено различным аспектам изучения древних и средневековых произведений Индии, Тибета, Монголии: 1) подходам к их исследованию, переводу и трактовкам; 2) вопросам, связанным с особенностями формирования их текстов; 3) проблемам развития языков, на которых они написаны. Ряд докладов касался практических и теоретических вопросов исследования современных восточных языков. Также было показано влияние традиций исследуемого региона на культурную и общественную жизнь Европы и России. Доклады, вызвавшие наибольший интерес, предполагается опубликовать в очередном выпуске серийного издания «Индия — Тибет» под редакцией В. В. Вертоградовой.

Сокращения / Abbreviations

ГИИ — Государственный институт искусствознания, Москва, Россия (The State Institute of Art Studies of the Russian Federation, Moscow, Russia).

ИВ РАН — Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Россия (Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

ИМЛИ РАН — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (ИМЛИ РАН), Москва, Россия (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

ИСАА МГУ — Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва. Россия (Institute of Asian and African Countries, Moscow State University M. V. Lomonosov, Moscow, Russia).

ИФ РАН — Институт философии РАН, Москва, Россия (Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

ММС — Мемориальный музей А. Н. Скрябина. Москва, Россия (Alexander Scriabin Memorial Museum, Moscow, Russia).

РУДН — Российский университет дружбы народов, Москва, Россия (RUDN University, Moscow, Russia).

СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия (St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia).

Литература / References

1. Асвагоша. *Жизнь Будды* / Пер. К. Бальмонта. Со вступительной статьей Сильвэна Леви. Москва: М. и С. Сабашниковы, 1913. XXIV, 321, [7] с. [Asvagosha. *The Life of a Buddha*. Transl. by K. Balmont. With an introductory article by Sylvain Levy. Moscow: M. and S. Sabashnikov, 1913. XXIV, 321, [7] p. (in Russian)].

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

2. Мейтарчиян М. Б. Огонь в зороастризме по «Персидским Риваятам» // *Древние цивилизации Евразии история и культура*. Москва: Восточная литература, 2001. С. 281–286 [Meitarchiyan M. B. Fire in Zoroastrianism according to “Persian Rivayats”. *Ancient Civilizations of Eurasia History and Culture*. Moscow: Vostochnaya literature, 2001, pp. 281–286 (in Russian)].
3. Рыбакова Т. В. А. Н. Скрябин в Петровском // *Ученые записки*. Вып. 4. Москва: Мемориальный музей А. Н. Скрябина, 2002. С. 136–156 [Rybakova T. V. A. N. Scriabin in Petrovsky. *Scientific notes*. Issue 4. Moscow: A. N. Scriabin Memorial Museum. 2002, pp. 136–156 (in Russian)].
4. *Скрябин и современники. Материалы к биографии Н. В. Шперлинга*. Москва: Мемориальный музей А. Н. Скрябина, 2016, 120 с. [*Scriabin and his contemporaries. Materials for the biography of N. V. Shperling*. Moscow: A. N. Scriabin Memorial Museum. 2016, 120 p. (in Russian)].
5. de Roerich G. *Dialects of Tibet: The Tibetan Dialect of Lahul. (Tibetica 1)* New York: Urusvati Himalayan Research Institute of Roerich Museum. 1933. 107 p.
6. de Roerich G. *Le Parler de l’Amdo: Étude d’un Dialecte Archaïque du Tibet. (Serie Orientale Roma 18).* Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. 1958.159 p.
7. Hudson D. D. Violent and Fanatical Devotion among the Nāyanārs: A Study in the Periya Purāṇam of Cēkkilār. *Criminal Gods and Demon Devotees. Essays on the Guardians of Popular Hinduism* / Ed. by A. Hiltebeitel. New York: State University of New York Press, 1989, pp. 373–404.
8. McGlashan A. R. *The History of the Holy Servants of the Lord Siva. A Translation of the Periya Purāṇam of Cēkkiḻār*. Oxford: Trafford Publishing, 2006.
9. Monius A. E. Love, Violence, and the Aesthetics of Disgust: Śaivas and Jains in Medieval South India. *Journal of Indian Philosophy*. 2004. Vol. 32, pp. 113–172.
10. Roerich J. *Tibetan Paintings*. Paris: P. Geuthner, 1925.

Информация об авторе

Тюлина Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Истории Востока Институт востоковедения РАН, Москва, Россия, tyulina57@mail.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; принята к публикации 10.03.2023; опубликована 30.03.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

ElenaV.Tyulina — Ph. D. (Hist.), Senor Research Fellow at the Department of the History of the Orient, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, tyulina57@mail.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 09.01.2023; accepted for publication 10.03.2023; published 30.03.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

CHRONICLE
Review
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Рецензии

Научная статья Исторические науки
УДК 94(063)(540+5)
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-173-181

[Рец. на кн.:] Андреев А. А. «Поиск исторического Иисуса»: от Реймаруса до наших дней. Серия: Studia religiosa. Москва: НЛО, 2022. 368 с.

Глеб Гарриевич Ястребов[1, 2]

[1] *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;*
[2] *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия,*
gleb.iastr@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-7404-4143

Аннотация. Монография А. А. Андреева посвящена истории «поиска исторического Иисуса», то есть попыток реконструкции жизни Иисуса из Назарета, с привлечением наиболее важных трудов на эту тему с конца XVIII в. и до дней сегодняшних. Работа верно излагает общую картину «поиска», но содержит ряд неточностей и ошибок, особенно в изложении методов и взглядов современных участников «поиска».

Ключевые слова: библеистика, поиск исторического Иисуса, Иисус из Назарета, Евангелия

Для цитирования: Ястребов Г. Г. [Рец. на кн.:] Андреев А. А. «Поиск исторического Иисуса»: от Реймаруса до наших дней. Серия: Studia religiosa. Москва: НЛО, 2022. 368 с. *Ориенталистика*. 2023;6(1):173–181. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-173-181.

Контент доступен под лицензией Creative Commons “Attribution-ShareAlike” («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Ястребов Г. Г., 2023
© Ориенталистика, 2023

Original article History studies
https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-173-181

[Book Review:] Andreev Alexey. Quest for the Historical Jesus: from Reimarus to our Time. Moscow: NLO, 2022. 368 p.

Gleb G. Yastrebov[1, 2]

[1] *Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;*

[2] *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, gleb.iastr@list.ru, https://orcid.org/0000-0001-7404-4143*

Abstract. The monograph by A. A. Andreev is devoted to the history of the "search for the historical Jesus", that is, attempts to reconstruct the life of Jesus of Nazareth, with the involvement of the most important works on this topic from the end of the 18th cent. and up to the present day. The work correctly presents the general picture of the "search", but contains numerous inaccuracies and errors, especially in the presentation of the methods and views of modern participants in the "search".

Keywords: Bible studies, Quest for the historical Jesus, Jesus of Nazareth, Gospels

For citation: Yastrebov G. G. [Book review:] Andreev Alexey. Quest for the Historical Jesus: From Reimarus to our time. Moscow: Nlo, 2022. 368 p. *Orientalistica*. 2023;1(6):173–181. https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-1-173-181 (in Russian).

Книга Алексея Андреева [Андреев, 2022] посвящена истории «поиска исторического Иисуса» — дисциплины, занимающейся реконструкцией жизни Иисуса из Назарета. «Поиск», заявивший о себе в науке в конце XVIII в., впоследствии развивался все более интенсивно и обрел особую значимость в конце XX в.

Автору этих строк, с начала 2000-х гг. пытавшемуся внедрить «поиск» в российскую науку (и в результате познавшему тщету «поиска»), было особенно интересно изучить данный текст. Тем более что впервые в России православный священник пишет научную работу о «поиске», и не с целью обличить, а с целью понять.

Однако впечатление двоякое. С одной стороны, книга показывает траектории развития «поиска» и хорошо описывает некоторые исследования, например — вклад Н. Т. Райта и Б. Эрмана. Стоит отметить идеологическую нейтральность о. Алексея (далее — А. А.): он не выговаривает ученым за скепсис (и даже сглаживает его). За ориентир взяты западные историографические обзоры (в частности, Д. Гаулера и М. Пауэлла), в которых много качественного материала.

К сожалению, однако, монография изобилует недочетами.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Yastrebov, G. G., 2023
© Orientalistica, 2023

Первое: неточно, а порой и с ошибками пересказаны взгляды многих авторов. Например, Г. Вермеш будто бы «с большим доверием относится к исторической достоверности… Евангелия от Иоанна» [Андреев, 2022, с. 201]. Это не так: Вермеш не включил ни одну логию из Евангелия от Иоанна в список подлинных [Vermes, 2003, p. 419–436] и вообще считал, что оно не отражает исторической реальности, несмотря на наличие отдельных независимых преданий [Vermes, 2010, p. 45; Vermes, 2000, p. 6–54]. Другой пример: «Вермеш не пишет о том, какие формальные критерии он применяет» [Андреев, 2022, с. 201]. На самом деле, это подробно описано [Vermes, 2003, p. 370–397].

Согласно А. А., Б. Мэк и Дж. Даунинг «используют одинаковые методы и доказывают одну и ту же теорию» [Андреев, 2022, с. 289]. Теория у них и впрямь похожа (киническое влияние на Иисуса), а вот методология совсем разная. А. А. предполагает у них (и у Дж. Клоппенборга) попытку выявить в источнике Q[1] древнейший слой и «противопоставить реконструируемое “раннее богословие” Q всей остальной евангельской традиции» [Андреев, 2022, с. 299]. Осмелюсь заметить, что это неверно. Только у Мэка выводы построены на том, что в Q можно выделить три слоя, причем создание второй редакции (Q2) отражает отход общины Q от кинических идеалов первой редакции (Q1) [Mack, 1993]. Даунинг не верил в существование Q1 и критиковал попытки стратифицировать Q [Downing, 1996]. Клоппенборг не противопоставляет Q1 остальной традиции, а предполагает «базовую преемственность между эсхатологиями Q1 и Q2» [Kloppenborg, 1996, p. 337].

Согласно А. А., «исходная предпосылка» методологии Э. Сандерса — «признание большей части синоптической традиции аутентичной» [Андреев, 2022, с. 189]. Ничего себе предпосылка! А. А. был сбит с толку фразой о возможности в чем-то исходить из Евангелий, если нет опровержения. Однако Сандерс имеет в виду нечто конкретное: нет оснований сомневаться, что распят Иисус был при Понтии Пилате. Завершая разговор о том, что Евангелия относят казнь к правлению Пилата, Сандерс пишет: «Такой информации следует доверять, когда нет веских причин для обратного, т. е. когда в Евангелиях нет многих анахронизмов и аномалий, выдающих обман. Их нет, поэтому в примерной хронологии нет разумных сомнений» [Sanders, 1993, p. 54]. А. А. переводит фразу неточно, создавая максиму: «…Доверять информации, полученной из синоптических Евангелий, если только в ней нет явных анахронизмов, свидетельствующих о позднейших вставках»[2].

Одна из магистральных дискуссий в «поиске» — вопрос о том, как отличить достоверные предания от недостоверных. В 1960–1980-х гг. был предложен набор критериев, воспринятый рядом ученых. Рецепция их описана А. А. упрощенно и неточно. Так, рассказывая о Д. Кроссане, он пишет, что из всех критериев Кроссан использовал лишь совпадение данных из независимых источников [Андреев, 2022, с. 243]. На самом деле Кроссан работал и с другими

[1] Гипотетический источник, по мнению многих ученых, использованный Матфеем и Лукой наряду с Евангелием от Марка.

[2] Как видно из с. 159, А. А. путает понятия «позднего слоя традиции» и «поздней вставки», используя последнее в смысле первого. Но ведь вставка в Евангелия – это искажение *письменного* текста.

критериями[3]. Однако проблема не столько в этом, сколько в «характерной черте» Кроссана, которая упомянута номером один: ученый будто бы утверждал историческую достоверность материалов «лишь в том случае, если эти тексты органично вписываются в общий историко-культурный контекст» [Андреев, 2022, с. 257]. Строго говоря, это банальность (кто считает достоверными анахронизмы?), но Кроссан как раз мало внимания уделял контекстуализации Иисуса в иудаизме I в. (не считая социально-политического ракурса).

Отдельные утверждения автора расходятся с действительностью. Так, например, он дает ссылку на автобиографию Кроссана со словами: «…Библеист рассказывает о том, как изучение исторического Иисуса повлияло на его жизнь и решение уйти из монашества и священства» [Андреев, 2022, с. 240]. Если А. А. читал эти мемуары, то должен знать, что знаменитый в будущем историк оставил монашеские обеты из любви к Маргарите Дежане и стремления к свободе — о влиянии же на его выбор «поиска» он не упоминает [Crossan, 2000, p. 77–80]. Если верить А. А., Л. Вааге доказывает маргинальность иудейской проблематики для Иисуса в двух своих работах, в том числе «Аскетизм и Новый Завет» [Андреев, 2022, с. 335]. Но последняя из них не монография, а сборник статей разных авторов, в котором Л. Вааге принадлежит очень небольшой материал [Vaage, 1999], где он ничего подобного не доказывает.

Методология «семинара по Иисусу» (Jesus Seminar, далее — JSem)[4] изложена с серьезными ошибками. Так, приписывая JSem эксцентричные датировки источников, А. А. поясняет свою мысль таблицей [Андреев, 2022, с. 235], где в одном из столбцов указаны датировки согласно JSem. Поразительно, что датировки даны не на основании публикаций JSem, а на основании книги Кроссана (соведущего семинара). Говорить о позиции JSem в отношении датировок бессмысленно, ибо JSem не формулировал ее, но уж если это делать, то на основании публикаций JSem, где они проставлены авторами отчетов для удобства читателей [Funk, Hoover, 1993, p. 542–548; Funk, 1998, p. 547–555]. Это иные датировки, чем в таблице А. А. Например, А. А. думает, что JSem датирует «Евангелие Эджертона» примерно 50 годом, тогда как в публикациях JSem оно отнесено ко II веку. Согласно А. А., JSem датирует «Евангелие Креста» (гипотетический источник Евангелия от Петра) примерно 50 годом. Однако JSem даже не был уверен, что «Евангелие Креста» существовало [Funk, 1998, p. 247, 445].

Похожую ошибку А. А. делает, описывая, какой образ Иисуса создан семинаром. Вместо того чтобы анализировать отчеты JSem (допускающие разную интерпретацию), он берет обобщение из обзора Пауэлла [Андреев, 2022, с. 224–225]. Однако Пауэлл зря приписывает JSem такую целостную модель: Иисус не видел необходимости в храмах, священниках и «прочих атрибутах

[3] Так, крещение Иисуса постулируется Кроссаном через совпадение двух традиционных критериев: оно описано в независимых источниках и смущало первые поколения христиан [Crossan, 1994, p. 44–45].

[4] Американский научный семинар (1985–1998), собиравшийся с целью оценить историческую достоверность каждого предания об Иисусе. В работе участвовали около 200 ученых. Голосовали разноцветными шариками: красный = эти слова принадлежат Иисусу, розовый = Иисус сказал нечто похожее, серый = есть серьезные сомнения, черный = недостоверно.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

религии» [Powell, 1998, p. 72][5]. Но здесь он (и за ним А. А.) смотрит на вещи глазами Р. Фанка, главного организатора семинара. Ошибка историографа понятна, если учесть, как напористо Фанк продвигал странную концепцию Иисуса как секулярного насмешника, но она сильно упрощает восприятие большим коллективом ученых фундаментального вопроса «поиска» (место Иисуса в иудаизме)[6].

Не повезло и оппоненту JSem, Л. Джонсону, зачисленному в ряды «ультраконсервативного богословского течения» с попыткой «доказать достоверность всех повествований канонических Евангелий», используя в том числе «субъективные апологетические мнения» [Андреев, 2022, с. 336–337]. Однако ничего такого Джонсон не делает, а в упомянутой А.А. книге обосновывает проблематичность Евангелий как источников для исторической реконструкции [Johnson, 1997, p. 107–111]. По Джонсону, полновесная реконструкция невозможна, только самая общая картина [Johnson, 1997, p. 124]: о достоверности многих материалов (в частности, притч) судить сложно, а историчность девственного зачатия или Преображения находится вне поля науки.

Второе: неверно описаны многие консенсусы. Одним из достижений «поиска» названы десять критериев достоверности, «используемых большинством современных участников…» [Андреев, 2022, с. 339]. Между тем, для последних десятилетий характерно разочарование в этих критериях (см.: [Ястребов, 2012]). Почти все они слабы методологически, и нет согласия в том, какие из них работают. Вместе с критериями уходит в прошлое и надежда оценить достоверность каждого блока преданий об Иисусе объективно-историческими методами.

Допустим, А. А. не учел дискуссии последних 10–15 лет, но и относительно обсуждаемых им авторов он порой высказывает неверные суждения. А. А. пишет, что «наличие арамеизмов и гебраизмов как свидетельство аутентичности евангельского текста используется в качестве критерия практически всеми» участниками «поиска» [Андреев, 2022, с. 148]. Не говоря о том, что понятие «аутентичность текста» здесь неверно использовано в смысле «историческая достоверность», сама мысль А.А. неправильна. Почти все обсуждаемые им ученые не используют данный критерий никогда или почти никогда. Даже Майер, который упоминает его как вторичный в томе 1 своего многотомника, впоследствии больше критикует его [Meier, 2015].

А. А. пишет: «Исследования Кумранских рукописей доказали, что 1 Книга Еноха не могла быть написана до 70 г. н. э.» [Андреев, 2022, с. 223], ссылаясь на работу Д. Беркетта. Здесь двойная путаница. А. А. имеет в виду, собственно, «Подобия Еноха»: единственную часть 1 Еноха, не найденную в Кумране. (Ссылка на 1 Еноха как единое целое неудачна.) Но ссылка на Беркетта пораз-

[5] Здесь автор рецензии уточняет перевод цитаты из Пауэлла, который приводит А. А.

[6] А. А. пишет, что Борг, Мэк, Кроссан и некоторые другие участники «создали собственные реконстукции… которые в нескольких аспектах несколько отличаются от того образа Иисуса, который возник в ходе работы “Семинара”» [Андреев, 2022, с. 225]. Но в том и дело, что JSem голосовал за «базу данных» для реконструкции, а не ее понимание.

ительна, ибо тот говорит об *отсутствии* консенсуса по датировке и о том, что кумранистика не закрыла вопрос [Burkett, 2000, с. 72]! Вообще сейчас есть некоторая тенденция датировать «Подобия» временем до Иисуса (возможно, правлением Ирода Великого) [Bock, 2013], хотя о консенсусах говорить преждевременно.

Злополучная таблица датировок [Андреев, 2022, с. 235] неверно описывает мнение не только JSem, но и других ученых. Один из столбцов призван показать «датировку большинства исследователей на основании» работ Райта, Брауна, Эллиотта и Шнеемельхера. Странный подход (почему эти работы покажут консенсус?), но название столбца не отвечает содержанию: даты далеко не всегда сходятся с фактурой в упомянутых книгах[7]. Относительно тайного Евангелия от Марка А. А. пишет, что большинство ученых считают его «современной подделкой». Но это не мнение Брауна: судя по всему [Андреев, 2022, с. 171], А. А. убедила в этом книга С. Карлсона [Carlson, 2005], и он решил, что так считают почти все. Однако Карлсон лишь открыл полемику. Гипотеза о подделке респектабельна, но большинство ученых занимают агностическую позицию[8].

Третье: почти не учтено, что ученые не всегда придерживались одних и тех же взглядов — с течением времени они их нередко меняли. Например, нет в истории «поиска» исследователя, который корректировал свои подходы сильнее, чем Д. Кроссан. А. А. поступает просто: не упоминает о работах 1970–1980-х гг. (хотя они создали научную школу)[9], описывает метод в монографии 1991 года, бегло упоминая о более поздних трудах, в основном до 1998 года. Можно догадаться о причине: обзоры середины и конца 1990-х гг., взятые А. А. за ориентир, зафиксировали именно этот этап. В результате он не заметил, что даже в «Рождении христианства» [Crossan, 1998] Кроссан существенно меняет позицию[10]. Мимо внимания А. А. прошло и обновление методологии в полемике с Д. Эллисоном [Miller, 2001], и смена акцентов в последующих публикациях.

Значимые модификации мы находим у других героев «поиска»: Э. Сандерса, Д. Эллисона, Г. Вермеша, М. Борга, Дж. Даунинга и даже Дж. Майера. Без анализа динамики мнений и взглядов в процессе «поиска» его не понять.

Четвертое: хотя глава 6 названа «Современное состояние и перспективы на будущее», период с начала XXI в. в монографии почти не затронут. Но если уж говорить о перспективах, отчего не учесть хотя бы работы, которые сам же

[7] Ссылки отсутствуют. Так, Р. Браун датирует Мк периодом от 68–73 гг.; Мф — 70–100 гг.; Лк — 75–95 гг.; Ин — 80–110 гг.; «Евангелие от евреев» — до 125 г [Brown, 1997, p. 127, 164, 172, 217, 334]. У А. А. в данных «по Брауну» (?!) это превращается в 60–70 (Мк), 75–80 (Мф, Лк), 90–95 (Ин), ок. 140 (Евангелие от евреев).

[8] См. особенно скептическую позицию М. Литвы, который при этом отмечает, что большинство ученых не имеют твердого мнения по данному вопросу [Litwa, 2022, p. 363].

[9] Из работ Кроссана по притчам (наряду с работами Р. Фанка и Б. Скотта), особенно его монографии «В притчах…» [Crossan, 1973] во многом и вырос JSem.

[10] Кроссан перестает трактовать весть Иисуса как частично антиномистскую, заявляя, что Иисус соблюдал кодексы ритуальной чистоты [Crossan, 1998, p. 580–581], и отныне пытается вписать Иисуса в траекторию ветхозаветного иудаизма.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

А. А. мельком упоминает? Обсуждая в одном абзаце (!) вклад такого яркого исследователя, как Д. Эллисон, А. А. пишет, что Эллисон «использует передовые наработки антропологии, социальной истории, сравнительного религиоведения и других областей знания, к которым до XXI века практически не обращались» [Андреев, 2022, с. 332]. Вот тут бы и рассказать читателю, в чем заключатся эти наработки. Тем более что они не оставляют камня на камне от критериев достоверности, которые полюбились А. А. Монография Майера о притчах (2015) пересказана в двух предложениях. А ведь его попытка осмысления — правота или неправота — имеет фундаментальное значение для вердикта о направлениях «поиска».

Пятое: почти нет самостоятельной аналитики. Книга выстроена по образцу англоязычных обзоров, а анализ персоналий обычно сводится к скупой информации о том, что авторы думали друг о друге. В этом есть плюсы: опора на обзоры создает определенную страховку, но она же и подводит: так, А. А. критикует JSem, опираясь на статью, в которой описано, как 67% участников JSem проголосовали за атрибуцию Иисусу притчи о сеятеле в Лк 8:5–8, а в издании семинара текст получил «серый» цвет [Андреев, 2022, с. 237]. Но если не брать информацию из вторых рук, легко убедиться, что притча на деле получила «розовый» цвет [Funk, 1993, p. 305, 552][11].

Шестое: не указаны выходные данные ряда обсуждаемых книг. А. А. излагает их содержание, и читателю неясно, на основании чего — их самих или пересказов (и если да, то каких) — он это делает. Иногда ссылки перепутаны: так, Х. Маккоби и Б. Чилтону приписана книга с одним и тем же названием («Раввин Иисус») [Андреев, 2022, с. 333]. На самом деле это название подразумевает работу Чилтона (у Маккоби это должно быть — «Фарисей Иисус»), но ни той, ни другой книги нет ни в сносках, ни в библиографии.

Седьмое: неверен перевод ряда цитат. Например, английское «Иисус и его небесный Отец были почти едины (were almost one)» почему-то превращается в «фамильярное отношение Иисуса к небесному Отцу» [Андреев, 2022, с. 332]. А. А. пересказывает упрек Р. Хейза в адрес JSem: не были приглашены «исследователи из католических центров» [Андреев, 2022, с. 227–228]. Это не соответствует ни оригиналу (где речь только о Католическом университете Америки [Hays, 1994]), ни фактам (в JSem были представлены разные католические вузы и даже доминиканский орден). И, кстати, вопреки А. А. [Андреев, 2022, с. 211], в JSem было два сопредседателя, а не 29 (число Charter Fellows).

Список недочетов можно было бы продолжить, но подведем итоги — все они вызывают досаду и сожаление, так как работа проделана о. Алексеем серьезная и трудоемкая, а знания его о «поиске» выше, чем у большинства его православных коллег. Однако тема сложна, требуются десятилетия, чтобы освоить ее в должной степени. Монография же грешит сыростью и скороспелостью выводов, а зачастую ненадежна как источник сведений. И все-таки закончим на позитивной ноте: главное достоинство работы — в ней чувствуется неподдельный интерес автора к объективной истории. Уже одно это способно воодушевить десятки молодых ученых и внести позитивный вклад в изучение Евангелий.

[11] Здесь окончательный отчет JSem исправляет оплошность в более раннем издании.

Литература / References

1. Андреев А. А. *«Поиск исторического Иисуса»: от Реймаруса до наших дней*. Москва: НЛО, 2022. 368 p. [Andreev A. A. *"Quest for the Historical Jesus": From Reimarus to our Time*. Moscow: NLO, 2022. 368 p. (in Russian)].
2. Ястребов Г. Г. Третий поиск исторического Иисуса: кризис критериев достоверности. *Страницы*. 2012;16(4):494–503 [Yastrebov G. The Third Quest for the Historical Jesus: crisis of the criteria of authenticity. *Stranitzy*. (Pages). 2012;16(4):494–503 (in Russian)].
3. Bock D., Charlesworth J. (eds) *Parables of Enoch: A Paradigm Shift*. London: T & T Clark, 2013. 410 p.
4. Brown R. *An Introduction to the New Testament*. New York: Doubleday, 1997. 878 p.
5. Burkett D. *The Son of Man Debate: A History and Evaluation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 176 p.
6. Carlson S. *The Gospel Hoax: Morton Smith's Invention of Secret Mark*. Waco: Baylor University Press, 2005. 173 p.
7. Crossan J. D. *In Parables: The Challenge of the Historical Jesus*. New York: Harper & Row, 1973. 141 p.
8. Crossan J. D. *Jesus: A Revolutionary Biography*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1994. 209 p.
9. Crossan J. D. *The Birth of Christianity: Discovering What Happened in the Years Immediately after the Execution of Jesus*. San Francisco: HarperCollins, 1998. 653 p.
10. Crossan J. D. *A Long Way from Tipperary: What a Former Monk Discovered in His Search for the Truth*. San Francisco: Harper One, 2000. 216 p.
11. Downing F. G. Word-Processing in the Ancient World: The Social Production and Performance of Q. *Journal for the Study of the New Testament*. 1996;64:29–48. DOI: 10.1177/0142064X9701906403.
12. Funk R. (ed.) *The Acts of Jesus: The Search for the Authentic Deeds of Jesus*. New York: HarperCollins, 1998. 569 p.
13. Funk R. W., Hoover R. (eds) *The Five Gospels: The Search for the Authentic Words of Jesus*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1993. 553 p.
14. Hays R. The Corrected Jesus. *First Things*. 1994;43:43–48.
15. Johnson L. T. *The Real Jesus: The Misguided Quest for the Historical Jesus and the Truth of the Traditional Gospels*. San Francisco: HarperCollins, 1997. 182 p.
16. Kloppenborg J. The Sayings Gospel Q and the Question of the Historical Jesus. *Harvard Theological Review*. 1996;89:307–344. DOI: 10.1017/S0017816000006088.
17. Litwa M. D. *Carpocrates, Marcellina, and Epiphanes: Three Early Christian Teachers of Alexandria and Rome*. London: Routledge, 2022. 243 p.
18. Mack B. *The Lost Gospel: The Book of Q and Christian Origins*. San Francisco: HarperSanFrancisco, 1993. 275 p.

ISSN 2618-7043 (Print), 2687-0738 (Online)

19. Meier J. P. *A Marginal Jew: Rethinking the Historical Jesus.* Vol. V: *Probing the Authenticity of Parables*. New Haven: Yale University Press, 2015. 441 p.
20. Miller R. J. (ed.) *Apocalyptic Jesus: A Debate*. Santa Rosa: Polebridge, 2001. 168 p.
21. Powell M. A. *Jesus as a Figure in History: How Modern Historians View the Man from Galilee*. Louisville: Westminster John Knox Press, 1998. 249 p.
22. Sanders E. P. *The Historical Figure of Jesus*. London: Allen Lane, 1993. 337 p.
23. Vaage L, Wimbush V. (eds) *Asceticism and the New Testament*. New York: Routledge, 1999. 444 p.
24. Vermes G. *Real Jesus: Then and Now*. Minneapolis: Fortress Press, 2010. 185 p.
25. Vermes G. *The Changing Faces of Jesus*. London: Allen Lane, 2000. 305 p.
26. Vermes G. *The Authentic Gospel of Jesus*. London: Allen Lane, 2003. 446 p.

Информация об авторе

Ястребов Глеб Гарриевич — магистр теологии, научный сотрудник Института востоковедения РАН; научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, gleb.iastr@list.ru.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 29.12.2022; принята к публикации 13.02.2023; опубликована 30.03.2023.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Gleb G. Yastrebov — Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, gleb.iastr@list.ru.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 29.12.2022; accepted for publication 13.02.2023; published 30.03.2023.
The author has read and approved the final manuscript.

Orientalistica

Peer-reviewed academic journal

Editor-in-chief — *Alikber K. Alikberov*, Dr. Sci. (Hist.).
Deputy Editor-in-Chief — *Vladimir O. Bobrovnokov*, PhD (Hist).

Editors of "Historical sciences" section:
Nikolay I. Serikoff, PhD (Hist), *Vladimir O. Bobrovnokov*, PhD (Hist),

Editors of "Philosophy of the East" section:
Tawfik Ibrahim, Dr. Sci. (Philos.), Prof., *Artem I. Kobzev*, Dr. Sci. (Philos.), Prof., ,
Tatiana A. Ofertene

Editors "Languages and Literature of the East" section:
Natalia I. Prigarina, Dr. Sci. (Philol.), Prof., *Ludmila A. Vasilyeva*, PhD. (Philol.),
Lilia R. Frangulyan, PhD (Philol.).

Scientific editors:
Natalia I. Prigarina, Nikolaj I. Serikoff, Evgenia Smagina,
Tatiana A. Ofertene, Tatiana M. Mastugina.

Editors-translators:
Nikolaj I. Serikoff (Eng.), *Tawfik Ibrahim* (Arab.), *Dmitry V. Mikulsky* (Arab.),
Natalia I. Prigarina (Pers.), *Ludmila A. Vasilyeva* (Urdu), *Apollinaria S. Avrutina* (Turk.),
Galina S. Popova (Chinese), *Surun-Khanda D. Syrtypova* (Mongol.).

Responsible Secretary — *Ilona A. Chmilevskaya.*
Computer layout — *Nadejda A. Kildisheva.*

Languages in which articles in the journal can be printed:
Russian, English, German, French.

Signed in the press on Mach 30, 2023. Format 70×100/16.
Conventionally printed sheets 14,95. Circulation 50 copies (the first factory 25 copies).
Order No. -23. The price is free.
Website: www.orientalistica.com, www.orientalistica.su

The Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia. Website: www.ivran.ru

Printed in Joint stock company Amirit LLC
in accordance with the materials provided. 410004, Russia, Saratov, Chernyshevsky st., 88.
Tel.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru. Website: http://amirit.ru

Ориенталистика

Научный рецензируемый журнал

Главный редактор — *А. К. Аликберов*, д-р ист. наук.
Заместитель главного редактора — *В. О. Бобровников*, канд. ист. наук

Редакторы раздела «История Востока»:
Н. И. Сериков, канд. ист. наук, *В. О. Бобровников*, канд. ист. наук

Редакторы раздела «Философия Востока»:
Т. Ибрагим, д-р филос. наук, проф., *А. И. Кобзев,* д-р филос. наук, проф., *Т.А. Офертене*

Редакторы раздела «Филология Востока»:
Н. И. Пригарина, д-р филол. наук, проф., *Л. А. Васильева*, канд. филол. наук,
Л. Р. Франгулян, канд. филол. наук.

Научные редакторы:
Н. И. Пригарина, Н. И. Сериков, Е. Б. Смагина, Т. А. Офертене, Т. М. Мастюгина

Редакторы-переводчики:
Н. И. Сериков (англ. яз.), *Т. Ибрагим, Д. В. Микульский* (араб. яз.), *Г. С. Попова* (кит. яз.),
С.-Х. Д. Сыртыпова (монг. яз.), *Н. И. Пригарина* (перс. яз.), *Л. А. Васильева* (урду),
А. С. Аврутина (тур. яз.).

Ответственный секретарь — *И.А. Чмилевская*
Верстальщик — *Н. А. Кильдишева.*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнал:
русский, английский, немецкий, французский.

Подписано в печать 30.03.2023. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,95. Тираж 50 экз. (1-й завод: 1–25). Заказ № 0-23.
Журнал распространяется по подписке. Свободная цена.
Веб-сайт: www.orientalistica.com

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения
Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в типографии ООО "Амирит",
410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.5. Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: http://amirit.ru